

УДК 82(1-87)

ББК84(4Ита)

Э40

UMBERTO ECO

**A passo di gambero:
guerre calde e populismo mediatico**

Перевод с итальянского *Елены Костюкович*

В оформлении обложки использована
фотография автора *Anne Selders*

Художественное оформление
и макет *Андрея Бондаренко*

По указанию держателей копирайта — У. Эко и издательства «RCS Libri» (Милан, Италия) из настоящего издания выведены очерки: «L'Italia dei comici. Una situazione tragica», «Ora tiriamo le monetine ai giudici», «I cinque progetti di riforma rivoluzionaria», «Contra Cuslodes», «Datta Sekmea Ricky Memphis», «Su un congresso teologico berlusconiano», «Il codice Enigma», «La certosa di Parmalat», «Rassegna stampa del 2010», «Quel ramo di lago di Como».

Эко У.

Э40 Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Умберто Эко; [пер. с итал. Е. Костюкович]. — М: Эксмо, 2007. — 592 с.

ISBN 978-5-699-21165-4

В этой книге собран ряд статей и выступлений, написанных с 2000 по 2005 год.

Это особый период. В его начале люди переживали традиционный страх перед сменой тысячелетий. Смена произошла, и грянули 11 сентября, афганская война и иракская война. Ну а в Италии... В Италии это время, вдобавок ко всему, было эпохой правления Берлускони... В своей новой книге «Полный назад!» выдающийся итальянский писатель Умберто Эко (р. 1932) говорит о современности — о ее политике, культуре и нравах.

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Ита)

© RCS Libri S.p.A — Milan. Bompiani 2006

© Перевод. Е. Костюкович, 2007

© Примечания. Е. Костюкович, 2007

© Оформление. А. Бондаренко, 2007

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21165-4

**Полный назад!
«Горячие войны»
и популизм в СМИ**

В этой книге собран ряд статей и выступлений, написанных с 2000 по 2005 годы.

Это особый период. В его начале люди переживали традиционный страх перед сменой тысячелетий. Смена произошла, и грянули 11 сентября, афганская война и иракская война. Ну а в Италии... В Италии это время, вдобавок ко всему, было эпохой правления Берлускони.

Поэтому, оставив за рамками тома прочие высказывания на разнообразные темы, я собрал только те размышления, которые затрагивают политические и медийные события тех шести лет¹. Шаг за шагом я проследил законо-

1 Эта книга вышла перед парламентскими выборами, которые состоялись 9 апреля 2006 г. и принесли победу левоцентристскому блоку. Правительство Сильвио Берлускони (р. 1936), которое Эко столь живо осмеивал, ушло в отставку. Победе оппозиции способствовали, в частности, высказывания авторитетных представителей итальянской интеллигенции в форме выступлений, статей и отдельных книг, подобных настоящему сборнику. — *Здесь и далее примечания Е. Костюкович. В подборе материала для примечаний участвовала Л. Сумм. Переводы иностранных цитат, если в сноске не указано иное, выполнены Е. Костюкович.*

мерность, описанную в предпоследней из «Картонок Минервы»¹. Та «Картонка» называлась «Торжество облегченной технологии»².

Это была пародийная рецензия на вымышленную книгу вымышленного Краба Ракоходса (Crabe Backwards. *Pan Galaxy*. Loop Press, 1996). Там я писал, что в последнее время отмечаю немало технологических новшеств, представляющих собой настоящие шаги назад. Так, *тяжелые виды коммуникации* с 70-х годов начали легчать. Вначале преобладающим видом коммуникации был цветной телевизор — здоровый ящик, он загромождал помещение, зловеще пыхал в темноте и урчал на устрашение жильцам других квартир. Первый шаг к *облегченной коммуникации* сделали, когда изобрели дистанционное управление. Можно стало не только по желанию понижать или же вообще устранять звук, но и убивать цвет и менять канал. Прыгая с дискуссии на дискуссию, глядя на черно-белый беззвучный экран, телезритель получает новую творческую свободу: начинается жизнь под аккомпанемент *заппинга*. Старое телевидение, передавая все в прямом эфире, держало зрителя в рабстве, принуждая к последовательному просмотру передач. Но прямые эфиры теперь почти изжиты, и, значит, телевидение изжило нашу от него зависимость, а видеомэгнитофон не только преобразует телеви-

- 1 Под этим названием на последней странице журнала «Экспрессо» Эко публикует прежде — еженедельно (1985-1998), а впоследствии — дважды в месяц (с 1998 по настоящее время) заметки о нравах, вопросах культуры и этики, философские зарисовки. Название восходит к уже не существующим спичкам «Минерва», которые наклеивались на широкие полоски картона. На картонках Эко на заседаниях или в поездках составлял конспекты будущих очерков. Сборник этих очерков (Eco *U. La Bustina di Minerva*. Milano: Bompiani, 2000) в русском переводе выходит в 2007 г. в издательстве «Симпозиум» под названием «Записки на спичечных коробках».
- 2 Eco U. Il trionfo della tecnologia leggera // *La Bustina di Minerva*. Milano: Bompiani, 2000. P. 329-

дение в кино, но и позволяет отмащивать записи, выводив нас из пассивности и подчиненности.

На этой стадии, думаю, можно вообще убрать из ТВ звук. Крутить смонтированные картинки под звуковую дорожку пианолы, синтезируя музыку на компьютере. А учитывая, что телевидение часто пускает бегущую строку для слабослышащих, ждать осталось недолго — скоро появятся программы, где будут показывать целующуюся пару с титром понизу экрана «У нас любовь». Таким образом облегченная технология приведет к реизобретению немого кино Люмьеров¹.

Уже совершен следующий шаг — к обездвижению изображений. Когда родился Интернет, пользователи стали получать неподвижные картинки низкого разрешения, часто вдобавок — черно-белые, без звука, звук оказался лишним: вся информация выводилась на экран в текстовом виде.

Следующей стадией этого триумфального возврата в Гутенбергову галактику², говорил я, будет, конечно, исчез-

- 1 Братья Опост (1862-1954) и Луи Жан (1864-1948) Люмьер изобрели аппарат, который назвали «кинематограф», и 28 декабря 1895 г. продемонстрировали первый короткометражный фильм под аккомпанемент тапера.
- 2 Гутенбергова галактика — термин, введенный канадским философом и теоретиком коммуникаций Гербертом Маршаллом Маклюэном (1911-1980), автором книги «Гутенбергова галактика. Появление человека типографского» (*The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*, 1962), наряду с термином «the Global Village» — «глобальная деревня». Гутенберговой галактикой Маклюэн назвал первые пять сотен лет печатной техники до 1844 г. — до изобретения телеграфа Морзе. Современная электронная цивилизация получила имя «галактики Маркони». См.: Eco U. «From Internet to Gutenberg». Лекция в The Italian Academy of Advanced Studies in America, 12 ноября 1996 г. Также: Эко У. «От Интернета к Гутенбергу. Текст и гипертекст». Публичная лекция, МГУ, 20 мая 1998 г.

новение картинок Изобретут коробочку, умеющую ловить и передавать одни лишь звуки, не требующую дистанционного пульта: можно будет скакать через каналы, регулируя настройку круглой ручкой! Это я так шутил, предлагая изобрести радиоприемник Теперь я вижу, что пророчествовал и изобретал iPod.

В завершение я писал, что последней стадией явится отказ от передач в эфире, где все время какие-то помехи, — и переход на кабельное телевидение, использующее телефонные и интернетные провода. Тем самым, говорил я, беспроводная передача звуков сменится проволочной передачей знаков — так мы, допятившись до Маркони, отодвинемся к Меуччи¹.

Я шутил, но идеи осуществились. Что мы прогрессируем вспять, стало понятно уже после падения Берлинской стены, когда поменялась политическая география Азии и Европы. Издатели атласов сдали в макулатуру запасы со складов: с карт мира исчезли Советский Союз, Югославия, Восточная Германия и подобные чудища. Карты стали стилизоваться под 1914 г., на них вернулись Сербия, Черногория, балтийские государства.

Прогресс навыворот, надо сказать, здесь не кончается. В третьем тысячелетии мы начали вытанцовывать еще больше обратных па. Примеры — пожалуйста. После полувека «холодной войны» мы развязали наконец в Афганистане и в Ираке войну горячую, снова пережили наско-

1 Гульельмо Маркони (1874-1937) — итальянский инженер и предприниматель, считающийся в Италии изобретателем радиоприемника (1898). Антонио Меуччи (1808-1889) — итальянский изобретатель телефона (1857). Из-за неправильного оформления документов утратил право именоваться первооткрывателем, и этим правом пользуется А.Г. Белл, запатентовавший телефон в 1876 г.

ки «коварных афганцев» на перевал Хайбер¹, возродили средневековые крестовые походы, повторили войны христианства против ислама. Снова завелись смертники-ассасины, муштруемые в укывищах Горным Старцем², и загремели фанфары Лепанто³, а некоторые новомодные книжонки можно пересказать одним истошным воплем «мамочка, ой, турки!»⁴.

Вновь поднял голову христианский фундаментализм, который, как мнилось прежде, опочил с XIX веком, возродилась антидарвинистская полемика и снова замаячил перед нами (пока что пугая только демографией и экономикой) жупел Желтой Опасности. В наших белых семьях снова трудятся цветные рабы, как в романе «Унесенные ветром»⁵, и варварские племена снова идут в переселение, будто в первые века нашей эры. И как показано в одном из опубликованных здесь очерков, восстанавливаются (по крайней мере в моей Италии) манеры и обычаи, бытовавшие в Риме периода упадка.

- 1 Хайбер (Khyber Pass) — перевал стратегической важности на границе Афганистана с Пакистаном, место битвы, где целый британский полк в 1839 г. был уничтожен воинами племени пуштун.
- 2 Старец Гор или Владыка Ibr — вождь исмаилитов Хасан ибн Саббах, основатель мистической секты ассасинов (гашишинов, XII в).
- 3 Морская битва при Лепанто (Греция) 7 октября 1571 г. и победа испано-венецианской коалиции положили конец господству османского флота на Средиземном море.
- 4 Имеется в виду книга итальянской журналистки Орианы Фаллачи (1929-2006), после 11 сентября 2001 г. неистово обрушившей свой гнев на исламскую цивилизацию, «Ярость и гордость» (Fallaci O. *La rabbia e Vogoglio*. Milano: Rizzoli, 2004. Рус. пер.: М.: «Вагриус», 2004). Книга является образцом политической некорректности, однако получила восторженный прием миллионов читателей в Европе.
- 5 «Унесенные ветром» (1936) — роман американской писательницы Маргарет Митчелл (1900-1949).

Торжествует, явившись вновь, антисемитизм с его «Протоколами»¹, и у нас сидят в правительстве фашисты (называющие себя «пост...», хотя среди них — те же люди, что звались прямо фашистами). Я гляжу, оторвавшись от верстки этой книги: в телевизоре спортсмен приветствует болельщиков римским, то бишь фашистским, салютом. Точно какя почти семьдесят лет назад, когда был балиллой² и меня заставляли. Что говорить о «деволюции»³, намеренной отбросить Италию в догарибальдийское время.

Снова, как в послекавуровские годы⁴, грызутся друг с

- 1 «Протоколы сионских мудрецов» — известная с 1905 г. антисемитская фальшивка, подпитывающая более 100 лет идею «мирового еврейского заговора». Написана в России под влиянием французских образцов. См. очерки «Волк и ягненок риторика бессовестности», «Верить в Трисмегиста?» и особенно «Итальянцы — антисемиты?» и «Заговор».
- 2 Балилла (Opera Nazionale Balilla, 1926-1937) — при Муссолини фашистская организация для подростков от 9 до 14 лет.
- 3 Деволюция — термин современной итальянской политики (*оплат, devolvere* — отводить) — осуществлять федерализацию страны, передавая государственные функции регионам. Лозунг автономистской «Лиги Севера» (Lega Nord).
- 4 Знаменитый политик граф Камилло Бенсо Кавур (1810-1861) сыграл определяющую роль в ходе двух войн за независимость, которые привели к объединению Италии (17 марта 1861 г.) и к провозглашению Итальянского королевства под управлением Виктора-Эммануила II. Во время Третьей войны за независимость (1866) и завоевания Папского Рима (1870) Кавура уже не было в живых. Папское государство было объявлено несуществующим; в этот «пост-кавуровский» период молодому итальянскому государству пришлось решать особенно болезненные вопросы взаимоотношений с католической церковью, которая противилась присоединению Рима к Италии. Папское государство (в пределах Ватикана) было воссоздано только при фашизме, которому католическая церковь предоставила одобрение и поддержку, в награду за что Муссолини подписал Латеранские соглашения (1929), придавшие Ватикану статус отдельного государства.

другом церковь и государство. В довершение «дежа вю» возрождаются вымершие, как это представлялось (ошибка!) христианские демократы¹.

Будто история, устав от поступательности двух тысячелетий, свертывается змеей и задремывает в блаженном уюте Традиции.

В очерках, вошедших в эту книгу, разобраны разные случаи отката в историческое прошлое. Их достаточно, чтобы обосновать выбранное название.

Однако, безусловно, в ситуации прослеживается и нечто очень новое, по крайней мере — для нашей страны. Кое-что до сих пор места не имевшее. Я имею в виду правительство, основанное на популистской демагогии, усиленной беспрецедентно сгруппированными в одних руках средствами массовой информации, правительство, созданное одной-единственной частной компанией, заботящейся о собственных частных интересах. Незнакомый до сих пор новый вариант, по крайней мере в европейской политике. Эта новая сила коварнее и технически оснащенной, нежели любая из популистских элит и диктатур Третьего мира.

Многие очерки посвящены именно этой проблеме. Они продиктованы беспокойством и возмущением пред лицом Нахрапистой Нови, которую (по крайней мере в

- 1 Христианско-демократическая партия Италии (Democrazia Cristiana), основанная в 1942 г. Альчиде Де Гаспери, была распущена 18 января 1994 г. после волны скандалов и судебных процессов, получивших название «Чистые руки» (Mani pulite), когда под судом оказались виднейшие представители этой партии и сформированного из нее правительства. Из обломков «христианской демократии» родились три партии различных направлений: левого, правого и центристского. Говоря о «дежа вю», Эко имеет в виду, что в 2000 г. ядро партии под руководством Фламинио Пикколи восстановилось под традиционным именем «Христианско-демократической партии» (Partito Democratico Cristiano).

день написания этих строк) неясно еще, удастся ли обуздать¹.

Второй раздел сборника посвящен популистскому деспотизму (*regime*) в средствах массовой информации, и я без всяких колебаний употребляю это слово примерно в том же значении, которое имели в виду средневековые мыслители (никак не коммунисты!), писавшие *de regimine principum*².

Кстати о «деспотизме», и вообще довольно кстати, я открываю второй раздел воззванием, которое опубликовал перед выборами 2001 года, — его поносили, как мало что на этом свете. Один знаменитый журналист из правых, который, однако, почему-то меня любит, горько сетовал, как это «хороший человек» (это обо мне), может презирать мнение половины граждан Италии (то есть зачем я третью тех, кто голосует не так, как я).

А недавно меня раскритиковали уже не из чужого лагеря, а из собственного, за высокомерие и малосимпатичную манеру держаться, которая-де свойственна нашим диссидентствующим интеллектуалам.

Я так часто огорчался, слыша о себе, будто я стараюсь быть симпатичным любой ценой и со всеми на свете, — что обрадовался определению «малосимпатичный» и почувствовал гордое достоинство и самодостаточность.

- 1 Прошедшие 9 апреля 2006 г. парламентские выборы принесли победу антиберлускониевской коалиции левоцентристских партий. Победа досталась крайне незначительным перевесом голосов, что дополнительно накалило конфликтную атмосферу в итальянской политике последних лет.
- 2 «*De regimine principum*» (*лат.*) — «О правлении государей», название нескольких средневековых сочинений (Фомы Аквинского, Эгидия Римского, оба — XIII в.) об уместности и необходимости абсолютных монархий. Идея восходит к трактату Аристотеля «О политике».

Однако диву даюсь, при чем тут высокомерие. Это как если бы в свое время (*si parva licet componere magnis*¹) братьям Росселли, супругам Гобетти, и таким диссидентам, как Сальвемини и Грамши, не говоря уж о Маттеотти², поставили на вид, что они не хотят войти в положение фашистов.

Если кто-то бьется за политические изменения (а в данном случае я бьюсь за изменения политические, гражданские и моральные), то, не отменяя неперемennого права-обязанности интеллигента быть готовым к пересмотру своих позиций, этот бьющийся в момент действия все же

- 1 *Si parva licet componere magnis (лат.)* — «Кольвекое сравнивать с малым» (Вергилий. *Иэоргики*. IV, 176. Пер. С. Шервинского).
- 2 Карло (1899-1937) и Нелло Росселли (1900-1937) — итальянские последователи Г. Сальвемини (см. ниже), выпускавшие подпольную антифашистскую газету «Нон молларе» и открывшие закулисную сторону убийства Маттеотти (см. ниже), были убиты во Франции по приказу Муссолини. Пьеро Гобетти (1901-1926) — итальянский мыслитель-либерал, основатель журнала «Револуцоне либерале». Преследуемый фашистами, эмигрировал с женой Адой в 1926 г. и умер во Франции. Газетано Сальвемини (1873-1957) — итальянский историк, основоположник социалистической философской мысли, настаивал на необходимости аграрных реформ в целях модернизации экономики Юга Италии. Антонио Грамши (1891-1937) — один из основателей итальянской компартии, однако, в отличие от Пальмиро Тольятти, не был настроен ни просгалински, ни просоветски. Автор знаменитых философских записей «Тюремные тетради» (1928). Джакомо Маттеотти (1885-1924) — итальянский депутат-социалист, 30 мая 1924 г. произнесший в парламенте речь, оспаривавшую легитимность имевших место за месяцдо этого выборов, в результате которых пришел к власти Бенито Муссолини. «Я свою речь произнес. Теперь готовьте похоронную речь по мне», — сказал он друзьям. Через десять дней Маттеотти был похищен и зверски убит. Когда нашли его труп, разразился политический кризис, угрожавший самому существованию режима. Произнося речь в парламенте 3 декабря 1925 г., Муссолини открыто взял на себя ответственность за преступление.

должен быть убежден, что стоит за справедливое дело, и должен энергично клеймить ошибочную позицию тех, кто ведет себя иначе. Не могу себе представить, как можно строить предвыборную кампанию на лозунгах вроде «ваша позиция сильнее нашей, но мы вас просим голосовать за нашу, за слабую». В ходе предвыборной кампании критиковать противника надо жестко, безжалостно, так, чтобы перетянуть на свою сторону если не оппонентов, то хотя бы колеблющихся.

Вдобавок, часто та критика, которая звучит малосимпатично, является критикой нравов. А критик нравов (порою в чужих пороках клеймя свои собственные, или свои наклонности к оным) должен быть бичевателем. Снова сошлюсь на классику: критикуя нравы — будь Горацием, пиши сатиры; а если ты скорее Вергилий — тогда пиши поэмы, самые прекрасные поэмы на свете, но воспевая начальников.

Времена стоят плохие, нравы у нас развратные, и даже сама по себе работа критиков (та, которой удастся протиснуться через цензуру), выставляется пред народом на охуление.

Что ж, тогда я сознательно опубликую эти очерки под знаком конструктивной малосимпатичности, изберу ее как флаг.

Все заметки печатались прежде (источники приводятся), однако многие тексты для этого издания переработаны. Не для того, конечно, чтобы подновлять и вписывать в опубликованные очерки задним числом пророчества, а чтоб поубирать повторы (поскольку иногда в запале невольно возвращаешься к навязчивым темам), отредактировать слог, иногда — вычеркнуть отсылки к тому сиюминутному, что сразу забывается читателями и становится малопонятным.

Война, мир и ни то ни се

Несколько соображений о войне и мире¹

В начале 60-х годов я был соучредителем итальянского Комитета за ядерное разоружение и участником нескольких маршей за мир. Прошу иметь это в виду. Добавлю, что всю жизнь я был пацифистом (остаюсь им и ныне). При всем при том уведомляю вас, что я намерен в этой книге ругать не только войну, но и мир. Прошу вас набраться терпения и послушать, за что ругаем.

О каждой новой войне, начиная с войны в Персидском заливе, я написал по очерку и только после этого понял, что от войны к войне переменял самую суть своего представления о войнах. Похоже, что понятие о войне, пребывавшее более или менее постоянным со времен древних греков до нашего времени

¹ «Alcune riflessioni sulla guerra e sulla pace». Выступление в Милане в Обществе Св. Эджидио, июль 2002 г.

(независимо от развития боевой техники), за последнее десятилетие переменяло свою суть по меньшей мере три раза.

Я буду повторять отрывки из статьи «Осмысляя войну», опубликованной впоследствии в томе «*Cinque scritti morali*»¹, в которой речь идет о первой войне в Заливе. Старые мысли обретают новую объемность.

От Пра-пра-войны к Холодной войне

К чему сводился во все века смысл тех войн, которые мы будем именовать Пра-пра-войнами (*Paleoguerre*)? Война должна была приводить к победе над противником так, чтобы его поражение давало выгоду победителю. Враждующие развивали свои стратегии, захватывая врасплох противников и мешая противникам развивать их собственные стратегии. Каждая сторона соглашалась нести урон — в смысле терять людей убитыми, — только бы противник, теряя людей убитыми, нес еще больший урон. Ради этого прилагались все возможные усилия. В игре принимали участие две стороны. Нейтралитет прочих сторон, плюс условие, что нейтральные стороны не понесут от войны урона, а напротив, даже получают частичную выгоду, были обязательны для свободы маневра воюющих. Да, вот еще. Я забыл назвать последнее условие. Полагалось понимать, кто твой враг и где он находится. Поэтому, как правило, конфликты выстраи-

¹ Eco U. *Cinque scritti morali*. Milano: Bompiani, 1997. Рус. пер.: Эко У. *Пять эссе на тему этики*. СПб.: Симпозиум, 1998.

вались по принципу фронтальности и охватывали две (или более) опознаваемые территории.

В наш век идея «мировой войны», способной затрагивать даже общества без истории — такие, как племена Полинезии, — дала тот результат, что невозможно стало отграничивать нейтральные стороны от воюющих. А поскольку существуют и атомные бомбы, то кто бы ни участвовал в конфликте, в результате пострадает вся наша планета.

По этим причинам Пра-пра-война переродилась в Нео-войну, перед тем пройдя через стадию «холодной войны». Холодная война создавала напряжение мирной воинственности (воинственного мира). Это равновесие, опирающееся на страх, гарантировало определенную стабильность в центре системы. Система позволяла и даже поощряла маргинальные Пра-пра-войны (Вьетнам, Ближний Восток, Африка и пр.). Холодная война в сущности обеспечивала мир Первому и Второму миру ценой некоторых сезонных или эндемических войн в Третьем мире.

Нео-война в Персидском заливе

С распадом советской империи исчезли основания для «холодной войны», но обрели видимость никогда не прекращавшиеся войны Третьего мира. Захват Кувейта был призван продемонстрировать, что просто необходимо прибегать на определенном этапе к традиционной войне (как многие помнят, тогда даже аргументировали эту необходимость примером Второй

мировой войны, что, дескать, если бы Гитлера остановили вовремя, не отдали бы ему Польши, мирового конфликта бы не было). Но вскоре обнаружилось, что война идет уже не только между двумя главными сторонами. Обнаружилось, что произвол в отношении к американским журналистам в Багдаде бледнеет по сравнению с произволом в отношении многих миллионов проиракски настроенных мусульман, проживающих в странах антииракской коалиции.

В войнах старого времени потенциальных неприятелей обычно интернировали (или убивали). Свой соотечественник, который с вражеской территории пособничал врагу, в конце войны попадал на виселицу. Мы помним, как англичане повесили Джона Эмери, который выступал против родной страны по фашистскому радио, и что Эзру Паунда¹ только всемирная известность и заступничество интеллигенции всей планеты спасли от казни — его не уничтожили, а объявили сумасшедшим.

1 Джон Эмери (1912-1945) — английский аристократ, ярый сторонник фашизма, переселившийся перед войной во Францию, а после ее оккупации — в Германию. Инициатор формирования британского антибольшевистского легиона (в лучшие времена насчитывавшего не более сорока человек), вел пропагандистские передачи на Великобританию. Казнен как предатель. Эзра Лумис Паунд (1885-1972) — англо-американский поэт, с 1922 г. жил в Италии и воспевал в ней все, в том числе фашизм. После Второй мировой войны был арестован администрацией союзников и посажен в железную клетку в лагере для интернированных в Пизе, затем отправлен в Вашингтон на судебный процесс. Процесс был отменен, подсудимого поместили в психиатрическую тюрьму Св. Елизаветы. Был выпущен в 1959 г. и сразу уехал в Венецию, где впоследствии и умер.

В чем же было новаторство Нео-войны?

В Нео-войне трудно понять, кто является врагом. Все иракцы? Все сербы? Кого убиваем?

Нео-война не фронтальна. Нео-война уже не могла структурироваться фронтально в силу самой природы надгосударственного капитализма. Ираку поставляли оружие западные заводы — вовсе не по оплошности; и не по оплошности через десять лет после Ирака западная промышленность снабжала оружием талибов. К тому подводила логика развитого капитализма: ситуация уже не поддавалась контролю отдельных государств. Хочу напомнить один эпизод, вроде неважный, но характерный. Внезапно открылось, что наши западные военные самолеты долго кидали бомбы на танковую или летную базу Саддама Хуссейна и стерли эту базу в порошок, после чего узналось, что это не база, а отвлекающий макет военного объекта, и что произвели его и продали Саддаму, по закону оформив этот контракт, итальянские предприниматели.

На Пра-пра-войнах наживались военные заводы участвующих в конфронтации стран. А на Нео-войнах наживаются межнациональные корпорации, у которых интересы и по ту, и по другую сторону баррикад (если, конечно, баррикады как-то можно разглядеть). Но разница еще отчетливее. На Пра-пра-войнах жирели производители пушек, и их сверхприбыли перекрывали ущерб от временного прекращения торговых обменов. А Нео-война, хотя производители пушек на ней точно так же жи-

реют, доводит до кризиса (в размерах всей планеты!) индустрию авиатранспорта, развлечений, туризма и средств массовой информации: они теряют коммерческую рекламу, — и вообще подрывает индустрию излишеств, двигатель прогресса, от недвижимости до автомобилей. Во время Нео-войны одни виды экономической власти приходят в противоречие с другими видами, и логика их конфликтов оказывается мощнее логики национальных государств.

Именно по этой причине, говорил я, Нео-война в принципе не может быть долгой, потому что она в затяжном варианте вредна всем сторонам и не полезна ни одной.

Но не одна только логика межнациональных промышленных корпораций при Нео-войне оказалась существеннее, чем логика государств. Столь же приоритетными оказались потребности массовой информации с ее специфической новой логикой. Во время войны в Заливе впервые проявилась ситуация, ставшая типичной: западные масс-медиа сделали рупором антивоенной пропаганды, исходившей не только от западных пацифистов, возглавляемых Римским Папой, но и от послов и журналистов из арабских государств, симпатизирующих Саддаму.

Средства информации регулярно предоставляли микрофоны противникам (в то время как, по идее, цель любой и всяческой политики военного времени — пресекать вражескую пропаганду). Слушая противника, граждане воюющих стран становились менее лояльны к своим правительствам (в то

время как Клаузевиц¹ учил, что условие победы — моральное единство воюющих).

Во всех былых войнах население, веря в цель войны, мечтало уничтожить противника. Ныне же, напротив, информация не только подрывает веру населения в цель войны, но и вызывает сострадание к гибнущему неприятелю. Смерть врагов из далекого неявного события превращается в непереносимо наглядное зрелище. Война в Персидском заливе стала первой в истории человечества войной, в ходе которой население воюющей страны жалело своих врагов.

(Нечто подобное намечалось уже во времена Вьетнама, но тогда мнения высказывались в особых, отведенных для этого местах, преимущественно периферийных, и высказывались они в Америке исключительно группами радикалов. Во времена Вьетнама посол хошиминского правительства или пресс-атташе генерала Во Нгуен Зиапа не имели возможности разглагольствовать по «Би-би-си». Тогда американские журналисты не передавали репортажи в прямом эфире из ханойского отеля. А Питер Арнетт² в иракскую войну вещал прямо из гостиницы в Багдаде.)

- 1 Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц (1780-1831) — прусский генерал, военный историк и теоретик военного дела. В трактате «О войне» выдвинул концепцию тотальной войны.
- 2 Хо Ши Мин (1890-1969) - премьер-министр (1946-1955) и президент (1955-1969) Северного Вьетнама. Генерал Во Нгуен Зиап (р. 1911/12) — вьетнамский военачальник и политический деятель, главнокомандующий вооруженных сил Северного Вьетнама. Питер Арнетт (р. 1935) — американский военный журналист, лауреат Пулицеровской премии за освещение войны во Вьетнаме, работавший в

Информация допускает врага в чужие тылы. Именно во время войны в Заливе мир осознал: у каждого в тылу присутствует враг. Даже если заглушить всю массовую информацию, новые технологии связи не заглушишь. Никакому диктатору не под силу остановить мировой поток коммуникации, он распространяется по таким технологическим мини-инфраструктурам, без которых и сам диктатор как без рук. Поток коммуникации выполняет ту же функцию, которую при традиционных войнах выполняли секретные службы: нейтрализует расчет на упреждение. А что это за война, в которой противника невозможно упредить? Нео-война узаконивает всех Мата Хари¹ и допускает братание с врагом.

За столом во времена Нео-войн столько мощных игроков, что игра идет по правилам «все против всех». Нео-война — не из тех процессов, где имеют значение расчеты и намерения игроков. Из-за количества факторов мощи (начиналась эпоха глобализации) война в Персидском заливе приобрела непредсказуемые аспекты. Развязка могла оказаться и

2003 г. корреспондентом «Эн-би-си» в Багдаде и уволенный в марте того же года за высказывание в эфире иракского телевидения своей оценки военной стратегии США; «Военный план американцев провалился». В тот же день Арнетт был принят на работу британской газетой «Дэйли Миррор».

1 Мата Хари (на малайском языке — «Око зари») — псевдоним Маргареты Гертруды Зелле (1876-1917), голландской танцовщицы, которая, с 1908 г. живя в Париже, установила тесные контакты с французскими политиками и военным руководством. Расстреляна по подозрению в шпионаже в пользу немцев.

приемлемой для какой-то из сторон, но, в общем, в той войне *проигрывали все*.

Говоря, что конфликт на некоей стадии якобы завершился в пользу одной из сторон, мы исходим из идеи, что конфликт вообще «способен завершиться». Но ведь завершение было бы возможно лишь если бы война оставалась, по Клаузевицу, продолжением политики иными средствами: то есть война кончалась бы, когда бы одерживалось желаемое равновесие и можно было бы возвращаться просто к политике. Однако две большие мировые войны XX века продемонстрировали, что политика послевоенного периода всегда и повсеместно — это продолжение (любыми средствами) процессов, начатых войной. Чем бы ни завершались войны, они приведут ко всеобъемлющим перетряскам, которые в принципе не смогут удовлетворить всех воевавших. Так что любая война продолжится в форме тревожной политической, экономической и политической нестабильности еще сколько-то десятилетий, не обеспечив никакой другой политики, кроме политики *воинствующей*.

С другой стороны, а когда бывало иначе? Допускать, будто войны античности приводили к разумным результатам (то есть к конечной устойчивости) — значит верить вслед за Гегелем, будто история имеет направление. Ни из данных истории, ни из простой логики не следует, будто порядок в Средиземноморье после Пунических войн или в Европе после Наполеона стал устойчивее. Этот порядок вполне может рассматриваться как неустойчивый,

который бы мог быть гораздо устойчивее, не расшатанной его война. Что с того, что человечество десятки тысяч лет использует войну как панацею от неустойчивых геополитических состояний? Те же десятки тысяч лет человечество применяет как панацею от депрессии наркотики и спиртное.

События показали, что мои тогдашние размышления не были досужими. Посмотрим, что произошло после войны в Заливе. Силы западного мира освободили Кувейт, но вслед за этим остановились, поскольку не могли себе позволить дойти до полного уничтожения противника. Равновесие, сложившееся после этого, не так уж отличалось от ситуации, возбуждавшей весь конфликт. Оставалась прежняя проблема: уничтожить Саддама Хусейна.

Дело в том, что Нео-война в Заливе вывела на передний план вопрос абсолютно новый, не свойственный не только логике, не только динамике, но и самой психологии Пра-пра-войн. Нормальной целью Пра-пра-войн являлось уничтожение как можно большего числа врагов — при согласии, чтобы расстались с жизнью также довольно многие из своих. Великие полководцы былых времен ночами после битв выходили на поля сражений, усеянные мертвыми костями, и ни капельки не удивлялись, что половина павших были их собственными солдатами. Смерть собственных воинов отмечалась наградами и трогательными церемониями, создавался культ славы павших героев. Смерть противников воспринималась как праздник. Гражданское население у себя в домах должно было ликовать и

упиваться известиями о каждом убитом вражеском солдате.

Во время войны в Заливе оформились два новых принципа: (i) недопустима смерть ни одного из наших и (ii) желательно уничтожать как можно меньше врагов¹. Насчет уничтожения врагов, мы помним, имело место порядочное жеманство и даже лицемерие, поскольку в пустыне все-таки иракцы гибли в гигантском количестве, но уж и то, что их не показывали с торжеством и радостью, само по себе примечательно. Так или иначе, для Нео-войн стало характерно стараться не убивать население, если только не по случайности, ибо если наубивать чересчур много штатских, нарвешься на неодобрение международных СМИ.

Отсюда идея «умных бомб» и ликование по их поводу. Молодежи подобная гуманитарная чувствительность, вероятно, кажется естественной: молодежь воспитана пятью десятилетиями мира, спасибо «холодной войне». Но вообразите себе подобные сантименты во времена, когда «Фау-1» лупили по Лондону, а бомбардировка союзников ровняла с землей город Дрезден².

- 1 Эко явно цитирует положения Жана Бодрийяра (см. ниже), в данном случае — из эссе «Под маской войны» («Le masque de la guerre». «Либерасьон», 10 марта 2003 г.): «Отмена "Зла" влюбых формах, отмена противника, которого в сущности больше не существует (ведь его просто стирают с лица земли), отмена смерти: "Нулевые потери" — вот главный лозунг всемирной службы безопасности» («Отечественные записки», 2003, № 6. Пер. В. Мильчиной).
- 2 «Фау» (от нем. Vergeltungswaffe, «оружие возмездия») — управляемое ракетное оружие дальнего действия. С 13 июня

Что до гибели своих солдат, война в Персидском заливе была первым конфликтом, в котором стала казаться неприемлемой потеря даже одного военнослужащего. Отныне воюющая страна уже не разделяла пра-пра-военную логику, а именно: сыны отечества готовы лечь костями за правое дело. Куда там. Когда был сбит один-единственный западный военный самолет, это восприняли как трагедию. На экранах телевидения показывали пленных, которые, чтобы спасти жизнь, озвучивали пропагандистские лозунги врага. Их показывали с симпатией. Бедняжки, их заставили силой. Забылось священное правило, что пленный патриот молчит и под пыткой.

По логике Пра-пра-войны их должны были бы предать публичному поруганию, или, как минимум, утаить жалкий инцидент! Но нет, напротив, все старались войти в их положение, им выказывали солидарность, они получали ну если не военные награды, то горячее поощрение масс-медиа за то, что правдами и неправдами сумели найти способ сохранить себя.

Короче говоря, Нео-война преобразовалась в шедевр масс-медийности, и в конце концов Бодрийяр, любитель парадоксов, заявил, что войн вовсе не было наяву, они были только в телевизоре¹.

1944 г. Лондон бомбили крылатыми ракетами «Фау-1», с 8 сентября 1944 г. — баллистическими ракетами «Фау-2». Англичане ответили бомбардировкой немецких городов и в феврале 1945 г. практически уничтожили Дрезден.

1 Жан Бодрийяр (1929-2007) — французский культуролог, философ, политолог и социолог, постмодернист и постструк-

Масс-медиа продают, по определению, счастье, а не печаль. Масс-медиа обязаны вводить в логику войны принцип максимальной счастливое™ или хотя бы минимальной несчастья. По этой логике, война, не связанная с несчастьем и соблюдающая принцип максимальной счастливости, должна быть короткой. В силу этой логики масс-медиа, была короткой и война в Персидском заливе.

Но она была такой короткой, что оказалась по существу бесполезной. До того бесполезной, что неоконсерваторы снова налегли на Клинтона, а потом на Буша, чтобы Америка продолжала травить Хуссейна. Нео-война дала результат, обратный ожидавшемуся.

Нео-война в Косово

Все характеристики Нео-войны, наметившиеся во времена войны в Персидском заливе, снова проявились в пору косовской войны, вдобавок — в более интенсивном виде.

Не только западные журналисты продолжали транслировать из Багдада, но и Италия, отправляя самолеты бомбить Сербию, в то же время сохраняла дипломатические и торговые отношения с Югославией. Телеканалы стран НАТО аккуратно докладыва-

туралист. В его эссе «Некроспектива» по поводу войн, потрясших XX век, говорится: «В конце концов мы логично задаем себе потрясающий вопрос: "А вообще, было ли все это на самом деле?"» (Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000. С. 136. Пер. Л. Любарской, Е. Марковской).

ли сербам, какие НАТОвские самолеты и когда взлетают с военной базы Авиано. Сербские пропагандисты озвучивали позицию своего правительства. Мы видели и слышали их на наших голубых экранах. У нас в доме свободно хозяйничал враг. У них в доме — тоже.

Все мы помним, как сербская журналистка Биляна Срблянович день за днем присылала корреспонденции, клеймившие Милошевича¹, в итальянскую газету «Република». Как можно бомбить город, обитатели которого направляют нам дружеские письма, полные вражды к их собственному правительству? Конечно, и в Милане в 1944 году было полно антифашистов, ждавших как манны прихода союзников. Это не помешало союзникам в силу сомнительных военных надобностей зверски разбомбить Милан. Участники миланского Сопrotивления не роптали, полагая, что это справедливо. А когда совершались бомбежки Белграда, все возмущались жертвами и все громко сетовали: и Милошевич, и враждебные Милошевичу сербы, и западные граждане, населяющие страны, которые бомбили Белград. Реклама превозносила «умные бомбы», в которых не было ничего умного.

В этой новой Нео-войне, опять же, умирать не полагалось никому. И уж в любом случае жертв должно было быть меньше, чем в Ираке, поскольку сербы

1 Слободан Милошевич (1941-2006) — президент Сербии и Республики Югославии, глава Социалистической партии Сербии. Обвинен Гаагским трибуналом в преступлениях против человечества за проведенные югославскими военными в эпоху его правления этнические чистки в Боснии-Герцеговине, Косово и Хорватии. Умер в тюрьме до решения суда.

все же белые и европейцы, в точности как и нападавшие. В конце концов пришлось даже оборонять этих сербов от албанцев, хотя конфликт начался с намерения оборонить албанцев от сербов. Конфликт этот, конечно же, не был фронтальным, в нем противники разъединялись не четкой линией, а многими замысловатыми зигзагами.

Никто не видывал войны, столь нацеленной на максимальную счастливость, минимальную несчастьность. По каковой причине также и этой войне было суждено быть крайне недолгой.

Афганистан

11 сентября общепринятую военную логику снова опрокинули с ног на голову. 11 сентября началась не афганская война, а конфронтация, длящаяся и сегодня, между западным миром, особенно США, и исламским терроризмом.

Но если 11 сентября все же счесть началом войны, налицо новая стадия Нео-войны: она характеризуется отменой фронтальности. Даже те, кто представляет себе участников конфликта как с одной стороны «Запад», а с другой «Ислам», понимают, что война идет не между территориями. Часто поминаемые «государства-изгои»¹, если угодно, — перевалочные базы для терроризма, но терроризм не знает ни

1 В американском политическом жаргоне «государства-изгои» (rogue states, *англ.*) — государства, которые открыто или опосредованно финансируют или поддерживают террористические движения.

территорий, ни границ. Терроризм гнездится в самом сердце государств Запада. Вот уж действительно картинка «Где твой враг? А он у тебя в доме».

С той, однако, разницей, что во времена войны в Заливе и войны в Косово тех агентов врага, которые действовали в чужом доме, мы узнавали в лицо (поскольку они выступали по телевизору). А в случае международного терроризма сила врагов в том, что (i) они остаются неопознанными, (ii) наши масс-медиа не в состоянии освещать их жизнь, как Питер Арнетт освещал жизнь Багдада под бомбежками западной авиации, и (iii) в рядах потенциальных врагов оказываются не только этнически инородные элементы, затесавшиеся к нам, но и наши соотечественники. Не исключено, что конверты с сибирской язвой рассылали по почте вовсе не мусульманские камикадзе, а американские сектанты, неонацисты или какие-нибудь еще фанатики особого покроя.

Дальше. Роль средств массовой информации. У СМИ теперь совсем иная роль, нежели та, которую они играли в двух предыдущих Нео-войнах, где, самое большее, они озвучивали мнение противника.

Всякий террористический акт преследует главную цель: запустить сообщение, сеющее в массах ужас (terror) или как минимум беспокойство. Теракт дестабилизирует порядок жизни, даже когда ущерб от теракта не очень страшен, и тем более серьезно он дестабилизирует весь уклад жизни, когда атакуется какой-нибудь важный символ. Какова же была, с этой точки зрения, цель бен Ладена при атаке на башни-близнецы? Развернуть самый величествен-

ный спектакль на свете, не виданный даже в фильмах катастроф. Наглядно продемонстрировать крах главных символов западной власти. Показать, что эта власть уязвлена в самых сокровенных своих святынях.

И вот, при том, что целью бен Ладена именно как раз и было нанести удар по мировому общественному мнению посредством кошмарной картинки, средства массовой информации стали ему способствовать и размножали эту картинку, и усиливали ее кошмарность, сообщая о ней, показывая во всей отчаянности работу спасателей, раскопки, изуродованный силуэт Манхэттена. СМИ были принуждены повторять эту серию новостей и картин день за днем по крайней мере в течение месяца. Они показывали фото, крутили видеокдры, передавали бесчисленные рассказы свидетелей-очевидцев, снова и снова тыча в глаза всем и каждому изображение этой раны.

Принуждены ли? Трудно ответить. Благодаря этим фото журналы подняли тираж, телеканалы — рейтинг, и зрители просили и требовали одних и тех же сцен, то ли подпитывая свое негодование, то ли теша свой подсознательный садизм. Наверное, иначе и быть не могло. В общем, средства информации выдали Усаме бен Ладену дармовой рекламы на миллиарды долларов. Они каждый день показывали образы, созданные Усамой, и стремились как раз к тому, чего Усама хотел: чтобы все и каждый — без исключения — эти образы увидели. Чтобы западные люди от этих изображений растерялись, а фундаменталисты, сторонники Усамы — загордились.

Тем самым масс-медиа, порицая бен Ладена, выступили его надежными союзниками и помогли ему выиграть первый раунд.

В то же время и попытки цензурировать или смягчать коммюнике бен Ладена, которые он рассылал через «Аль-Джазиру»¹, на практике потерпели неудачу. Мировая информационная сеть оказалась могущественнее Пентагона и тем самым паки утвердился принцип Нео-войны: враг говорит с тобой в твоём собственном доме.

В этом случае Нео-война опять-таки сталкивала междусобой несоперничающее государство, а многие сильные власти, с той разницей, что эти сильные власти в двух предыдущих Нео-войнах могли работать на сокращение длительности конфликтов, на обретение мира, а на этот третий раз их работа рисковала затянуть начавшуюся войну.

Бывший директор ЦРУ не так давно в интервью «Республике» обмолвился, что по-хорошему надлежало бы бомбить не афганцев, а оффшорные банки Каймановых островов и банки крупных европейских столиц.

За несколько дней до того в телепередаче Бруно Веспы², после подобного же высказывания (не столь авторитетного, ибо оно исходило не от бывшего директора ЦРУ, а от никому не известного антиглоба-

1 Аль-Джазира — телеканал Катара.

2 Бруно Веспья (р. 1944) — итальянский телеведущий на первом (государственном) канале. Имеет репутацию конформиста, всегда поддерживающего и оправдывающего правительство.

листа) Густаво Сельва¹ разразился филиппикой, утверждая, что только сумасшедший или провокатор может намекать, будто западные банки якобы подыгрывали исламским террористам. Вот пример, как политик довольно-таки пенсионного возраста попросту неспособен уяснить глобальную природу Нео-войны. Однако эту природу превосходно понимают в Вашингтоне. Мы помним, что на более ранней стадии, имевшей место между 11 сентября и началом афганской операции, Соединенные Штаты планировали развивать этот конфликт средствами крупного шпионажа и поразить терроризм в его финансовое сердце. Но потом потребовалось спешно взбодрить униженное и уязвленное самосознание американцев, а единственным способом спасти лицо было — организовать самую настоящую Пра-пра-войну.

Так афганский конфликт построился по традиционному принципу — территориальной конфронтации, полевой стратегии, традиционной тактики (впору вспомнить батальи XIX века — англичан на перевале Хайбер), — и были возрождены следующие принципы Пра-пра-войн:

(i) Средствам информации снова запретили подрывать эффективность военных действий, то есть восстановили некое подобие цензуры. Тот факт, что тем временем цепочки глобальной информации работали своим ходом и порою запретные для американских средств сведения озвучивались по арабскому

1 Густаво Сельва (р. 1926) — в прошлом журналист итальянского государственного телевидения, ныне сенатор от партии неофашистов (Национального Союза, AN).

телевидению, доказывает как ясный день, что Пра-пра-войны, действительно, неосуществимы в эпоху Интернета.

(И) Поелику неприятель победил в первом раунде, в битве символов, он подлежал физическому уничтожению. При этом следовало хотя бы формально щадить мирное население (то есть опять зазвучали разговоры об «умных бомбах»), хотя не все шло гладко, и когда бои велись не солдатами из западной группировки, а афганцами из Северной коалиции, то и дело случалась какая-нибудь бойня, и приходилось зажиматься или глядеть в другую сторону.

(iii) Снова сделалась приемлемой гибель собственных солдат. Нации было предложено готовиться кутратам. Буш-второй, уподобляясь Черчиллю в эпоху Второй мировой войны, пообещал всем своим, разумеется, рано или поздно победу, но перед победой пообещал кровь и слезы; в то время как первый Буш, во времена наступления в Персидском заливе, не вел подобных разговоров.

Пра-пра-война в Афганистане, может быть, и решила проблемы, которые ею же самой были поставлены: то есть талибов отстранили от власти — но не решила проблем Нео-войны третьей стадии, которая, собственно, породила саму ее, Пра-пра-войну. Если целью афганской войны было уничтожение международного исламского терроризма и подавление его очагов, то яснее ясного, что эти очаги продолжают существовать и действовать по всему миру: сейчас террористы затаились и выбирают, куда им бить в следующий раз. Если целью было уничтоже-

ние бен Ладена, совершенно не факт, что эта цель была достигнута. А если даже она и выполнена, за просто может обнаружиться, что бен Ладен, да, харизматичная фигура, но он олицетворял собой отнюдь не весь исламский фундаменталистский терроризм, какой только есть на свете.

Искушенные политики, к примеру Меттерних¹, понимали, что отправкой Наполеона на Святую Елену бонапартизм не пресекается, и Меттерних укрепил результаты Ватерлоо решениями Венского конгресса (причем и этого, вынуждены мы добавить в скобках, оказалось недостаточно, как показала история XIX века).

Следовательно, Нео-война, начатая 11 сентября, не дала ни победы, ни результата на стадии афганского конфликта. Не могу сказать вам, имел ли возможность Буш действовать иначе и как он должен был бы действовать. Не о том речь. Речь о том, что Нео-войну в принципе не может выиграть ни один военачальник.

На этом месте мы видим противоречие; противоречие это велико; велика путаница под луной. С одной стороны, отсутствуют все посылки, из которых обычно рождались войны, — поскольку враг совершенно замаскировался. С другой стороны, чтобы продемонстрировать, что врагу нет пощады, мы уст-

1 Клеменс Меттерних-Виннебург (1773-1859) — австрийский министр иностранных дел и фактический глава правительства (1809-1821), канцлер Австрии (1821-1848), председатель Венского конгресса (1814-1815), на котором решалась судьба Европы после Наполеона, инициатор создания Священного союза для поддержания равновесия в Европе.

раиваем имитации Пра-пра-войн, которые, однако, могут быть полезны только для сплочения внутреннего единства, чтобы граждане забыли: враг не там, где его закидывают бомбами, — враг у них в доме.

Пред лицом подобной путаницы общественное мнение (рупорами которого стали некоторые политические руководители) подыскивает образ хоть какой-то реально победоносной Пра-пра-войны. Ее прообразом становятся крестовые походы — столкновение цивилизаций. Новоявленная битва при Лепанто, бой христиан с басурманами... Ведь удалось же нам выиграть маленькую афганскую войну. Значит, мы сможем выиграть и глобальную Нео-войну, и мировую Пра-пра-войну наши (белые) победят не-наших (мавров)? Просто комикс какой-то. Однако успех Орианы Фаллачи доказывает, что комиксы приходятся по вкусу многим взрослым.

Поборники крестового похода, скорее всего, не учитывают, что крестовые походы входят в категорию Пра-пра-войн, а Пра-пра-войны неосуществимы при глобализации, глобализация обуславливает Нео-войну и ее тоже делает бессмысленной.

Возможный крестовый поход. Сценарий

Хорошо. Вообразим сегодня битву христианства против мусульманства. Фронтальную, как в прошлые времена. Но в прошлом у Европы были четкие границы, между христианами и неверными пролегало Средиземное море или высились Пиренеи, отгора-

живавшие западный отрожек континента, занятый арабами. Военные действия подразделялись на две категории: нападение или сдерживание.

К категории нападений относились крестовые походы, но что вышло из них, знают все. Лишь один раз удалось завоевать земли (и создать франкские королевства на Ближнем Востоке) — это было в первую попытку, в первый поход. Франкские королевства продержались меньше ста лет, и Иерусалим опять отошел к мусульманам. За полтора века состоялось семь крестовых походов, все они окончились безрезультатно. Лишь одна военная операция прошла успешно. Я имею в виду Реконкисту¹ Испании. Но то был не заморский поход, а отечественная война; она не дала урегулирования конфликта двух миров, а только сдвинула границу.

Что же до сдерживания, в этой категории были достигнуты определенные успехи. Христиане остановили турок под Веной², победили под Лепанто, воздвигли башни на берегах Европы — высматривать пиратов-сарацин, и туркам не удалось завоевать Европу. Но взаимная неприязнь окрепла, конфронтация ужесточилась.

После завершения первой фазы Запад, выждав, пока Восток ослабеет, колонизовал его. Это меро-

- 1 Арабы вторглись на Пиренейский полуостров в 711 г. Реконкиста — отвоевывание Испании христианами — продолжалась почти восемь столетий и закончилась в 1492 г. взятием Гранады.
- 2 В 1529 и 1683 г. турки-османы безуспешно осаждали Вену, столицу империи Габсбургов. Неудача 1683 г. ознаменовала начало упадка Османской империи.

приятие было как раз-таки вне всяких сомнений успешным, а также долгосрочным, однако к чему оно привело, мы видим ныне. Конфронтация не только не исчезла, она до крайности обострилась.

Если бы теперь кто-то затеял фронтальную войну, что было бы в новой войне такого уж невиданного, по сравнению с кампаниями прошлого? Невиданное — это, в основном, технический уровень. В эпоху крестовых походов наступательное и оборонительное оснащение мусульман не сильно отличалось от оснащения христианского войска. В распоряжении у тех и у других были мечи и осадные машины. Ныне же у Запада громадный перевес по части военных технологий. Да, разумеется, Пакистан, управляемый фундаменталистами, может применить и атомную бомбу, но самое большее, что им удастся, — это, скажем, размолотить Париж, после чего их собственные ядерные запасы будут ликвидированы. Собыют сирийцы один американский самолет — американцы оснастят другой. Когда американцы собыют сирийский, Сирия срочно купит новый самолет на развитом Западе. Восток превращает в пыль Париж, Запад кидает атомную бомбу на Мекку. Восток рассылает ботулин в почтовых конвертах, Запад поливает ядом всю их аравийскую пустыню — точно так же, как он без всякой войны поливает пестицидами поля на Среднем Западе. Перемерут все верблюды. Все закончится крайне быстро. Возвратимся к каменным палицам, хотя, конечно, они схлопочут от нас посильнее, чем мы от них.

Еще одно обстоятельство отличает нынешние войны от давешних. Во времена крестовых походов ни христиане не нуждались в арабском железе дляковки мечей, ни мусульмане — в христианском железе. А сегодня даже самая передовая технология существует за счет нефти, а нефть-то не у нас, нефть у них. По крайней мере ее значительная часть. Они своими силами, особенно если мы разбомбим их нефтевышки, добыть эту нефть не сумеют. Однако и мы останемся без нефти. Запад, следовательно, будет принужден реструктурировать всю свою экономику за счет альтернативных ресурсов. Учитывая, что до нынешних пор мы так и не сумели построить электро-мобиль, способный ездить со скоростью больше 80 км/ч, и чтобы он не требовал каждый раз целую ночь для подзарядки, — не знаю уж, сколько времени займет реконверсия и поиск альтернативных технологий. Чтoб научиться использовать атомную энергию, двигать ею самолеты и танки, вырабатывать электричество, уже не говоря об опасности этой технологии, придется затратить достаточно много времени.

Интересно к тому же, согласятся ли с такой ситуацией «Семь Сестер»¹. Я вовсе не удивлюсь, если нефтяные монополии Запада, лишь бы не лишаться своих сверхдоходов, дадут «добро» на исламизацию всей планеты.

1 «Семь Сестер» — созданный в 1928 г. и затем расширенный консорциум основных нефтяных корпораций, контролирующий мировую нефтедобычу и цены на топливо. На сегодняшний день в него входят компании: ExxonMobil, Chevron, Shell, British Petroleum.

Нефть быстро кончится. Но не закончатся вопросы. В добрые прежние века сарацины жили по одну сторону Средиземного моря, а христиане — по другую. Ныне же Европа полна людей, исповедующих ислам, говорящих на наших языках и учащих в наших школах. Если уже сегодня некоторые из них переходят на сторону фундаменталистов, можно вообразить, что заварится в случае планетарного конфликта. Это будет первая война против неприятеля, не только проживающего в нашем с вами доме; но и получающего по больничному в нашей с вами страховой кассе.

Разумеется, та же проблема встанет и перед исламским миром, у которого внутри размещены филиалы западных фирм и даже есть целые христианские анклав, например — в Эфиопии.

Поскольку враг по определению коварен и зол, всем проживающим на Востоке христианам грядет амбец. На войне как на войне. Они уже, считай, в братской могиле. Ватикан может начинать производить их всех в святомученики.

А что будем делать мы у себя дома? Когда противостояние примет резко радикальный характер, когда повалятся еще два или три небоскреба или собор Святого Петра? Начнем охоту на мусульман. В духе Варфоломеевской ночи или Сицилийской вечера¹.

¹ В ночь Св. Варфоломея 24 августа 1572 г. в Париже католиками были перерезаны протестанты-гугеноты, затем еще несколько дней резня продолжалась по всей Франции. Сицилийская вечера началась 30 марта 1282 г.: в результате этой «зачистки» на острове было уничтожено все пришлое французское население.

Хватаем всех, у кого усы и загорелое тело, перерезаем глотки. Придется обработать миллионы людей, но этим займется толпа, не обременяя вооруженные силы.

А может, возобладает здравый смысл. И никогошеньки убивать не будут. А что сделают с мусульманами? Даже либеральные американцы в начале Второй мировой войны арестовали и загнали в концлагеря (конечно-конечно, соблюдая гуманитарные церемонии) японцев и итальянцев, живших в их государстве, включая родившихся на американской земле. К чему тогда ненужные нежности. Останется только выявить всех, кто, даже не будучи мусульманином, потенциально может омусульманиться. А если попадут в ту же кучу, допустим, христиане-эфиопы — ну что ж поделать. Господь опознает своих¹. Всю эту ораву следует интернировать. Где? Чтобы предоставить всей этой публике лагеря, учитывая переизбыток в Европе приезжих гастарбайтеров, надо изыскать пространство, энергию, организаторов, надсмотрщиков, еду и лекарства, не говоря уж о том, что каждый лагерь моментально превратится в гранату с выдернутой чекой.

Или следует взять их всех вместе. Трудноразрешимо, но не оставлять же на расплод. Брать надо быстро и сразу, единым махом. Посадить на корабли и отправить. Куда отправить, позвольте спро-

¹ «Caedite eos! Novit enim Dominus qui sunt eius» (лдаи.) — «Убивайте всех. Бог опознает своих». Этот совет дал папский легат во время крестового похода против еретиков-катаров в Лангедоке (1209-1229), когда его спросили, как отличить еретиков от истинных христиан.

силь? Извините, господин Каддафи, извините, господин Мубарак¹, не могли ли бы вы забрать эти вот три миллиона турок, которых мы тут высылаем из Германии?

Можно применить известный метод работоторговцев. Лишних просто спустить под воду. Окончательное решение² вопроса по гитлеровской схеме. Миллионы трупов засорят собой Средиземноморье. Хотел бы я посмотреть, какое правительство на это решится. Это вам не *desaparecidos*³, такие количества даже Гитлер обрабатывал постепенно, порционно.

Возможна альтернатива. Учитывая, что мы советливые, оставим каждого жить нормальной жизнью у себя дома, но только к каждому приставим соглядатая из госбезопасности. Откуда взять столько соглядатаев? Набрать из гастарбайтеров. А не примерещитесь ли нам после этого (как это произошло в США, где авиакомпании из экономии нанимали гастарбайтеров на посадочный контроль), что от подобных сотрудников трудно ждать большой идейной лояльности?

Конечно, подобные же рассуждения возникнут и в голове находящегося по другую сторону баррикад мыслящего мусульманина. Никто не гарантирует, что везде и сразу всю власть возьмут фундаментали-

- 1 Муамар Каддафи (р. 1942) — правитель Ливии. Хосни Мубарак (р. 1928) — президент Египта.
- 2 «Окончательным решением» Гитлер называл полное уничтожение евреев.
- 3 *Desaparecidos* (ней.) — «исчезнувшие»: так при латиноамериканских диктатурах именовались люди, уничтоженные режимом (подобно сталинским «десять лет без права переписки», исчезновение чаще всего подразумевало смерть).

сты. В мусульманских странах разбушуются гражданские войны, зальют кровью все и вся. Трудно вообразить масштабы мясорубок. Мировые экономические катастрофы отрикошетят и по Востоку, и у них станет еще меньше еды и еще меньше лекарств, нежели у них есть теперь, так что они перемрут как мухи. Но поскольку мы в данный момент договаривались мыслить в терминах открытой конфронтации, давайте переживать не из-за чужих неприятностей, а из-за собственных.

Итак, вернемся на Запад. Внутри нашей западной коалиции обязательно завяжется полемика. Сложатся исламофильские фракции, сплоченные не мусульманской верой, а ненавистью к войне. Возникнут новые направления мысли, несогласные с западным путем развития. Последователи Ганди¹ объявят бойкот правительствам. Фанатики, подобные сектантам Ветви Давидовой из города Уэйко², развернут террористическую деятельность — не будучи исламскими фундаменталистами — для очищения испор-

- 1 Махатма Ганди (Мохандас Карамчанд Ганди, 1869-1948) — лидер индийского национально-освободительного движения, идеолог политической борьбы без насилия, путем отказа от сотрудничества с властями, бойкота и гражданского неповиновения.
- 2 Уэйко — городок в Техасе, рядом с которым располагалась штаб-квартира секты «Ветви Давидовой». Ее глава Давид Кореш провозглашал себя новым мессией. Его обвиняли в полигамии и насилии над детьми, подозревалось также незаконное хранение и изготовление оружия. Осаду укрепленного ранчо Кореша в 1993 г. вели силы Бюро по контролю за алкоголем, табаком и оружием, а затем — ФБР. 19 апреля во время боя взорвался пожар, унесший жизни около 80 последователей Кореша, в том числе 20 детей.

ченного Запада. По улицам Европы пойдут процессии отчаянных и отчаявшихся молельщиков, ожидающих Апокалипсиса.

Да и не только об этих неуравновешенных элементах нам следует беспокоиться. Согласятся ли остальные (уравновешенные) мириться с дефицитом электроэнергии, притом что даже керосиновыми лампами из-за нехватки горючего обойтись вряд ли получится? Согласятся ли они с отключением средств вещания — не больше часа телевидения в сутки? Покорно пересядут с автомобиля на велосипед? Откажутся от кино и от дискотек? Станут в очередь в «Макдоналдсах» за пайком — ломтем грубого хлеба и листиком салата? Коротко говоря — смирятся ли массы с окончанием экономического благоденствия, роскоши и изобилия?

Совсем уж по чести говоря, афганцу или палестинскому беженцу что военная экономика, что мирная — приблизительно одинаково. А вот нашему с вами сородичу? Представляете, какая депрессия, какая коллективная демотивация разовьется в западном обществе?

Продолжат ли отождествлять себя с Западом чернокожие Гарлема, беднота Бронкса, чиканос Калифорнии?

Как, наконец, проявят себя латиноамериканцы, многие из которых, не будучи мусульманами, накопили столько завистливой злобы на «грингос», что когда были взорваны башни Торгового центра, в Южной Америке злорадно шипели: «Так этим грингос и надо»?

При планетарной войне, скорее всего, и ислам предстанет не сильно монолитным, но уж христианство-то продемонстрирует крайнюю степень разброда и истеричности. Мало кто запишется в новые тамплиеры, в западные камикадзе.

Это был фантастический сценарий — надеюсь не увидеть, как он осуществляется. Однако обрисовать подобную перспективу необходимо, чтобы стало ясно: начни сценарий сбываться, победа не светит никому. Следовательно, даже преобразуясь в планетарную Пра-пра-войну Нео-война третьей стадии не приведет ни к какому результату, кроме неудержимого расползания по лику земли удручающего пейзажа «Конана-Варвара»¹.

Это значит, что в глобальную эпоху глобальная война теоретически невозможна, поскольку она оканчивается поражением всех.

Всеобщий мир

Рассуждая о Нео-войне в Персидском заливе, я делал вывод, что война в нашу эпоху невыполнима, а этот вывод подводил меня к убеждению, что следует объявить тотальное табу на войну. Однако сегодня, после опыта новых Нео-войн, я понимаю, что, увы, ви-

¹ Конан-Варвар (Conan the Barbarian) — герой фэнтези (1932) американского писателя Роберта Эрвина Говарда (1906-1936), где действие происходит после гибели Атлантиды. Вновь обрел популярность благодаря одноименному фильму, где в главной роли снялся Арнольд Шварценеггер (реж. Джон Майлиус, 1982 г.).

тал в облаках прекраснотушия. Ныне я уверен, что поскольку в Нео-войнах не бывает побежденных и победителей, а Пра-пра-войны ничего не меняют, кроме настроения тех, кто взял верх, да и то ненадолго, — перманентным состоянием мира должна стать затяжная Нео-война, с множественными периферийными Пра-пра-войнами, то вспыхивающими, то затухающими.

Полагаю, этот новый вывод никому не понравится, потому что все мы преданы идеалу мира. Давешняя моя идея, что когда люди поймут, до чего бесполезны Нео-войны, они серьезно отнесутся к строительству всеобщего Мира, была прекрасна. Но, увы, нереалистична: Нео-война подводит к переосмыслению понятия Мира.

Когда говорят о мире, когда добиваются мира, имеют в виду (применительно к собственному горизонту) мир всеобщий, тотальный. Мы не зовем миром замирение для некоторых, для немногих. При таких взглядах прямая дорога в Швейцарию или какой-нибудь монастырь, где и принято было спасаться в темные времена, когда кругом полыхали сплошные войны. Так что или рассуждаем о мире в планетарном, глобальном масштабе, или нечего о нем рассуждать.

Мир обычно мыслится не только тотальным, но еще и исконным. Символ мира — Эдем, Золотой век. Принято думать, что мир — возвращение к первоначальному состоянию человечества. В картину иногда включают даже замирение между человеческим родом и животными. Эта первоначальная гармония, как принято думать, некогда разрушилась по вине насилия и злобы. Странно, что все забыли: по вопросу о Зо-

лотом веке уже Гераклит¹ проявлял необыкновенную ясность ума, возразив, что если все течет, борьба — это правило сущего, война — породительница и госпожа всех вещей. За Гераклитом пришли и Гоббс с его «*homo homini lupus*» и Дарвин² с борьбой за существование (основанной на выживании самых приспособленных).

Попробуем теперь принять за данность, что кривая энтропии строится как функция конфликтов, разрушений, смерти, и что островки мира, то, что Пригожий³ именовал «диссипативными струк-

- 1 Гераклит Эфесский (кон.VI — нач. Vvv. до н.э.) — древнегреческий философ, представитель ионийской школы. «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду» (Ориген против Кельса // *Фрагменты ранних греческих философ.* М.: Наука, 1989. Фрагмент 20 [80 DK], VI, 42); «Война — отец всех, царь всех» (Ипполит. Опровержение всех ересей // Там же. 29 [53 DK], IX, 94).
- 2 Томас Гоббс (1588-1679) — английский философ, создатель теории государства, автор знаменитого трактата «Левифан» (1651). *Homo homini lupus (lam?)* — «Человек человеку волк», измененный вариант слов из комедии Плавта «Ослы»: «*Lupus est homo homini, non homo*». Гоббс ввел в моду это выражение, используя его в своем трактате «О гражданстве» (*De cive*, 1642) в качестве концепции общественной жизни, согласно которой экономический интерес подавляет наиболее слабых членов общества, поэтому их должны поддерживать более сильные члены того же общества. Чарльз Дарвин (1809-1892) — английский ученый, основоположник теории эволюции, основанной на естественном отборе и выживании наиболее приспособленных.
- 3 Илья Пригожий (1917-2003) — бельгийский физик русского происхождения. Получил Нобелевскую премию за разработку теории нелинейной термодинамики и хаоса. Применение его теорий к социальным наукам привело к возникновению синергетики.

турами», — мелкие хорошенькие пузырьки на общей кривой энтропии, — это исключения из общего правила войны, и пузырьки эти тратят множество энергии, чтобы уцелеть и не лопнуть.

Переходя от научности к метафорике (ибо науки о мире не существует, или, во всяком случае, мне она не ведома) я сказал бы, что мир — это не то состояние, которое прежде было даровано, потом утрачено, а ныне снова поддается реконструкции. Мир — трудоемкое завоевание, отвоеванные пяди земли в траншейной войне. Мир добывается ценой множества, множества человеческих жизней.

Великие мирные государства, известные в истории, охватывавшие широкие территории, такие как *Pax Romana* или, уже на нашей памяти, *Pax Americana* или *Pax Sovietica* (семьдесят лет подряд содержавшая в мире крупные пространства, теперь охваченные войной и междоусобицами), такие, как массивный, теперь уже доброй памяти мир Первого мира, звавшийся «холодной войной», который теперь все, потерявши, оплакивают; и Османская империя, и Китайский мир — эти державы были результатами постоянной военной напряженности, что и позволяло поддерживать порядок, гасить конфликтность в центре ценой многих мелких периферийных Пра-пра-войн. Крупные мирные державы были военными державами.

Такое положение вещей может, думаю, нравиться тем, кто в центре системы, но не тем, кто находится на краях и терпит Пра-пра-войны, нужные системе для стабильности. Грубо говоря, мирное существо-

вание всегда мирно для нас, но никогда не мирно для других. Дайте мне хоть один пример конкретного мира за несколько последних тысячелетий, не основанного на этом вышеприведенном не то чтобы золотом — железном правиле. Самое ценное в идеях антиглобалистов, это как раз посылка, что удобства мирной глобализации оплачиваются неудобствами всех живущих на перифериях экономических систем.

Изменится ли это правило поддержания мира с началом эры Нео-войн? Навряд ли. Навряд ли оно изменится, потому что, суммируя все мною сказанное, при переходе от Пра-пра-войн к Нео-войнам (третьей стадии) изменения состояли в следующем:

(i) Пра-пра-войны создавали положение временной двусторонней нестабильности, затрагивавшей двух участников конфликта, без нарушения общего равновесия на нейтральной периферии.

(ii) «Холодная война» создала вынужденную и замороженную стабильность в центральных частях первых двух миров ценой многих временных нестабильностей на перифериях: периферии сотряслись множественными мелкими Пра-пра-войнами.

(Ш) Нео-война (третья стадия) обещает постоянную нестабильность даже и в центрах. Центры становятся территорией ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на перифериях и большим количе-

ством Пра-пра-войн, среди которых Афганистан — только первый пример из многих.

Приходим к выводу, что наше положение стало значительно хуже, ибо рассеялась даже иллюзия, создававшаяся «холодной войной», будто бы в центральных зонах первых двух миров может царить состояние мира. В сущности, именно утрату этой иллюзии ощутили американцы 11 сентября, и тем объясняется всеобщий шок.

Не думаю, что на нашем шаре, где человеки человекам волки, можно будет достичь всеохватного мира. Оттого Фукуяма возвестил «конец истории»¹. Но недавние события, опровергая Фукуяму, показали, что история не кончается, а продолжается в виде конфликтов.

Локальные замирения

Если всеобщий мир — результат войны, и чем разрушительней война, чем неспособнее она решить те проблемы, которые ее породили, тем недостижимее мир, — что остается тому, кто верит, что за мир надо бороться, что он не наследство, даруемое божией благодатью?

1 Фрэнсис Фукуяма (р. 1952) — американский политолог, бывший заместитель директора Штаба планирования политики при Государственном департаменте США, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*, 1992); отправные пункты «конца истории» — это «холодная война» и распад СССР, под «концом истории» подразумевается победа либерализма над авторитаризмом.

Остается строительство мира не сплошного, а крапчатого — выгораживание островков мира на бескрайней периферии, охваченной Пра-Пра-войнами, которые будут сменять друг друга — одна за другой, одна за другой.

Если всеобщий мир — всегда плод войны, локальный мир может быть плодом прекращения войны. За локальный мир не обязательно вести «последний бой». Локальный мир устанавливается, когда на фоне усталости дерущихся некий Переговорщик предлагает себя в посредники. Условие для посредничества — чтобы Пра-пра-война была маргинальной и длящейся давно, то есть чтобы масс-медиа уже утратили к этой войне интерес и стороны могли соглашаться на компромиссы, не позоря себя в глазах международного общественного мнения. Периферийность конфликта и короткая память масс-медиа — самые благоприятные условия для мирового посредника. Никакое посредничество и никакие переговоры не могут в наше время устранить конфликтность в центре системы, по той причине, что это не зависит от воли правительства. Поэтому нереальна программа мира для Нео-войн третьей стадии. Реальна программа мира только для Пра-пра-войн, которые Нео-войной порождаются.

Эти локальные замирения позволят выпустить пар и разрядить в долговременном масштабе напряженность, ведущую к перманентной Нео-войне. Это значит (хотя любой пример мешает воспринимать идею как гибкую и приложимую к самым разнообраз-

ным ситуациям), что, установись сейчас в Иерусалиме мир, он безусловно поспособствовал бы разрядке напряженности во всем эпицентре планетарной Неовойны.

Но даже если не всегда достигим подобный результат, мини-мир, напоминающий маленький пузырик на общей кривой энтропии, этот мини-мир — пусть он и не главная цель и даже не этап на пути к главной цели — все равно послужит примером и моделью.

Замирение как модель. Да, я согласен, идея сильно христианская, но эту идею приняли бы и языческие философы. Пусть замирятся хоть двое, хоть одни Монтеки с одними Капулетти. Это не разрешит проблем насущного мира, но покажет: проявление доброй воли даже в наши времена возможно. Оно возможно всегда.

Работа по сокращению локальных конфликтов нужна, чтобы заставить верить: разрешимы и конфликты глобальные. Это, конечно, прекраснотушие, но иногда примеры — лучшая благая ложь. Плохо лжет тот, кто говорит ложь, а хорошо лжет тот, кто подает благой пример и побуждает и других поступать во благо, пусть даже и заставляя ошибочно верить, что частная посылка (из р следует q) разовьется в общий закон (из р всегда следует q).

Потому-то этика и риторика — не формальная логика. Единственная наша надежда — работать на локальные замирения.

Любить Америку, но и устраивать марши мира¹

Зло порождает зло. Главная цель всякого террористического акта и движения — дестабилизировать лагерь противников. «Дестабилизировать» означает довести противников до ошаления, чтоб они потеряли спокойствие и начали подозревать друг друга во всем на свете. Ни правому, ни левому терроризму в конечном счете не удалось дестабилизировать нашу Италию. Поэтому оба терроризма у нас потерпели фиаско, хотя бы на стадии первого, самого устрашающего приступа. Но тогда все разыгрывалось в провинциальном, не в планетарном масштабе.

Терроризм бен Ладена (т. е. той широкой фазисии фундаментализма, которую бен Ладен представляет) более изворотлив, всеобъемлющ, успешен. 11 сентября 2001 года бен Ладен сумел дестабилизировать Западный мир. Он сумел вызвать к жизни призраки древних распрей. Мир тут же вспомнил о борьбе цивилизаций, религиозных войнах, противостоянии континентов.

Затем бен Ладен пошел дальше. Вбив клин между Западным миром и Третьим миром, он взялся за Западный мир и стал раскалывать его изнутри. Он действительно сумел вызвать разногласия — если не военные, то, безусловно, моральные и психологические — между Америкой и Европой, а также посеять ростки розни в самой Европе. Вдруг пробудился под-

¹ «Amare PAmerica e marciare per la pace». «Республика», февраль 2003г.

спудный антиамериканизм французов и — кто бы мог поверить? — в Америке снова зазвучала обидная кличка «лягушатники», оскорбление французов, как в старинные времена.

Чтоб не расшатывались нервы, прежде всего нам надо помнить, что эти трещины пролегли не между американцами и немцами, не между французами и англичанами. И на том берегу Атлантики, и на другом есть множество людей, выступающих за мир. Следует помнить, что и формула «американцы предпочитают войну», и формула «итальянцы предпочитают мир» равно безапелляционны и равно не соответствуют действительности. Согласно формальной логике, если хотя бы один обитатель земного шара терпеть не может свою мать, значит, утверждение «все любят своих матерей» неверно. Можно говорить только «некоторые любят своих матерей». Конечно, слово «некоторые» не обязательно означает «немногие». Бывает, что слово «некоторые» покрывает 99,9 % •

Но даже и 99,9 % не означает «все». Это все-таки «некоторые». Очень редко когда применимо категорическое местоимение «все». Разве что в знаменитой максиме о том, что «люди смертны». На сегодняшний день ее еще не опроверг никто. Даже те двое, о которых принято считать, что они воскресли, Иисус и Лазарь, перед тем как воскреснуть, однако, умирали, а следовательно через жерло смерти прошли и они.

Сделаем вывод, что в распрях по вопросу «воевать — не воевать» участвуют не «все» с одной стороны против «всех» с другой стороны, а лишь «некто-

рые» с каждой из двух (трех, четырех, пяти) сторон против таких же «некоторых».

Подобные уточнения отдают крючкотворством, но без оговорок — рискуешь сойти за экстремиста.

Увы, в исконной, кровной, хотя пока не кровавой атмосфере этих распрей все время раздаются высказывания явно расистского толка, типа: «Все, кто опасается войны, — споспешники Саддама», или «Все, кто считает приемлемым силовое решение конфликтов, — фашисты».

Предлагаю порассуждать.

Один английский критик недавно опубликовал рецензию — вполне благожелательную — на мою книжку «Пять эссе на тему этики», которую выпустили в Англии. Но дойдя до моего утверждения, что война должна быть полностью табуирована, этот критик саркастически вставил в скобках: «Вот думаю, как убедить в этом бывших узников Освенцима». Он имел в виду, что если бы война была табу для всех, то Гитлера бы не победили, а евреев из лагерей (к сожалению, не «всех» евреев, а «некоторых») так бы и не выпустили.

Ну, это все-таки мне кажется довольно натянутой придишкой. Я, к примеру, утверждаю, что убийство для меня морально неприемлемо и что я мечтаю прожить всю жизнь, не убивши никого. Но все-таки если вооруженный субъект ворвется ко мне в дом и станет угрожать ножом мне или моим близким, я применю все доступное мне насилие, дабы остановить его. Тем более на войне. Война — криминал. Гитлер был криминальным преступником, раз-

вязавшим мировую войну. Когда после этого союзники ему ответили, т. е. когда они ответили насиле-ем на насилие, они, разумеется, сделали все правильно, потому что надо было спасти человечество от варваров. Чем не отменяется, что Вторая мировая война была совершенно бесчеловечной, она унесла пятьдесят пять миллионов жизней и было бы лучше, если бы Гитлер ее не развязывал.

Менее парадоксальное возражение звучит так «Вот вы только что признали, что Соединенным Штатам было правильно вступать в войну, спасти Европу, — американцы тем самым не допустили, чтобы фашисты понастроили концентрационных лагерей еще и в Ливерпуле или в Марселе». Да, отвечаю я, еще бы. Как не признать. Они прекрасно сделали, союзники, и я не могу забыть — мне было тринадцать лет, я побежал встречать первый взвод американцев-освободителей (они были еще вдобавок и чернокожие), вступавший в городишко, куда нашу семью эвакуировали от бомбежек. Я моментально сдружился с ефрейтором Джозефом, он дал мне первую в жизни жвачку и первые комиксы с Диком Трэйси. Однако после этого ответа мне тут же задают следующий вопрос: «Хорошо, значит, прекрасно сделали американцы, что задушили в колыбели немецкую и итальянскую фашистские диктатуры?»

Ну, тут я должен возразить по многим пунктам. Ни американцы, ни англичане с французами не душили нацистскую и фашистскую диктатуры в колыбели. Итальянский фашизм они старались унимать и усовещивать, при этом с ним вполне водились, как

с посредником, вплоть до начала 1940 года. Англия и Америка применили кое-какие демонстративные санкции против итальянского фашизма, но этим ограничились. Что до Германии, то и германскому нацизму они тоже позволили разрастись и окрепнуть. США вступили в войну после того, как японцы атаковали Пёрл-Харбор, и напоминая заодно, что это Германия с Италией, вслед за Японией, объявили американцам войну, а вовсе не американцы им (я сознаю, что кое-кому из молодых читателей это покажется анекдотом, но дело было именно так).

Соединенные Штаты выжидали, не вязывались в кошмарную войну, хотя моральное напряжение, подталкивавшее их ввязаться, было огромным. Они удерживались из осторожности, из опасения, что еще не готовы, а также потому, что и в самой Америке имелись некоторые (и вдобавок известнейшие) люди, симпатизировавшие нацизму, и Рузвельту¹ пришлось проделать очень тонкую работу, чтобы вовлечь народные массы в этот поход.

Плохо ли со стороны Франции и Англии было выжидать, уповая, что немецкая экспансия ограничится оккупацией Чехословакии? Вероятно, плохо. Немало насмешек выпало на долю Чемберлена²,

1 Франклин Делано Рузвельт (1882-1945) — 32-й президент Соединенных Штатов (1933-1945), оказывал поддержку Англии и Франции, а также СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Война началась для США в декабре 1941 г., второй фронт открыт в 1944 г.

2 Невилл Чемберлен (1869-1940) — премьер-министр Великобритании (1937-1940), старался путем уступок сохранить мир с фашистскими державами и в 1938 г. подписал

который отчаянно юлил, пытаюсь сохранить мир. Это доказывает, что осторожность бывает чрезмерной. Но это и пример того, как любимыми доступными способами люди пытаются сохранить мир. В конце концов дело зашло настолько далеко, что уж никто ни в чем не сомневался. Никто не сомневался, что именно Гитлер является зачинщиком войны и именно на нем лежит за эту войну ответственность.

Поэтому я нахожу несправедливым размещенную на первой странице американской газеты подпись под фотографией военного кладбища. Сняты могилы американских солдат, сказано, что они отдали жизни за спасение Франции (святая правда), а под фото написано, что якобы теперь французы напрочь забыли все это.

Франция, Германия и все те, кто считает неправомерной упреждающую войну — войну поспешную и направленную только против одного Ирака, — ничего не забыли. Кроме того, Франция и Германия отнюдь не отказывают в поддержке Соединенным Штатам как стране, которую, можно сказать, со всех сторон обложили международные террористы. Но в то же время Франция с Германией считают, как считают и многие здравомыслящие частные лица, что нападение на Ирак не обезглавит терроризм, а вероятно (думаю даже, что бесспорно) его усилит, приведя в ряды террористических групп многих из тех,

Мюнхенское соглашение, по которому Гитлер получил населенную преимущественно немцами Судетскую область Чехословакии.

кто пока что еще находится в замешательстве и осторожно выжидает. Они учитывают, что международный терроризм вербует сторонников из тех, кто живет в США и в европейских странах, что вовсе не в иракском банке лежат на счетах деньги террористов, что террористы имеют возможность получать оружие, как обычное, так и химическое, из разнообразных третьих стран.

Представьте себе: когда готовилась высадка союзников в Нормандии, Шарль де Голль¹ вдруг уперся бы и, исходя из размещения французского контингента в африканских колониях, потребовал бы проводить десант не на побережье Нормандии, а на Лазурном берегу. Американцы с англичанами, по всей вероятности, постарались бы переубедить его и выдвинули бы многочисленные соображения: что немцы все еще контролируют берега Италии и Тирренское море, по крайней мере Генуэзский залив; что при высадке на севере Франции Англия обеспечит для десанта безопасный тыл; что лучше ввозить войска для высадки по Ла-Маншу, а не переправлять через все Средиземное море.

Можно бы было сказать в подобной ситуации, что США вонзили Франции нож в спину? Нет, нельзя. Речь могла бы идти только о стратегических несогласиях между спорящими. Я, например, уверен: высадка в Нормандии была оптимальным решением.

¹ Шарль де Голль (1890–1970) — президент Франции (1959–1969), в 1940 г. основал в Лондоне движение «Свободная Франция» и возглавил сопротивление германской оккупации.

ем. В той ситуации союзники применили бы всемерные усилия, чтобы отговорить де Голя от бесполезной и опасной операции.

Иногда высказываются еще и моральные доводы в поддержку военной оккупации Ирака силами США. Я слышал подобные доводы, в частности, от одного очень важного и очень достойного человека, известного своей многолетней работой в защиту мира. Он говорил: «Саддам — кошмарный диктатор и люди стонут под его кровавым игом. Как не думать о несчастных иракцах?»

Надо, надо думать о несчастных иракцах. Но в такой же степени надо думать о несчастных северных корейцах, о бедных африканцах и азиатах, вынужденных существовать под игом местных тиранов, кого гнетут и давят правые диктатуры, установленные и подкармливаемые теми же США, предпочитающими видеть в Латинской Америке правых диктаторов, а не левых революционеров. Разве мы шли походом на СССР в целях освобождения бедных граждан России, Украины, Эстонии и Узбекистана, которых Сталин отправлял в лагеря? Нет, о таком походе не помышлял никто. Ибо если воевать со всеми диктаторами, то цена общей крови, учитывая количество как нормального, так и ядерного оружия, окажется чрезмерной. А поскольку политика всегда прагматична, даже когда она вдохновляется идеалами, все избирали не войну, а перетягивание каната, пытаясь добиться максимальных результатов и не употреблять бесчеловечных средств.

Это оптимальное поведение. Оптимальное в частности и потому, что, как мы видим, западным демократиям в результате удалось избавиться от советской диктатуры без всяких атомных взрывов. Потребовалось выждать. Кое-кто в ходе этого выжидания был уничтожен. Но несколько сотен миллионов вероятных мертвецов мертвецами не стали, а продолжили жить и радоваться жизни.

Таковы мои соображения. Их немного, но, мне кажется, их достаточно, чтобы сделать вывод, что в нашей ситуации не следует (именно потому что ситуация тяжелая) делать резких движений, размежеваться и выкрикивать: «Раз ты так думаешь, ты мне не друг». Ведь это тоже было бы фундаментализмом.

Любить американские традиции, американский народ, американскую культуру, относиться с уважением к стране, заслужившей титул самой сильной на свете державы. Сочувствовать боли этого народа, скорбеть о трагедии 2001 года. Но при этом не бояться убеждать американцев, что их правительство ошибается. С нашей стороны это не предательство, а высказывание несогласия. Если его нельзя высказывать, значит, нарушается право людей и наций на несогласие. А это прямо противоположно урокам, которые мы получили в 1945 году, после фашистской диктатуры, от американцев-освободителей.

Сценарий для Европы¹

Эту статью придумал не я.

Недавно Юрген Хабермас обратился к нескольким коллегам из различных европейских стран с предложением, чтобы все опубликовали одновременно, в один и тот же день, в соответствующих крупных национальных газетах, программную статью. Мне известны кое-какие идеи Хабермаса из его электронных писем, но в данный момент, когда я пишу, я не знаю в точности, что скажет Хабермас в своей газете, что скажет Жак Деррида в статье, предназначенной одновременно в газеты «Франкфуртер Альгемайне» и «Либерасьон», что скажут Фернандо Саватер в «Пайс», Джанни Ваттимо в «Стампа», Адольф Мушг в статье для «Нойе Цурхер Цайтунг», Ричард Рорти² в своей колонке

1 «Prospettive per l'Europa». «Република», май 2003 г.

2 Юрген Хабермас (р. 1929) — немецкий философ Франкфуртской школы, ученик Теодора Адорно. Призывал завершить работу, начатую просветителями XVIII века, и рассматривать абстрактные идеи с точки зрения человечности. Жак Деррида (1930-2004) — французский философ и лингвист, основатель деконструктивизма — философской школы, подвергшей пересмотру принципы анализа текстов. Центральная его концепция — *differance*, то есть дистанция между означающим и означаемым, приводящая к «деконструкции» текстов в поисках все новых означаемых. Фернандо Саватер (р. 1947) — баскский философ и писатель, профессор этики в Университете Басконии. Активно выступает против террористических действий баскских боевиков. Джанни Ваттимо (р. 1936) — итальянский философ, с 1999 г. — депутат Европейского парламента от блока левых демократов, профессор теоретической философии в Университете Турина, журналист. Представитель так называемой

спецкора для «Зюддойче Цайтунг». Может статься, мнения будут разными и возникнет полемика. В любом случае Хабермас просил нас как друзей и коллег высказаться, чтобы мировая общественность узнала и оценила взгляды некоторых европейцев на нынешнее положение в Европейском союзе. Тем самым Хабермас планировал побудить к каким-то решениям правительства всех стран, а также правительство той общности, которая сформировалась — то есть, уточню, формируется, но еще пока сформировалась не вполне — под именем Единой Европы.

Похоже, сейчас наиболее неподходящий момент для гадания о будущем объединенной Европы. Страны Европы заняли настолько несходные позиции по вопросу иракского конфликта, что это доказало: Европа все еще не едина. Вхождение в Евросоюз стран Восточной Европы приведет к тому, что старые демократии, готовые отчасти поступиться национальным суверенитетом, и демократии молодые, цель которых — усилить национальную домини-

мой «слабой мысли», отрицающей возможность обретения абсолютного знания и отвергающей все философские учения (от просветительства до марксизма), претендующие на однозначную интерпретацию бытия. Адольф Мушг (р. 1934) — швейцарский писатель и литературовед, автор иронической прозы. Ричард Рорти (р. 1931) — американский философ-прагматист, прозванный «философом конца философии» за полемические статьи против традиционных школ мышления. Применяет свою философскую логику, в частности, к разбору литературы с точки зрения ее функциональности. Анализирует произведения Дж. Оруэлла, В. Набокова.

нанту в своих новообразованных правительствах, пусть даже ценой поиска союзников за пределами Европы, — окажутся в едином доме.

В настоящий момент вроде и существует европейское самосознание и европейское самоопределение, и в то же время следует сказать, что некоторые события подрывают европейское единство.

Возьмем ту же тему, которую, я знаю, собирается разрабатывать и Хабермас. Рассмотрим основные компоненты так называемой западной ментальности: греческий и иудео-христианский фундамент; идеи свободы и равенства, завещанные нам французской революцией; багаж современной науки, у истоков которой стояли Коперник, Галилей, Кеплер, Декарт и Фрэнсис Бэкон¹; капиталистическую форму производства; отделение церкви от государства; римское право или *Common Law*²; и самое понятие справедливости, утверждающей себя через классо-

- 1 Николай Коперник (1473-1543) — польский астроном и философ, обосновавший гелиоцентрическую модель мира. Галилео Галилей (1564-1642) — итальянский ученый, физик и астроном, основоположник классической механики и экспериментальной науки. Иоганн Кеплер (1571—1630) — немецкий математик и астроном, открывший законы движения планет. Рене Декарт (1598-1650) — французский философ и математик, стремился к универсальному знанию на принципах рационализма и достоверности. Фрэнсис Бэкон (1561-1626) — английский философ и ученый, один из основоположников экспериментальной науки. Автор одной из первых утопий «Новая Атлантида».
- 2 *Common Law* (англ.) — общее право, система права во многих англоязычных странах, отводящая прецедентам и традициям равную, если не более значительную роль, нежели нормам и законам.

вую борьбу. Все это результаты идейной работы европейского Запада. Список, конечно, не полон. Да и идеи эти ныне принадлежат отнюдь не только Европе. Они привились, распространились и расцвели и в Америке, и в Австралии, и частично — в Азии и в Африке. Поэтому, безусловно, говоря о западной цивилизации, мы подразумеваем цивилизацию, отождествляющую себя с той моделью, которая в процессе глобализации получила главенство над всем миром. Но повторим опять: не одни европейцы отождествляют себя с этой моделью.

Внутри же этой западной цивилизации мы все ошутимее чувствуем особость Европы. Возможно, этого ощущения у нас нет, когда мы, европейцы, ездим в другие европейские страны, поскольку мы обращаем внимание прежде всего на отличия. Но ведь отличия наблюдает и миланец, попавший в Палермо, и калабриец в Турине. Однако при первом же контакте европейца с неевропейской культурой, в том числе с американской, в нем обостряется чувство «европейскости». В поездке, на конгрессе, с друзьями из разных стран, в путешествиях явственно проявляется нечто объединяющее (сходные воззрения, сходное поведение, сходные вкусы): мы роднее с французом, испанцем или немцем, нежели с теми, кто не из Европы.

Министр образования Франции, философ Люк Ферри в декабре 2002 года в своем вступительном слове на парижском Конгрессе борцов за мир отмечал (никакой новизны, разумеется, в его наблюдении не было, но имелся интересный драматизм в по-

даче текста) что ни один француз не может сейчас вообразить войну с соседями — например, войну с немцами. Как, разумеется, и англичанин — войну с Италией, или испанец — нападение на Фландрию. А ведь мы помним, что война с соседями как форма решения всех конфликтов и междоусобиц две тысячи лет была обычным делом для Европы. Ныне имеет место новая историческая ситуация, которую невозможно было вообразить всего только полвека назад. Эта ситуация, допустим даже, не всегда четко формулируется в нашем сознании, однако ею определяется наше поведение. Поведение всех рядовых европейцев: жители Европы едут в отпуск, спокойно пересекая те самые границы, которые их отцы штурмовали с винтовкой в руках.

По тысяче причин француз до сих пор чувствует себя отличным от немца, но оба они — наследники древнего общего опыта, сформировавшего и ту и другую нацию. У нас в совместном багаже — идея благосостояния, достигнутого благодаря профсоюзам, а не благодаря гомеостазу индивидуалистской этики, основанной на личном успехе. Мы все пережили провал колониальной политики и распад империй. Мы все пережили под диктатурами, умеем распознавать их в зачатке, и, может быть, потому мы (многие из нас) вакцинированы от диктатур.

Нам всем известно, что такое война в своем доме, что такое прямая угроза жизни. Я даже рискну сказать, что если бы два самолета воткнулись в Нотр-Дам или Биг-Бен, это вызвало бы, разумеется, отчаяние, испуг, гнев и ужас, но вряд ли — такой ступор и такую

реакцию (депрессивный синдром в сочетании с инстинктом немедленного мщения), какие мы наблюдали у американцев, впервые получивших удар на своей собственной территории.

В общем, у европейцев имеется немало общих качеств, общих опытов, радостей, печалей, общая гордость, общий стыд, общие традиции и общая совесть. Каждая европейская страна некогда жила в симбиозе с каким-то регионом Африки или Азии, обменивалась чем-то с этим регионом, конфликтовала с ним и находилась от него не так уж далеко, не за океаном, во всяком случае.

Достаточно этого чтобы и впрямь объединить Европу? Явно недостаточно. Мы это наблюдаем каждый день. Невзирая ни на общую валюту, ни на тот факт, что разные страны хотят примкнуть к этому нашему союзу и готовы поступиться многим, лишь бы их взяли в Европу. Многим, но не всем, и при единстве зревают новые конфликты: например, разность точек зрения по вопросу об иракской войне.

Однако единство, которое Европа не умеет обрести в себе самой, навязывается ей извне объективной эволюцией событий. Покуда шла «холодная война», страны Европы, растасованные после Второй мировой войны между западным и восточным блоками, были вынуждены существовать в тени какой-либо из двух великих держав: или Соединенных Штатов, или Советского Союза. И СССР и США реализовывали в Европе свои идейные программы.

Китай тогда не просматривался. Китай для США не предвещал непосредственной угрозы. Китай пред-

ставлял собой угрозу лишь в стратегическом будущем, а в тот период Китай был полностью занят борьбой за внутреннюю стабильность и пребывал в открытой конфронтации не с американцами, а с русскими. Американцы спокойно стерпели застой в Корее и поражение во Вьетнаме, поскольку главную игру они вели в Европе, и эту войну американцы выиграли: в конце концов советская империя распалась.

Втянутые в игру более сильных игроков, европейские нации строили свою внешнюю политику по модели одного из блоков, с которыми они себя отождествляли, живя под военным протекторатом либо НАТО, либо Варшавского договора.

Этот пейзаж переменился, как только пала Берлинская стена. А теперь окончательно прорисовалась утрата интереса американцев к Европе. В недавние годы — когда стало видно, до чего вяло американцы относятся к балканскому вопросу. Враг, побиваемый в течение полувека, пал. США обнаружили, что главный враг теперь у них другой. Позиционирование этого нового врага нечетко, но безусловно — он угнезвился где-то в недрах мусульманского, ближневосточного и дальневосточного мира, против этого недруга США направляют свою военную мощь — против Кабула, против Багдада, и, может быть, не только против них. Этот новый военный поход побудил американцев даже передислоцировать свои военные базы. То есть американцы перестали видеть в НАТО надежную опору (потому что, помимо всего прочего, выяснилось: европейские страны по историческим и географическим причинам имеют с арабским миром

отношения, кое в чем диссонирующие с американскими интересами).

Тем временем стало ясно, что главная конфронтация, уготованная Соединенным Штатам, — это грядущая конфронтация с Китаем. Не обязательно она будет военной. Но она обязательно охватит и экономику, и демографию. Достаточно прийти в США в любой университет, чтобы видеть, до какой степени стипендии, аспирантские ставки и лидирующие позиции уже сейчас в руках азиатских студентов (не знаю, в генах ли дело, или в том, что и по воспитанию эти азиатские студенты гораздо охотнее своих европейских сверстников готовы вкалывать по восемнадцать часов в сутки, дабы выдвинуться на самое высокое место). Американская наука развивается все больше благодаря импортированию не европейских, а азиатских мозгов, мозгов из Индии, Японии и Китая.

Это значит, что все внимание американцев перемещается от Атлантики на тихоокеанские регионы. И точно: вот уже много лет крупнейшие производственные и научно-исследовательские центры переселяются или наново строятся в Калифорнии. В некоем будущем Нью-Йорк станет чем-то вроде американской Флоренции, станет заповедником моды, искусства и культуры, но отнюдь не местом принятия первостепенных решений.

Америка смотрит все меньше на Атлантику, все больше — на Тихий океан. В двадцатые годы «WASP»¹

1 WASP (White Anglo-Saxon Protestant, *англ.*) — «белые англосаксы-протестанты».

не сводили глаз с Парижа, а теперь новые американцы из заслуженных и важных проживают в штатах, куда вообще не поступает «Нью-Йорк Тайме» (главная атлантическая газета), или поступает с опозданием на целые сутки, и только в редкие привилегированные киоски. Этими новыми американцами скоро заселятся области, в которых о Европе будут знать совсем мало, а если что и будут узнавать, то не сумеют уяснить причин событий, которые происходят на том дальнем экзотическом континенте, гораздо менее понятном для Америки, нежели Япония или Гавайи.

Когда Америка перенесет свое усиленное внимание на Ближний Восток и на огромный Тихоокеанский регион, Европа потеряет свое значение в мире. Как ни крути, самым страстным американофилам уже и сейчас ясно, что не станут американцы днем и ночью заботиться о чужом континенте, пусть даже это была родина их предков (да и то не для всех американцев; мало ли их носит фамилии Перес и Чун Ли). Вдобавок европейскому континенту уже не грозят ни гусеницы гитлеровских танков, ни советские казаки, скакавшие поить коней ватиканской святой водой.

Поэтому Европа окажется в изоляции самую сильной вещей (как говорил Гегель¹: все происходит так,

1 Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) — немецкий философ-идеалист. Гегель утверждал тождество бытия и мышления, причем действительность оказывается воплощением и самораскрытием абсолютного принципа, поэтому все действительно разумно, а все разумное действительно.

как того требует действительность, а действительность разумна). И тогда Европа либо станет единой, либо распадется.

Гипотеза распада, я думаю, не слишком реалистична, но все-таки обсудим этот сценарий. Допустим, Европа повторит судьбу или Балкан, или Южной Америки. Новые сверхдержавы (возможно, в отдаленном будущем Китай, если он займет место США) примутся вертеть несильными европейскими странами по своему усмотрению — тем самым закрепляя свое положение в качестве сверхдержав. Им может быть удобно размещать свои военные базы в Польше или Гибралтаре, в Хельсинки или Таллинне — близко к полярным воздушным коридорам. Чем разобщеннее станет Европа, чем менее конкурентоспособным будет евро на мировых валютных рынках, тем для США и Китая лучше. И невозможно вменить в вину сверхдержавам, что они заботятся прежде всего о собственных интересах.

Ну а если Европа изыщет ресурсы, чтобы позиционировать себя в качестве третьего полюса между Соединенными Штатами и Востоком (будет ли этим Востоком Пекин, или, как знать, Токио, или Сингапур)?

У Европы есть только один путь, как ей стать этим третьим полюсом. Европа уже объединила таможи и валюту, теперь она должна объединить внешнюю политику и оборону. То есть те минимальные военные силы, которые ей полагается иметь. Ибо вряд ли Европа готовится захватывать Китай или драться с

США. Ровно столько войск, сколько ей необходимо для самообороны и для быстрого реагирования, учитывая, что НАТО уже не станет решать за Европу ее проблемы.

Смогут ли европейские правительства договориться и подписать подобные соглашения? В воззвании Юргена Хабермаса говорится, что невозможно достичь подобного результата в расширенной Европе, если она будет включать в себя Эстонию, Турцию, Польшу и, может быть, в один прекрасный день — Россию. Консолидация Европы способна пока что охватывать только те страны, которые были в ядре Европейского союза. Если бы эта основная группа выдвинула четкие предложения, другие страны подтянулись бы (может быть, понемногу, постепенно).

Утопия? Как подсказывает здравый смысл, утопии могут стать реальными гипотезами на фоне меняющегося миропорядка. Или так, или никак Европа должна и, можно сказать, обречена выработать совокупный способ вести внешнюю политику и оборонять территорию. Если этот способ не вырабатывать, Европа превратится — надеюсь, что никого не обижаю, — в Гватемалу.

Это воззвание видные европейцы обращают к правительствам континента, на котором они родились и на котором хотели бы спокойно досуществовать, гордясь своим местожительством.

Волк и ягненок. Риторика бессовестности¹

Не знаю, метать ли бисер перед вами, стадом бессмысленных дурней, которые вообще никогда и ничего не способны уразуметь.

Как вам такое начало? Типичный случай «*captatio malevolentiae*»², то есть я применил риторическую фигуру, которой нет и быть не может — эта фигура призвана восстанавливать аудиторию против оратора. Вообще-то я много лет полагал, будто первым выдумал этот термин — *captatio malevolentiae*. Я применил его к одному своему приятелю и к его манере держать себя в обществе. Но потом посмотрел в Интернете и увидел, что на многих сайтах *captatio malevolentiae* активно упоминается. Не знаю уж, как это случилось — то ли они цитировали меня, то ли наличие явления литературного полигенеза (это когда одна и та же идея спонтанно возникает у разных людей в разных местах, независимо друг от друга).

Совсем другое дело, если бы я начинал свою речь вот так «Не знаю, метать ли бисер перед подобным стадом бессмысленных дурней, но все-таки выскажусь. Как минимум из уважения к тем двум или трем

1 «Il lupo e Pagnello. Retorica della prevaricazione». Выступление в Болонском университете 20 мая 2004 г. в рамках курса «Под знаком слова» («Nel segno della parola»), организованного Исследовательским центром «Долговечность классики» («La permanenza del classico»). Несколько переработанный вариант этого текста был опубликован в томе: *Nel segno della parola* 1A cura di Ivano Dionigi. Milano: BUR, 2005.

2 *Captatio malevolentiae* (лат.) — снискание нерасположения.

из вас, кто не такие дегенераты, как прочие». Это был бы пример (довольно резкий и опасный) «*captatio benevolentiae*»¹. Естественно, каждый слушатель обязательно подумал бы, что именно он — один из двух или трех, кто не такой дегенерат... и, презрительно отвернувшись от остальных, начал бы слушать супервнимательно и суперзаинтересованно.

Captatio benevolentiae — риторический прием, позволяющий, как вы уже поняли, немедленно налаживать эмоциональный контакт с собеседником. Чаще всего *captatio* ставят в зачины («Для меня великая честь выступить перед столь почтенной публикой»). На этом приеме строится один до того пространственный и до того затасканный зачин, что он теперь уже чаще применяется иронически — я имею в виду зачин «как вы, несомненно, помните». Этим способом восстанавливают в памяти собеседников нечто полузабытое, но делают вид, будто просто даже стесняются повторять то, что собеседник, конечно, знает и сам по себе.

Почему в риторике используют «*captatio benevolentiae*»? Потому что... ведь что такое риторика? Риторика — это вовсе не презренное словоплетение, в котором избылируют ненужные слова и напыщенные периоды. Риторика — и не синоним софистики, что бы ни утверждали отдельные глупые учебники. Кстати о софистике, оговорюсь, что греческие софисты, занимавшиеся риторикой, вовсе не были такими ужасными, как утверждают те же самые учеб-

1 *Captatio benevolentiae* (лат.) — снискание расположения.

ники. Великим мастером искусства риторики был Аристотель. Платон¹ в диалогах использовал тончайшие риторические приемы (к слову, эти риторические приемы Платон использовал, чтобы полемизировать именно с софистами).

Так вот риторика — это техника убеждения (*persuasio*). Кстати и об убеждении — в нем опять-таки нет ничего худого, хотя, разумеется, убеждать можно очень коварно и в конце концов убедить человека поступить себе во вред. Технику убеждения очень полезно изучать. Аподиктические² утверждения работают только в крайне редких случаях. Они работают лишь при полном согласии по исходным терминам, например — при одинаковом представлении о том, что такое угол, что такое сторона, площадь, треугольник. Если собеседники одинаково интерпретируют термины, им и спорить-то незачем: не спорят же о теореме Пифагора. Однако в большинстве дискуссий о современной жизни по поводу любого предмета каждый собеседник имеет свое собственное представление. Поэтому каждому собеседнику приходится убеждать остальных, а убеждая — использовать риторику.

1 Аристотель (384–322 гг. до н.э.) — греческий философ и ученый-энциклопедист. Основоположник формальной логики, основанной на системе силлогистики. Разработал теорию аргументации. Платон (428/427–348/347 гг. до н.э.) — греческий философ, чье учение часто формулируется в форме диалогов. Основатель Академии, основоположник многовековой традиции платонизма и неоплатонизма.

2 Аподиктический — очевидный, не требующий доказательств (от греч. корня).

Спокон веков риторика подразделялась на *судебную* (ибо в суде у каждого свое мнение, доказательна ли улика или нет), *совещательную* (в парламентах и ассамблеях у каждого свое собственное мнение по вопросу, следует или нет строить дорогу через горный перевал, ремонтировать лифт в подъезде, голосовать за Джованнини, Пьетрини или Сидорини) и *эпидиктическую*. Эпидиктической называется риторика, восхваляющая или осуждающая некие явления. Тут уж точно взгляды могут быть самые различные. Не существует научных оснований, чтобы утверждать, приятнее ли Гарри Купер Хэмфри Богарта, чище ли стирает «Ариэль», нежели «Кристалл», и кто женственнее: Майкл Джексон или Элтон Джон.

Поскольку подавляющее большинство споров на этом свете ведется вокруг взглядов и представлений, риторические техники помогают:

- выдвигать аргументы, с которыми согласится большинство слушателей;
- формулировать аргументы так, чтобы они держивали критику;
- выражать аргументы так, чтобы слушатели интуитивно верили в их доброкачественность;
- а также вызывать у публики эмоции, способствующие успеху аргументов, в том числе посредством *captatio benevolentiae*.

Естественно, и самые вроде бы убедительные высказывания могут быть разбиты еще более убедительной критикой, чем доказывается итоговая ограниченность всякой аргументации. Все вы (*captatio*) знаете, конечно, шуточную псевдорекламу: «Ешьте

дерьмо: миллионы мух не могут ошибаться». Эту фразу нередко приводят, демонстрируя ущербность принципа «большинство всегда право». Кажущуюся логику этого высказывания можно опровергнуть, поставив вопрос: а отчего мухи питаются пометом животных, по причине вкуса или по причине необходимости? Можно еще задать вопрос: если бы поля и долины были покрыты икрой и патокой, обрадовались ли бы мухи? А если да, то обрадовались ли бы они икре с патокой больше, нежели экскрементам? И еще, кстати, не забывайте, что предпосылка «все вкушающие вкушают то, что им вкушать любо» опровергается эмпирикой, когда вкушающие вынуждены есть то, что им совершенно не любо, а именно: в тюрьмах, в больницах, в армии, при голодоморах и блокадах, а также при диетическом питании.

Так что ясно, отчего *captatio malevolentiae* неуместно в риторике. Риторика нацелена на получение согласия, а следовательно, в риторике неуместны зачины, вызывающие несогласие. Однако минуту внимания. Это в свободных демократических обществах (включая даже ту достаточно ущербную демократию, которая существовала в Афинах) техника, вызывающая несогласие, неуместна. В обществах же, где одни навязывают себя другим за счет грубой силы, искать согласия не требуется. Бандиты, насильники, грабители, надсмотрщики в Освенциме не используют риторiku убеждения.

Потому возникает соблазн провести демаркационную линию. Отдельно — такие культуры, в которых власть основывается на консенсусе населения,

в таких культурах бытуют техники убеждения. И отдельно — культуры-деспотии, где торжествуют законы силы, законы бессовестности: в этих культурах никого ни в чем убеждать не требуется.

Однако поскольку все и всегда на этом свете гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, поговорим все же *ориторике бессовестности*.

По словарю, бессовестное злоупотребление означает «неумеренное пользование властью с целью получения себе выгоды, в ущерб интересам жертвы». Действовать бессовестно — «действовать несообразно с честностью, нарушая границы законности». Обычно бессовестный злоупотребитель, зная, что злоупотребляет, норовит при случае узаконить свой поступок и даже (в условиях диктатур) добиться консенсуса с жертвами: то есть подыскивает законное обоснование своим действиям. Мы видим, что вполне возможно, ведя себя бессовестно, обращаться к риторике для оправдания бессовестного пользования властью.

Классический пример псевдо-риторики бессовестности — басня Федра¹ о ягненке и волке. Ягненок говорит волку: «Как могу вредить тебе? Вода течет ведь — от тебя к моим губам...» Как видим, он вполне владеет риторической техникой и находит слабое место в аргументации волка, умеет возразить, апеллирует к мнению, разделяемому всеми здравомыслящими слушателями: воду вниз по течению замутить можно, вверх по течению — нельзя.

¹ Федр (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) — римский баснописец. Текст цитируется в пер. Н.И. Шатерникова.

Пред лицом оппонизирующего ягненка волк находит новый довод: «Ты нагрубил мне шесть месяцев назад». Ягненок парирует и это: «Я тогда еще и не родился». Опять-таки ловкий ход ягненка в этой партии, и волку приходится искать очередное обоснование: «Значит, грубил мне твой отец, клянусь Гераклом!»

И тут, схвативши, растерзал ягненка он.
Вот эту басню написал я про того,
Кто гнет безвинных, повод выдумавши сам.

В басне два посыла. Сначала — что злоупотребитель старается оправдаться. Когда оправдания не имеют успеха, он противопоставляет риторике неаргументирующую силу. В басне отображен вполне реальный жизненный принцип. Постараюсь показать, как эту технику уже применяли в истории, порою — поаккуратнее.

Конечно, в этой басне Федра ритор-налетчик выведен в довольно карикатурном виде, аргументы волка слабы, он — несомненно бессовестный злоупотребитель. Несостоятельность аргументации волка видна любому. Однако бывает, что злоупотребление преподносится под флером риторики. Бывает, берется исходное мнение, разделяемое большим числом людей, — то, что в греческой риторике называлось *endoxa* (апелляция к общественному мнению), — и отрабатывается эта техника, причем в аргументацию тихонько втаскивается *petitio principii* — прием, когда в качестве решающего аргумента приводится тот тезис, который как раз хотят доказать, или ко-

гда в качестве опровергающего доказательства приводят именно то положение, которое хотят опровергнуть.

Вот яркий пример:

От времени до времени вы можете встретить в наших иллюстрированных изданиях статьи с соответствующими портретами, рассказывающие на удивление <...> мещанину, как там или сям удалось сделать из негра учителя, адвоката или даже пастора или наконец героического тенора и т.п. Разинув рот, мещанин ахает от изумления по поводу таких чудес и приходит к выводу, что дело воспитания находится в современном обществе на недостижимой высоте. Евреи же пользуются этим совсем для других целей: хитро улыбаясь себе в бороду, они начинают доказывать всему честному народу, что эти примеры являются самым убедительным аргументом в пользу их теории о равенстве всех людей. Современному несчастному обществу не приходит даже в голову, что примеры эти говорят только об одном: о том, сколь сильно грешим мы против самых элементарных требований здравого рассудка.

Миллионы и миллионы людей, принадлежащих к гораздо более высокой по своей культуре расе, вчат жалкое существование, занимая самые низкие места в нашей общественной иерархии. А мы в это время радуемся преступной игре, позволяющей выдрессировать полуобезьяну настолько, чтобы сделать из нее адвоката. Люди не понимают, что мы совершаем величайший грех против воли вечного творца нашего, когда мы спокойно смотрим на то, как сотни и сотни

тысяч одареннейших людей гибнут, подвергаясь всем ужасам пролетаризации, и в то же время дрессируем зулусов и кафров, чтобы дать им возможность занять места в более высоких профессиях. Ибо надо же сказать правду: на деле это только дрессировка, — такая же дрессировка, как соответствующее обучение пуделя. Если бы мы столько же труда и внимания посвятили людям более интеллигентных рас, то результат, разумеется, получился бы в тысячу раз больший.

Совершенно нестерпимо такое положение, когда из года в год сотни тысяч совершенно бесталанных людей получают возможность проходить через высшие учебные заведения, между тем как сотни тысяч других действительно талантливых людей лишены возможности получить высшее образование. Нация несет в результате этого невероятный ущерб, которого даже не учтешь¹.

Кто автор этого текста? Босси? Боргецио²? Один из министров нашего правительства? Могло быть и так. Однако автор — Адольф Гитлер. Это цитата из «Майн Кампф». Для подготовки своей расистской кампании Гитлеру требовалось укоренить в широких массах убеждение о мнимой отсталости некоторых рас. Против этой теории выступали факты. Бы-

- 1 Изд. на рус. яз.: «Т-ОКО, 1992. Имя переводчика не указано.
- 2 Умберто Босси (р. 1941) — итальянский политик, лидер федерации автономистских движений «Лига Севера». Стиль его оскорбительных по отношению к государству публичных выступлений обычно на грани буффонады. Марио Боргецио (р. 1947) — итальянский политик, депутат Европарламента от «Лиги Севера». Не скрывает своей агрессивной ксенофобии.

ло очевидно, что африканец, получивший доступ к обучению, восприимчив и способен к наукам столь же, сколько и европеец, и это доказывало, что его раса — не отсталая. Как же Гитлер опровергал этот аргумент? Он заявлял: поскольку невероятно, чтобы низшее существо было обучаемо, следовательно, его выдрессировали. То есть аргумент, цель которого — доказать, что негры не животные, опровергался с помощью довода, что-де негры животные.

Вернемся к ягненку. Волк, чтобы сожрать его, подыскивает *casus belli*¹, то есть он хочет убедить ягненка, или присутствующих, или, может, себя самого, что он сожрет ягненка за грехи. Это второй подвид риторики бессовестности. Бессовестный поиск повода для войны. Истории известен не один *casus belli*, и находили их, как правило, гораздо более хитроумные волки. Примечателен, например, *casus belli*, с которого началась Первая мировая война.

В 1914 году в Европе накопились все предпосылки для войны: во-первых, экономическая конкуренция сильнейших держав, когда продвижение немецкой империи на крупные рынки тревожило Великобританию, Франция беспокоилась из-за экспансии немцев в африканские колонии, Германия нервничала от напора соседей и чувствовала себя ущемленной в международных притязаниях, Россия претендовала на роль защитницы балканских стран и конфликтовала с Австро-Венгрией. Отсюда гонка вооружений, национализм, интервенционизм в ряде стран. Каждое государство было заинтересовано в войне, но ни

1 *Casus belli* (лат.) — повод к войне.

одна из имевшихся предпосылок не могла войну оправдать. Напади любая из этих стран на другую, это выглядело бы так нападающая страна во имя собственных интересов ущемляет интересы прочих стран. Требовался предлог.

Вот тут-то в Сараево 28 июня 1914 г. один боснийский студент застрелил эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда и эрцгерцогиню¹. Понятно, что вылазка отдельного фанатика не может компрометировать всю страну. Но Австрия на лету подхватила мяч. Вместе с Германией австрийцы возложили на сербское правительство ответственность за инцидент. 23 июля в Белград был направлен жесткий ультиматум: Сербия в нем была представлена организатором антиавстрийского заговора. Россия оповестила Сербию, что готова поддержать ее, после чего Сербия, ответив на ультиматум довольно примирительно, объявила всеобщую мобилизацию. Австрия в ответ, не приняв предложения Англии о посредничестве, объявила Сербии войну и в эту войну тут же ввязались все европейские государства.

Хорошо еще что потом была Вторая мировая война (пятьдесят пять миллионов жертв), а не то держать бы Первой мировой пальму первенства в качестве самого трагического безумства истории.

Австрия, цивилизованное и просвещенное государство, искала настоящий сильный повод для войны. И тут у них застрелили наследного принца. Пе-

1 Франц Фердинанд фон Габсбург (1863-1914)— эрцгерцог и наследник престола Австро-Венгрии. 18 июня 1914 г. был убит в Сараево боснийским террористом, студентом Гаврилой Принципом.

ред лицом подобного факта сама напрашивалась мысль преподнести поступок Гаврилы Принципа не как спорадическое локушение, а как часть плана сербского правительства. Аргумент хотя бездоказательный, но в эмоциональном плане очень выигрышный. В репертуаре бессовестностей это пример второго подвида: бессовестная апелляция к синдрому заговора.

Первейший довод, который используют, когда необходимо развязать войну или устроить гонения, это: «пришлось противодействовать заговору, устроенному против нас, нашей группы, нашей страны, нашей цивилизации». «Протоколы Сионских мудрецов», книжонка, служившая оправданием для уничтожения европейского еврейства, — типичный синдром заговора. Хотя надо сказать, что синдромы заговора существовали и в древнем мире. Карл Поппер¹ в статье «О рациональной теории традиции» пишет о конспирологической теории общества:

Упомянутая теория, которая примитивнее многих форм теизма, подобна той, которую мы находим у Гомера. Гомер представлял себе власть богов всеобъемлющей, и все, что происходило на равнине перед Троей, являло собой лишь отражение многоплановых заговоров, выплетаемых богами на Олимпе. Заговорщицкая теория общества, по сути, есть преломление этого теизма, то есть веры в богов, чьими капри-

1 Карл Поппер (1902-1994) — английский философ и социолог австрийского происхождения, приобретший известность разбором истории тоталитарных учений.

зами и причудами определяется все в нашем мире. Это последствие утраты веры в Господа, ответ на вопрос «Кто же тогда на месте Бога?» На этом месте ныне самые разные люди и группы власти — зловещие фракции, осуществляющие давление, дело их рук — Великая Депрессия и многие другие терзающие нас напасти. Конспирологические теории общества, хотя и мало правдоподобны, чрезвычайно популярны. Только когда теоретики заговора дорываются до власти, теория заговора начинает соответствовать реальным событиям. Например, когда Гитлер захватил власть (а Гитлер верил в «Сионские протоколы»), он противопоставил «заговору евреев» свой собственный контр-заговор.

Обычно же диктатуры, чтоб заполучить общенародный консенсус для своих решений, избирают в качестве жупела какую-либо страну или группу, или расу, или тайное общество, которое якобы злоумышляло против цельности народа, управляющегося диктатором. Любая форма популизма, в том числе и современная для нас с вами, нацелена на то, чтобы заручиться консенсусом, сплачивая вокруг себя народ против внешней угрозы или против тайного внутреннего врага. Выигрывают те, кто умеет, подыскавши *casus belli*, грамотно преподнести его под соусом из теории заговора. По этому рецепту добился успеха Гитлер, изготовивший из «еврейского заговора» не только массовое истребление евреев во всем мире, но и собственную крестовую войну против, как их тогда называли в итальянской прессе, «деможидовских плутократий». Но не один Гитлер

достиг успеха по этому рецепту. Прекрасно умел смешивать *casus belli* с теорией заговора и Бенито Муссолини.

Возьмем замечательный пример — речь, произнесенную Муссолини в октябре 1935 года. В этой речи дуче оповещал народ о начале эфиопской кампании. Объединившись и образовав национальное государство, Италия, по примеру прочих европейских стран, завела себе колонии. Воздержимся от моральных оценок. В XIX веке никто не осуждал колонизаторов, существовала настоящая идеология «бремени белого человека» — так выражался Киплинг, так думали почти все. Так вот, Италия, укрепившись в Сомали и Эритрее, нацелилась на Эфиопию. Но Эфиопия была страной древней христианской культуры, страной, которую европейцы в старину ассоциировали со сказочным царством пресвитера Иоанна. Эфиопия сама, по собственной воле искала встречи с западной цивилизацией.

В 1895 году итальянцам пришлось пережить военное поражение под Адуа, и с того времени Италия скрепя сердце признавала Абиссинию как автономию, поддерживая там режим наподобие протектората и сохранив несколько плацдармов на абиссинской территории. Когда в Италии установился фашистский режим, в Эфиопии Рас Тафари¹ начал работу по высвобождению своей страны из затянув-

¹ Тафари Маконнен (1892-1975), в крещении Хайле Селассие («Мошь Троицы») — с 1916 г. эфиопский принц («Рас»), с 1930 г. — император Хайле Селассие I. Зародившееся на Ямайке религиозное движение растафарианцев (растаманов) считает его мессией.

шегося феодализма. Эту работу он продолжил под христианским именем императора Хайле Селассие. Он понимал, что единственный шанс на выживание для единственного суверенного государства в Африке — модернизация. Естественно, негуса не устраивало, что среди работающих в стране западных специалистов-техников преобладают итальянцы. Желая уравновесить их приезжими из других государств, негус всюду приглашал инженеров и советников из Франции, Англии, Бельгии и Швеции, чтобы они модернизировали армию, обучали солдат новейшим технологиям, развивали авиацию.

Итальянский фашизм не мог делать вид, что он модернизирует Абиссинию, — она и без итальянцев, хотя с неимоверными трудностями, самостоятельно шла по пути частичной европеизации. И, повторяю, итальянцы не имели никакого религиозного повода для захвата страны, поскольку Абиссиния уже и так исповедовала христианство. Интерес итальянцев лежал в сфере наглой выгоды. Поэтому для начала эфиопской кампании итальянцам требовался *casus belli*.

Этим «казусом» стало соперничество за район Уал-Уал, в свое время укрепленный итальянцами. Это был укрепрайон вокруг нескольких колодцев, откуда брали воду — жизненный ресурс — кочевые племена Огадена. Эфиопия не признавала право на этот участок за итальянцами и время от времени обращалась за помощью к Великобритании, чьи колонии граничили с укрепрайоном. В общем, однажды случился инцидент. 24 ноября 1934 года к колодцам

подошла смешанная англо-эфиопская комиссия, имея эскорт из нескольких сотен вооруженных абиссинцев, и потребовала от итальянцев уйти с позиций. Итальянцы вызвали подкрепление и даже авиацию. Англичане выразили протест и удалились, абиссинцы остались и вступили в бой. Абиссинцев погибло триста. Итальянцев было убито двадцать один человек из «dubat» — так называли бойцов колониальной армии. Раненых с итальянской стороны насчитали около сотни. Подобно большинству приграничных стычек, эта история могла быть урегулирована по дипломатической линии. Чего уж там, если меряться убитыми, выходило четырнадцать на одного в пользу Италии... Однако Муссолини уцепился за долгожданный предлог. Рассмотрим же, какими риторическими приемами он оправдывал свои намерения перед итальянским народом и перед всем человечеством в речи, произнесенной 2 октября 1935 года с балкона Палаццо Венеция в Риме:

Чернорубашечники Революции! Граждане и гражданки Италии! Сограждане, живущие по всему миру, за горами и за морями: слушайте! Наступает заветный час в истории нашей Родины. **Двадцать миллионов сограждан** слушают нас сейчас на площадях Отечества. Никогда в мировой истории не бывало столь потрясающего зрелища. Двадцать миллионов: единое сердце, единая воля, единый порыв.

Много месяцев **колесо судьбы** под напором нашей спокойной решимости двигалось к цели. Не одни наши Вооруженные силы идут к цели и достигают ее,

но весь народ, сорок четыре миллиона итальянцев, негодует пред лицом вопиющей несправедливости. У нас решили **отобрать** часть места под солнцем. Когда в 1915 году Италия отважилась, рискуя невозможным, объединить свою судьбу с судьбой союзников, сколько было вознесено хвалений нашей храбрости! Сколько было обещано! Но когда была одержана общая победа, на алтарь которой Италия возложила 670 000 жизней, 400 000 увечий и миллион полученных ран, от стола победителей ей достались только **жалкие крохи** богатых колониальных территорий.

Мы терпели тринадцать лет, и все эти годы все сильнее теснили нас чужие эгоистические посягательства, претендуя на наше жизненное пространство. **Мы протерпели положение в Эфиопии сорок лет! Так скажем: доколе?!**

<...> Мы заявляем снова, решительно заявляем, и я священно клянусь в том перед вашим лицом, что приложим все силы, дабы этот конфликт колониального значения **не перерос** ни по характеру, ни по масштабу в конфликт европейский.

<...> Никогда прежде итальянский народ не выказывал **такого величия духа**, такой силы характера. **И против этого-то народа, которому человечество обязано великими достижениями, народа поэтов, художников, героев, святых, мореходов, путешественников, против этого-то народа чья-то рука поднимается применять санкции!**

Перечитаем ударные места этой речи (жирным шрифтом выделено мною). Во-первых — самооправ-

дание с апелляцией ко мнимой «воле **народа**». Муссолини принял решение единолично, однако присутствие (предполагаемое) двадцати миллионов итальянцев на площадях используется им как оправдание принятого решения. Во-вторых, на принятие решения якобы воздействовал поворот «**колеса судьбы**». Сам дуче и итальянцы вместе с дуче принимают решение, потому что сумели проинтерпретировать заветы рока. В-третьих, намерение захватить эфиопскую колонию подано в виде волевого противостояния *грабежу*, следует дать отпор тем, кто хочет отобрать у Италии часть места под солнцем. В действительности же «они» (европейские государства, применившие санкции против Италии) не пускали Италию отобрать чужое место. Не будем сейчас вдаваться в тонкости, выясняя, какие национальные интересы защищали другие страны, препятствуя итальянской агрессии. Но в любом случае они не отнимали у нас наше собственное достояние, а противодействовали тому, чтобы мы воровали чужое.

Вот тут-то самое время притянуть к делу синдром заговора. Италию пролетариев доводят до нищеты и голода, стоворившись между собой, демоплутожидовские державы, науськиваемые, ясное дело, еврейским капиталом. И тут же раздаются причитания о *национальной ущемленности*, с кивками в сторону тяжело давшейся, но куцей победы. Мы-де выиграли мировую войну, но не получили того, за что сражались.

По правде, мы сражались за то, чтоб получить Тренто и Триест, и их и получили. Ладно, замнем.

Важнее то, что манипулирование этими чувствами ущемленности (а синдром заговора работает именно когда есть комплекс неполноценности) подготавливает, эмоционально оправдывает и предваряет заключительный пассаж речи дуче: «Мы протерпели сорок лет положение в Эфиопии. Так скажем: доколе?!». Можно было бы задуматься, а не терпела ли, наоборот, Эфиопия положение с нами, учитывая, что это мы к ним лезли, в то время как Эфиопия и не помышляла, и не имела никакой возможности лезть к нам. Но никто не задумывается. Концовка речи сопровождается восторженным ревом толпы.

Дело в том, что эта концовка содержит *captatio benevolentiae*. Оригинальное расположение риторической фигуры не в начале, а в конце. Этот народ, гонимый, недооцененный, чьей волей оправдана агрессия — одарен величием духа и силой характера. Это — несравненный народ поэтов, художников, героев, святых и мореходов. Можно подумать, Шекспир, зодчие готических соборов, Орлеанская дева и Магеллан — все родились между Бергамо и Сиракузами...

На Муссолини и Гитлере не кончилась череда тех, кто спекулирует угрозами заговоров. Вы, конечно, подумали, что я имею в виду Берлускони, — да нет, Берлускони не более чем невыразительный эпигон этой политики. Гораздо тревожнее, что «Протоколы» и еврейский заговор всплывают в риторике, оправдывающей арабский терроризм и покушения.

Чтоб вас не только расстраивать, но и повеселить, перескажу довольно забавную историю, вычитанную

в статье Массимо Интровинье «Покемоны? Жидо-масонский заговор» (Massimo Introvigne. «Pokemon? Sono un complotto giudaico-massonico». «Джорнале», 17 января 2004 г.), — этот автор обычно пишет о сектах и религиозном фанатизме. Так вот, из его статьи мы узнаем, что в Саудовской Аравии сперва запретили покемонов (декретом правительства от 2001 года), а в декабре 2003 года напечатали пространную фетву шейха Юсуфа Аль-Карадави, и в этой фетве обосновываются причины саудовского постановления 2001 года. Аль-Карадави был изгнан Насером из Египта в 1970-х годах и проживает в Катаре, где слышет самым авторитетным проповедником из всех, кто вещает по телевизионному каналу «Аль-Джазира». Более того: в католическом мире, в правящих верхах Аль-Карадави считают важным посредником для выстраивания диалога с исламом.

Так вот, этот важный муфтий заявил, будто покемоны подлежат запрету, потому что «развиваются» и в определенных условиях «преобразуются» в «персонажей усиленного значения». Посредством этих преобразований, убежден Аль-Карадави, «в умы молодежи протаскивают теорию Дарвина», тем более что покемоны «сражаются друг с другом и в их сражениях выживает тот, кто лучше приспособлен к среде». Борьба за выживание тоже относится к теории Дарвина. К тому же Коран запрещает рисовать несуществующих животных. И еще — игра в покемонов имеет вид карточной колоды, а карточные игры запрещены законами ислама в качестве «пережитка доисламского варварства».

Ко всему сказанному добавлено, что в покемонах «присутствуют символы, значение которых ведомо тем, кто их протаскивает: шестиконечная звезда, эмблема масонов и сионистов, а также символ • ретворного и узурпаторского государства Израиль. А с ними наряду и треугольники, явный кивок в сторону масонов — знаки атеизма и японской религии». Подобные символы губительны для мусульманского отрочества. Ради пагубы они и посланы. Не исключается также, что быстро проборматываемые в фильмах о покемонах японские фразы означают «Я еврей» или же «Стань евреем». Но по этому вопросу не достигнута единая точка зрения, и Аль-Карадави не настаивает на этой последней интерпретации.

Вот до чего в глазах фанатиков вездесущи заговор и заговорщичество «тех, кто не такие, как мы».

В истории с Первой мировой войной и захватом Эфиопии *casus belli* хотя бы в какой-то степени существовал, хотя он и был раздут искусственно. Но нередко «казус белли» высасывается из пальца. Не хочу углубляться в дискуссию, обзавелся ли действительно Саддам оружием массового уничтожения (предпосылка для ввода войск в Ирак). Ограничусь лишь цитированием того, что утверждали некоторые силовые группы в американском обществе — так называемые неоконсерваторы (*neocons*). Они утверждали, кстати — небезосновательно, что США, будучи самой сильной в мире демократической страной, не только имеет право, но и прямо обязана вмешиваться в дела других стран, дабы охранять то, что обычно именуется «*Pax Americana*».

В документах, издаваемых неоконсерваторами, издавна провозглашалась идея, что США проявили слабость, не доведя до конца первую войну в Персидском заливе, не заняв весь Ирак и не сместив Саддама. В особенности после трагедии 11 сентября зазвучало такое мнение: единственный способ обуздать арабский терроризм — это применить силу, продемонстрировать, что величайшая держава мира в состоянии сломить своих врагов. Из этого вытекало, что вторжение в Ирак назрело и назрело смещение Саддама, и это необходимо не только в интересах нефтепромышленников США, но и в качестве акции устрашения.

Я не буду вступать в эту дискуссию, не стану разбирать тайные причины *Realpolitik*¹. Но займемся текстом письма, которое направили Биллу Клинтону 26 января 1998 года несколько ведущих представителей проекта «Новый американский век», элита неоконсерваторов: Фрэнсис Фукуяма, Роберт Каган и Доналд Рамсфелд².

- 1 Термин *Realpolitik* был употреблен впервые в XIX веке немецким журналистом-либералом Людвигом фон Рохуа (1810-1873) применительно к дипломатии Бисмарка. Речь идет о макиавеллизме в политике, т.е. об умении поступиться идеологией во имя конкретных результатов.
- 2 Уильям Джефферсон Клинтон (р. 1946) - 42-й президент США (1993-2001). Роберт Каган (р. 1958) - американский политолог и главный идеолог неоконсерваторов, старший сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир и один из редакторов еженедельника «Уикли Стандарт». Доналд Рамсфелд (р. 1932) — министр обороны США в 1975-1977 гг. и в 2001-2006 гг., автор доктрины национальной безопасности, принятой в команде Буша.

Мы не можем более зависеть от союзников по войне в Заливе, когда речь идет о том, чтобы заставить соблюдать санкции, или наказать Саддама за то, что он препятствует проверкам ООН или уклоняется от них. Соответственно, снижается наша возможность гарантировать, что Саддам Хусейн не произведет оружие массового нападения. Даже если мы возобновим инспекции, опыт показывает, что трудно, почти невозможно отслеживать иракское производство химического и бактериологического оружия. Из-за продолжительности периода, когда инспекторам перекрывали доступ на многие иракские предприятия, ныне еще менее вероятным представляется раскрытие всех тайн Саддама. Единственная приемлемая стратегия — исключить возможность для Ирака использовать такое оружие или угрожать таким оружием <...> В ближайшем времени это означает проявить волю к военному вмешательству, поскольку дипломатия оказывается несостоятельной. В длительной перспективе это означает удаление Саддама Хусейна и его режима от власти <...> Мы полагаем, что США обладает полномочиями в рамках существующих положений ООН для принятия необходимых мер, включая военные действия, дабы защитить наши жизненные интересы в Персидском заливе¹.

Этот текст, полагаю, недвусмыслен. У него единственный смысл, а именно: чтоб защитить наши интересы в Персидском заливе, нужно ввести войска;

- 1 Это письмо известно как манифест проекта «The Project for the New American Century» (PNAC, 1997).

чтобы ввести войска, полагалось бы доказать, что у Саддама есть оружие массового уничтожения; это никогда не удастся доказать стопроцентно; так что давайте вводить войска. В письме не сказано, что доказательств предлагается подделывать. Подписавшие — джентльмены.

Это письмо Клинтону (1998), как мы знаем, не возымело прямого воздействия на политику Америки. Но 20 сентября 2001 года было отправлено новое письмо, на этот раз — президенту Бушу; среди подписей — и авторы первого письма.

Не исключено, что иракское правительство предоставило определенную поддержку организаторам недавних покушений на США. Но если даже не существует доказательств, непосредственно увязывающих Ирак и покушения, любая стратегия, нацеленная на истребление терроризма и его пособников, должна включать в себя задачу смещения Саддама Хусейна.

Через два года после этого второго письма был задействован двойной предлог — предполагаемое производство в Ираке оружия массового уничтожения и предполагаемое оказание Ираком поддержки мусульманскому фундаментализму. Этот предлог был задействован на фоне четкого понимания, что, во-первых, если оружие и присутствует, его наличие недоказуемо, и что, во-вторых, режим Саддама, сколь угодно деспотичный и диктаторский, не религиозен и, следовательно, не имеет отношения к фундаментализму. Опять-таки, повторяю, я не наме-

рен обсуждать политическую рациональность этой войны, я только анализирую, каким образом обособывался проявленный акт силы.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда злоупотребление искало себе опору, к примеру — *casus belli*. Но в заключительном пассаже муссолиниевской речи содержится аргумент иного рода, отсылка к стародавней традиции, в двух словах: «Наше право бесстыдничать и безобразничать закреплено тем фактом, что мы — лучшие». В своем доморощенном красноречии Муссолини не смог измыслить ничего оригинальнее, нежели китчевое клише «итальянцы — народ поэтов, святых и мореходов».

А ведь мог бы воспроизвести и более яркий образец, не будь этот образец запрещен (из-за опасности прозвучать хвалой в адрес ненавистной для Муссолини демократии). Этим ярким образцом могла бы стать известная речь Перикла¹ перед началом Пелопоннесской войны (она приводится у Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны». II, 60-4). Речь Перикла замышлялась и многократно воспроизводилась на протяжении веков как восхваление демократии и гордое описание того, как может управляться и существовать государство, обеспечивающее

1 Перикл (495-429 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель. Эпоху его правления называют «золотым веком Афин». Под его руководством Афины вступили в войну со Спартой (Пелопоннесская война, 431-404 гг. до н.э.), закончившуюся Поражением. Эта война описана греческим историком Фукидидом (ок. 460 — ок. 400 гг. до н.э.).

счастье всем своим гражданам, свободный обмен идей, свободное провозглашение законов, заботу об искусствах и науках и всеобщее равенство.

Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве (демоса). По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех (1), что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободной политической жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся, если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов главным образом из страха перед ними и повинемся лицам, облеченным властью в данное время; в особенности же прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и кото-

рые, будучи неписанными, влекут (за нарушение их) общественный позор.

(38) Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние. Сверх того, благодаря обширности нашего города, к нам со всей земли стекается все, так что мы наслаждаемся благами всех других народов с таким же удобством, как если бы это были плоды нашей собственной земли.

...Мы любим красоту, состоящую в простоте (3), и мудрость без изнеженности; мы пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и сознаваться в бедности у нас не постыдно, напротив, гораздо позорнее не выбиваться из нее трудом. Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимися другим делам, не чуждо понимание дел государственных¹.

Но куда метит оратор в этом своем восхвалении демократии в Афинах, идеализированной до невозможности? Истинная цель этой речи — придать законную силу гегемонии Афин над окрестными греческими городами и над иностранными государствами.

¹ Здесь и ниже: Фукидид. *История Пелопоннесской войны*. М.: 1915. Т. I—II, кн. II, гл. 37–38. Пер. Ф.Г. Мищенко, в переработке С.А. Жебелева.

Перикл расписывает любыми красками афинский образ жизни, этим самым мотивируя особое право Афин господствовать над другими.

Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время <...> В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли

и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как Нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

Вот очередная фигура — может быть, наиболее лукавая — риторики злоупотребления: мы-де вправе навязать свою силу другим, потому что воплощаем наилучшую форму правления из всех существующих Тот же самый Фукидид предлагает нам иную, самую крайнюю фигуру риторики злоупотребления, суть которой — уже не подыскивание разных предлогов и поводов к войне, а прямое утверждение потребности и неотвратимости злоупотребления.

Конфликтная со Спартой, афиняне снарядили экспедицию против острова Мелос, колонии Спар-

ты. До поры до времени Мелос держал нейтралитет. Город был маленький, войну Афинам он не объявлял и не сговаривался с противниками Афин. Так что предстояло непонятно как оправдать афинскую агрессию против Мелоса, и прежде всего показать, что жителям Мелоса не присущи здравый смысл и понятие о политической норме. Поэтому афиняне послали депутацию к мелосцам и оповестили тех, что не станут их уничтожать, ежели те покорятся им. Мелосцы отказались — как из гордости, так и из чувства справедливости (как сказали б мы сегодня, исходя из положений международного права), и в 416 г. до н.э. после продолжительной осады остров был завоеван. Из описания Фукидида мы знаем, что афиняне казнили всех захваченных взрослых мужчин, продали в рабство женщин и детей. Сам Фукидид в произведении «О Пелопоннесской войне» реконструирует диалог между афинянами и мелосцами, который предшествовал последнему приступу.

Разберемся в основных моментах диалога. Афиняне заявляют, что не намерены распространяться долго, к тому же и неубедительно, и что не станут доказывать, будто господство над мелосцами приличествует им как победителям персов, или будто мелосцы заслужили наказание за то, что словом и делом оскорбили афинян. Они не ищут *casus belli*, не повторяют неуклюжую хитрость волка из басни Федре. Они вполне открыто приглашают мелосцев обговорить дело, рассмотрев истинные намерения каждой стороны, поскольку соображения справедливости берутся в расчет лишь когда силы против-

ных сторон одинаковы, а в прочих случаях тот, кто сильнее, делает что пожелает, а тот, кто слабее — терпит.

Заметим, что на словах афиняне утверждают посредством отрицания, что действуют так, как действуют, по той причине, что господство над спартамцами обеспечивает им право верховодить над всею Грецией, а мелосцы — это колонны тех, кто для афинян был противником. На самом же деле с необыкновенной ясностью (почти что написано — честностью, но честность все же проявили не они, а Фукидид, передавший этот диалог) афиняне демонстрируют, что поступят так, как хотят, поскольку власть уполномочивается только силой.

Мелосцы — а у них нет возможности апеллировать к справедливости — отвечают уже не по собственной логике, а по логике противника, что имеет смысл проанализировать полезность намеченного. И стремятся убедить захватчиков, что, ежели Афинам придется стерпеть поражение от спартанцев, им достанется и жестокое мщение несправедливо затронутых городов, таких как Мелос. Афиняне отвечают: вы не заботьтесь о нашем риске. Мы вам докажем, что сумеем править нерушимо. Вот наши планы по спасению вашего города: мы хотим управлять без усилий и хранить вас в здравии и благе ради вашей и нашей выгоды.

Мелосцы говорят: да какая же выгода нам рабствовать? Вам-то выгодно поработать. А афиняне: а такая, что все ж вам не терпеть крайнюю беду, а становиться подданными; и нам выгодно не уничто-

жать вас. Мелосцы: а если мы не станем присоединяться ни к одной из сторон, будем жить отдельно? Афиняне: нет, потому что злоба ваша не так опасна для нас, как ваша дружба. Ведь ваша дружба — показатель нашей слабости, а в вашей злобе — показатель нашей силы. Иначе выражаясь, афиняне сказали: вы уж извините, но нам выгодней вас поработить, нежели оставить в покое. Поработителей все будут страшиться.

Мелосцы отвечают, что не надеются выстоять против сильных, но все-таки уповают продержаться, поскольку, верные богам, они противятся несправедности. Богам? — переспрашивают афиняне. — Наши требования, нашими действиями мы нисколько не перечим вере рода людского в богов. Мы уверены: и человеки, и боги, где имеют власть, там и проявляют ее, по неодолимому требованию естества. И не нами установлен этот закон, и не мы первые вменили его. Он унаследован нами, ему предуготована длительная жизнь. Вы поступили бы точно также, обладай вы нашей силой.

Можно предположить, что Фукидид, проявляя интеллектуальную честность и точно воспроизводя конфликт между справедливостью и силой, в конце концов пришел к выводу, что политическая перспектива — это господство афинян.

При этом он реконструировал во всей красе риторику злоупотребления, которая не подыскивает оправданий вне себя. Она работает по принципу *sartatio malevolentiae*: «Делай, малявка, что сказано, или потом не жалуйся». Весь ход мировой истории — дол-

гое, подробное, точное воспроизведение описанной модели. Хотя и не все бандиты работают так четко и покательно, как старые добрые афиняне.

Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого¹

Прочитывая в названии известную работу Фихте² (у Фихте «*Bestimmung des Gelehrten*» — «Несколько лекций о назначении ученого»), я тут же усложнил себе жизнь. Во-первых, потому, что те работы Норберто Боббио³, которые я буду цитировать (из тома «*Политика и культура*»: *Politico, e cultura*. Torino: Einaudi, 2005), посвящены «интеллигентам» (*uomini di cultura*), что есть более широкое понятие, нежели суперобразованные «ученые», о которых пишет Фихте (по-немецки ученый — *Gelehrte*, по-итальянски «*dotto*»). Во-вторых, Боббио писал свои полемические статьи в 1950-е годы, когда было принято

- 1 «Norberto Bobbio: la missione del dotto rivisitata». Сокращенный вариант выступления в Турине в рамках семинара, посвященного Норберто Боббио, сентябрь 2004 г.
- 2 Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814) — немецкий философ. «Несколько лекций о назначении ученого» написаны в 1794 г.
- 3 Норберто Боббио (1909-2004) — итальянский философ права и политически активный мыслитель, работавший в русле просветительского рационализма с тенденцией к отказу от метафизики во имя познания мира через реальные факты. Выступал за автономию культуры от контрольных механизмов общества. Лекции «Политика и культура» создавались в 1951-1955 гг.

объединять в общую категорию и «работников умственного труда», и политиков, и лиц, интегрированных в систему управления государством, и «клерков-предателей» по Жюльену Бенда¹. То есть опять-таки, для рассмотрения Боббио избирает категорию более общую, включающую в себя самых разных представителей умственных профессий, в том числе писателей и поэтов, которые уж точно «учеными» не являются.

У Фихте «ученый» мог быть либо мудрецом, либо знатоком наук, но нельзя забывать, что в представлениях немецкой идеалистической философии ученый, технического ли, гуманитарного ли профиля, может именоваться «ученым», только если являет собою еще и философа (в представлении носителей крайне идеалистического мышления все те, кого мы сегодня зовем специалистами по точным наукам, — это просто манипуляторы псевдоидеями).

Фихте, будучи именно ученым-философом, предоставил студентам в своей лекции 1794 года пример, напоминавший, без оглядки, поздние неудачные политические опыты Платона¹. Философ представлял единственным, кто способен разработать

- 1 Жюльен Бенда (1867-1956) — французский философ, прославившийся памфлетом 1927 г. «Предательство клерков» («La Trahison des clercs»). Называл стремление интеллигенции принимать участие в политическом процессе «предательством».
- 2 Платон в поздних диалогах «Государство» и «Законы» создал утопию, где правят философы, изгоняется поэзия, государство заменяет собой семью.

образец государства. Еще не избыв своих прежних взглядов, которые можно назвать анархическими, Фихте в тот момент считал, что придет время, когда «станут излишними все государственные образования» и

...вместо силы или хитрости всюду будет признан как высший судья один только разум. Будет признан, говорю я, потому что еще и тогда люди будут заблуждаться и в заблуждении оскорблять своих ближних, но все они обязаны будут иметь добрую волю дать себя убедить в своем заблуждении и, как только они в этом убедятся, отказаться от него и возместить убытки. До тех пор пока не наступит это время, мы в общем даже не настоящие люди¹.

Однако Фихте сознавал, что это время еще не наступило, и, снова принимаясь трактовать тему общественного устройства, представил человеческое общество в виде этического государства, а не как вольную совокупность людей. Не имея перед собой утопической ситуации, а имея непреходящую социальную разобщенность и необходимое социальное расслоение труда, Фихте был убежден: философ должен отслеживать и направлять действительный прогресс человеческого рода. Первоочередная задача ученого — двигать науку, наиважнейшая обязанность ученого — способствовать прогрессу в той от-

- 1 Цит. по русскому переводу под редакцией В. Вандека: Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // *Факты сознания Назначение человека. Наукоучение*. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

расли науки, в которой он специалист, то есть первое назначение ученого — хорошо и честно выполнять собственную работу, но при этом ученый призван также направлять людей к осознанию ими их истинных потребностей. Ученый выявляет, как следует удовлетворять эти истинные потребности. По этим пунктам позиция ясна: ученый облечен миссией наставника человечества, воспитателя людского рода, совести собственной эпохи.

Долг ученого — не только проповедовать вечные идеи Справедливости и Добра, но и понимать текущие запросы, и искать средства для решения сиюминутных задач, потому что настоящий ученый способен не только видеть настоящее, но и провидеть будущее.

В этом смысле ученый — обязательно философ, ибо, если он берется за определение потребностей и за поиск средств для их разрешения, он должен быть философом, чтобы выстроить отвлеченную картину, в рамках которой все определенные им потребности и найденные им средства обретут смысл.

В этих лекциях 1794 года Фихте как будто гордо объявляет: «Господа, сегодня мы создадим ученого».

Невзирая на идейные искания, которые многие воспринимаются как почти социалистическое брожение, созвучное определенному периоду научной эволюции ученого, Фихте фактически предвосхитил образ ученого-философа типа Джованни Джентиле, — чьею целью было строительство эти-

ческого государства и управление его реальной политикой, — или типа Хайдеггера (каким Хайдеггер выглядит в своей «Ректорской речи» 1933 года)¹.

Если Фихте именно так представлял себе образ ученого и социальную функцию ученого, значит, воззрения Боббио достаточно сильно расходятся с заветами Фихте. Боббио начинает свой цикл статей «Политика и культура» с утверждения: «Задача интеллигентов, сегодня более чем когда-либо, — это сеять сомнения, а не охотиться за истинами», а в 1954 году пишет: «Что интеллигенция образует, или думает, будто образует, отдельный класс, отличный от других социальных и экономических классов, и что она себе присваивает по этому случаю исключительную миссию, это признак дурной работы всего социального организма в целом» (*Politico, e cultura*, p. 100).

Первая лекция цикла «Политика и культура», таким образом — это урок скромности; в первых же строках книги сказано, что тема «предательства клерков» закономерна только при «излишнем романтизировании фигуры философа», в контексте идеи, что якобы философ обладает даром претворять обычное человеческое знание, «знание явно ограниченное и

1 Джованни Джентиле (1875-1944) — итальянский философ-идеалист. В двадцатилетие фашизма провел реформу итальянского образования. Мартин Хайдеггер (1889-1976) — немецкий философ. В 1933 г. был назначен на должность ректора Фрейбургского университета и в связи с этим произнес т.н. «Ректорскую речь», где говорил о фюрере как воплощении судьбы Германии. Уже в 1934 г. Хайдеггер покинул руководящий пост, не сработавшись с нацистами, но этого выступления ему не прощали.

конечное, требующее исключительной осторожности и исключительной скромности», в знание пророческое (там же, с. 15).

Статьи, которые Боббио писал с 1951 по 1955 г., создавались в обстановке, в которой за учеными уже не признавали право на платоническую отрешенность (Фихте такое право признавал): правые обвиняли интеллигенцию в том, что она предает себя, выходя на политическое ристалище, а левые требовали от нее подчиниться принципу классовости, чтобы перечень целей и арсенал средств интеллигенции диктовались ей партией, выразительницей классового мышления, с которой интеллигентам надлежало связывать себя, вступая в ее ряды.

Поэтому, перестав идеализировать интеллигента и делать из него учителя человечества, все задалось вопросом, в чем же роль и в чем же долг интеллигенции.

Думаю, что здесь потребуется сделать отступление, если можно так выразиться — семиотического характера, оставив на время Боббио, и определить, что мы имеем в виду под «интеллигенцией». Слишком уж многозначен этот термин. Попробуем дать относительно частное определение — думаю, оно будет достаточно близко к тому, которое имел в виду Боббио. Я думаю так, потому что немногие мои мысли на эту тему родились как раз-таки из чтения (двадцать три года назад) книги Боббио.

По общераспространенному мнению, интеллигент — это человек, работающий головой, а не руками (хотя в наше время ремесла не так четко отграничены от свободных искусств). Следуя этому общему мнению, мы должны именовать интеллигентами не только философов, ученых, преподавателей математики, но и банковских служащих, и нотариусов, а ныне, когда так развит непроизводственный сектор — даже и экологических операторов (в былой нашей жизни звавшихся дворниками), которые теперь употребляют компьютерные программы для сортировки мусора в городских кварталах. Забавно, что при таком подходе окажутся включены в круг интеллигенции дворники, но исключены из него — ваятели и хирурги.

В любом случае, как бы ни проводилось разграничение по способу труда, одно условие остается непреложным: всякий делающий умственную работу, как, кстати, и всякий делающий работу физическую, должен стремиться к единственной функции — делать работу как можно лучше: банкир обязан как можно тщательнее следить, чтобы в его компьютерную таблицу не затесался вирус, нотариус — как можно выразительнее писать договоры о купле-продаже; участия в политике от них по этой теории не требуется, кроме ежеутреннего чтения обязательных, как молитва, газет и похода раз в пятилетие наряду с остальными гражданами в избирательный участок.

Поэтому давайте применять ко всем тем, кто работает не руками, понятие «*умственного труда*», а

имея в виду уже не способ труда, а степень его осознанности, — применять понятие *интеллигентской функции*».

Функция интеллигента заключается в том, что человек — ну пускай не всегда, пусть какую-то часть времени, работает ли он головой, думает ли руками, — обязательно творчески участвует в формировании совокупной мудрости и совокупного блага. Этот человек выполняет *интеллигентскую функцию*. Ее выполняет (может, только один раз за всю жизнь — но выполняет) крестьянин, который, наблюдая за сменой времен года, додумывается по-новому расчислять сроки сева и жатвы сельскохозяйственных культур. Интеллигентскую функцию выполняет воспитатель детского сада, когда отрабатывает новую обучающую игру. И безусловно выполняет эту функцию ученый, философ, писатель, художник всякий раз, когда выдумывает нечто до него никому не известное.

Кто-то может подумать, что мы уравниваем *интеллигентскую функцию* с той таинственной деятельностью, которую обычно именуют творчеством, да так часто, что термин «творчество» затаскался и замусолился от употребления. Поищите в Интернете, на слово «creativity». Вы увидите 1 560 000 сайтов, и все эти сайты скучные. В преобладающей части этих сайтов под «творческим подходом» разумеется сноровка в решении промышленных и коммерческих проблем, творчество отождествляется с новаторством, то есть со способностью породить новые идеи, сулящие прирост доходов. Лишь немно-

гие сайты предлагают представление о творчестве как об искусстве, да и то искусство это притянуто к разговору лишь для того, чтобы лучше растолковать, какие именно качества требуются от бизнесмена, или чтобы подбавить в представление о творчестве легкую нотку безумия. Перебирая гроздь дефиниций, мы обнаружим, что многие знаменитости, высказываясь на эту тему, говорили глупости. «Творчество сродни свободе». «Творчество означает — знать, кто ты такой». «Творчество — это джаз без музыки». «Творчество — поток энергии». «Творческий человек — человек смелый».

Почему неудовлетворительно такое коммерческое видение «творчества»? Потому что при этом, хотя речь идет о новаторстве, никому нет дела, до чего преходяще это новаторство. А ведь рекламщик, выдумывая слоган для стирального порошка, знает, что его находка очень быстро потеряет смысл, — как только конкуренты сделают ответный ход.

Я же под «творческим новаторством» понимаю изобретения, несущие новизну всему обществу, изобретения, которые общество готово признать, принять, усвоить и использовать, как говорил Ч.С. Пирс¹, «in the long run»², то есть такие изобретения, которые

1 Чарльз Сэндерс Пирс (1839-1918) — американский философ, основатель научной школы «прагматизма» в философии США. Имел основополагающее значение для формирования научных взглядов У. Эко и часто цитируется тем. Произведения Пирса опубликованы Эко в знаменитой антологии «Знак трех» (*Il segno deitre. Peirce, Holmes, Dupin / A cura di U. Eco e TA Sebeok. Milano: Bompiani, 1983*).

2 «In the long гип» (йгл.) — «на длинной дистанции», в конечном итоге, в общем, в конце концов.

войдут в наше общее богатство, в общий доступ, явят собой нечто большее, нежели частное достояние придумавшего.

Дня этого в творчестве должен непременно присутствовать критический подход. Ничего творческого нет в идее, высказанной в ходе «мозгового штурма» (brainstorming), брошенной небрежно — была не была! — и с восторгом подхваченной остальными, за неимением лучшего. Чтобы сделаться творчеством, идее надлежит быть взвешенной, продуманной, а также воспроизводимой, по крайней мере — воспроизводимы должны быть все виды технического новаторства.

Интеллигентская функция выражается, подытожим, как в новаторстве, так и в критическом отношении к существующему знанию или существующему обычаю, а в особенности — в критическом отношении к собственному высказыванию. Поэтому не является творчеством сочинение поэта, не ведающего, какие готовые общие места он перепевает. И в то же время очень даже творческую работу проделывает историк-ревизионист, наново прочитывая давно известный документ. Творчески работает и литературный критик, и даже простой учитель литературы, не пишущий собственных работ, но предлагающий читать совершенно в новом ключе произведения, сочиненные не им, а теми, кто работал прежде него или вместо него: через это новаторское чтение он выражает собственный поэтический подход. А наш коллега университетский профессор, веч-

но и уныло бубнящий тексты учебников, заученные для экзаменов в молодости, и воспрещающий студентам отступать от этих текстов, не может быть назван новатором и интеллигентскую функцию не выполняет.

Мое определение не исключает тех новых идей, которые рассчитывались «на длинную дистанцию» И до поры до времени считались истинными и качественными, но именно от длительности пробега в конце концов обнаруживали свою ошибочность — я имею в виду, скажем, астрономию Птолемея или Тихо Браге¹. Я вижу творческое начало и в гипотезах, оказывающихся ложными, но перед тем успевающих помочь нам в существовании. К сожалению, в эту категорию я должен поневоле впустить и все сумасшедшие теории. В этом повинны те культуры, которые много веков почитали юродивых носителями высшей истины. И все-таки творческое начало интеллигентской функции определяется, в конечном счете, проверкой на «приемлемость»/«неприемлемость». Можно было бы сказать, что Гитлер проводил интеллектуальную работу, сочиняя «Майн Кампф», потому что неоспоримо, что есть нечто кошмарно-креативное в гитлеровской идее нового миропорядка; в этом смысле креативен сон разума,

1 Клавдий Птолемей (первая половина II в.) — греко-египетский геометр, физик и астроном, утвердивший геоцентрическую модель Вселенной, не менявшуюся на протяжении 1400 лет. Тихо Браге (1546-1601) — датский астроном, поддерживавший, вопреки новым веяниям, геоцентрическую модель Вселенной.

порождающий чудовищ¹. Понимая неизбежность подобных возражений, я хочу напомнить, что в моем определении интеллигентской функции заложено, конечно, новаторство, но — в обязательном сочетании с критикой и самокритикой. Гитлер, в итоге, не креативен: он не продемонстрировал способности к самокритике.

Поэтому даже при умственном характере труда не выполняет интеллигентскую функцию тот, кто официально и по заслугам назначается рупором идей своей группы. Не является интеллигентом ни высокопрофессиональный партиец, ни высококвалифицированный рекламщик. Ни один работник политической пропаганды не решится сказать о своей партии, что она не дотянула до идеала, и ни один рекламщик не отважится признать, что его порошок стирает хуже конкурентского. Рекламщики не самокритичны. Но мы, пусть порошок и хуже, восхищаемся рекламным слоганом: хоть лжив, да остроумен. По эстетическим причинам, забавное вранье имеет право на существование.

Полагаю, что указанная дистинкция между умственным трудом и исполнением интеллигентской функции структурно соответствует противопоставлению в работах Боббио «*политики культуры*» и «*культурной политики*». Боббио описал это противостояние в одном очерке 1952 года: «*Политика культуры, в качестве политики людей культуры, на-*

1 «Сон разума порождает чудовищ» (El sueño de la razón produce monstruos) — фабула офорта испанского художника Франсиско Гойи (1746-1828).

правленная на защиту условий существования и развития культуры, противопоставляется *культурной политике*, то есть регулированию культуры политиками» (там же, с. 22).

В свете этой дистинкции Боббио ставил вопрос, что должны делать интеллигенты (они же *люди культуры*, в смысле — те, кто осуществляет интеллигентскую функцию, а не только занимается умственным трудом). Боббио не соглашался считать, что интеллигент обязан быть ангажированным политически и социально, хотя именно эта точка зрения доминировала в политических дискуссиях в пятидесятые годы.

Боббио утверждал, что лишь в обществах, функционирующих ненормально, интеллигенты играют чрезвычайную роль в качестве пророков или оракулов. Под ненормально функционирующим обществом Боббио имел в виду современную ему Италию. Италия изывала последствия войны и Сопrotивления — и жила в те годы так, будто новое потрясение было неотвратимо. Когда общества функционируют ненормально, члены их не работают на единый результат (это Боббио исподволь адресуется к фиктеанской теории о назначении ученого), а разобщаются и пикируются между собою.

Элементы вражды и разобщенности окружали Боббио, конфликтואльно протраиваясь в две альтернативы, равно неприятные для Боббио по причине своей догматичности. Если перечитать материалы дискуссий, в которых участвовал тогда Боббио, то видно, что первой альтернативой было противоре-

ание Востока и Запада (то есть противопоставление мира социализма — миру либерал-капитализма), а второй — противостояние политической ангажированности — желанию устраниваться от политической ответственности.

Размышляя о роли интеллигентской оппозиции, пускай порой и молчаливой, в период фашистской диктатуры, Боббио осмыслял идеи работы Грамши «Интеллигенция и организация культуры» («Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura») и работы Бенда «Предательство клерков» («Trahison des clercs»), — и приходил к выводу, что имел место (цитирую) «революционный процесс в действии» (там же, с. 103). С одной стороны, Боббио был обворочен этим революционным процессом и не собирался клеймить его (и обзывать Империей Зла), а с другой стороны, Боббио полагал, что пред лицом любого «революционного процесса в действии» задача интеллигентов — следить, чтобы свобода и справедливость не вступали в противоречие друг с другом. Поэтому когда Боббио полемизировал с Бьянки Бандинелли или с «Родриго из Кастильи»¹, главная мысль его была — что политическая функция культуры состоит в защите свобод (там же, с. 91). Он многократно по-

1 Рануччо Бьянки Бандинелли (1900-1975) — итальянский археолог, ученый, крупнейший знаток этрусского и греко-римского искусства, не поддержал фашизм и в 1930-е годы находился в удалении от власти. Был близок к марксизму. «Родриго из Кастильи» — журналистский псевдоним Пальмиро Тольятти (1893-1964), основателя журнала «Ордине нуово», на протяжении тридцати лет — генерального секретаря Компартии Италии.

вторял следом за Кроче¹, что либеральная теория — не политическая, а метаполитическая теория, моральный идеал, воплощенный в «партии интеллигентов» (там же, с. 93). Однако, противопоставляя этот идеал своим оппонентам-коммунистам, Боббио критиковал того же Кроче за то, что он после войны отождествил «неполитическую силу» с одной из партий, сформировавшихся в послевоенные годы. То есть Боббио, в качестве либерала, существующего выше политики, выступил против политизации Кроче, отождествившего себя с либеральной партией.

Однако если задача «партии интеллигентов» была отстаивать свободу, значит, члены этой метаполитической партии не могли уклониться от политической ангажированности. Проблема состояла в том, что оппоненты Боббио представляли себе политическую ангажированность неотторжимой от образа интеллигента, декларирующего свою причастность к некоей партии. Так намечалась новая де-

1 Бенедетто Кроче (1866-1952) — итальянский философ, политик, литературный критик. Работал в русле гегелевского идеализма и историзма. Поначалу поддержал фашизм на том основании, что суждение историка должно быть свободно от моральных оценок. Впоследствии переменял свою позицию после убийства в 1924 г. депутата-социалиста Джакомо Маттеотти. После выхода пояснявшего и оправдывавшего фашизм «Манифеста фашистских интеллектуалов», написанного философом Джованни Джентиле и подписанного многими представителями итальянской интеллигенции, Кроче создал «Манифест антифашистских интеллектуалов» — обвинительный документ против режима. В эстетическом плане Кроче наделял художника абсолютной свободой и защищал теорию искусства для искусства.

маркационная линия, ибо, вероятно, Боббио стоял на тех же позициях, что и поздний Витторини¹, то есть полагал, что интеллигентам неуместно подыгрывать революции на дудке.

Но разве можно быть ангажированным и не подыгрывать на дудке?

Боббио считал: интеллигентам положено не только создавать идеи. Их дело также — направлять процессы обновления. Боббио повторял за Джайме Пинтором²: «Революции удаются, когда их готовят поэты и художники, при условии что поэты и художники *будут помнить свое место*» (Pintor G. // *sangue cf'Europa*. Torino: Einaudi, 1950. P. 247). Вопрос, однако, был именно в этом: какое же место следует помнить интеллигенции, если ей не пристало солидаризироваться ни с политизированной культурой («которая подчиняется директивам, программам, диктатам, идущим от политиков»), ни с аполитичным затворничеством в башне из слоновой кости (*Politicaecultura*, p. 20)?

Тут-то Боббио и отвергает позицию «над схваткой», которая еще подходит и под описание «ни вашим, ни нашим» (вариант: «и вашим, и нашим»), и снова сосредоточивается на концепции «политики

- 1 Элио Витторини (1908-1966) — итальянский писатель и издатель, участник Сопротивления, антифашист, поддерживавший испанских республиканцев. В 1951 г. в статье в газете «Стампа» «Пути бывших коммунистов» («Le vie degli ex comunisti») проанализировал причины собственного выхода из Итальянской Коммунистической партии, а также выхода многих друзей.
- 2 Джайме Пинтор (1919-1943) — итальянский антифашист, коммунист, писатель и литературный критик.

культуры». Эта «политика культуры» ставит себе целью обобщающую работу и критику действий обеих сторон, без каких бы то ни было стараний нащупать «третий путь». Боббио не был сторонником «третьего пути». Он считал, что интеллигенту важно определиться, на чьей он стороне, но, определившись (долг интеллигенции при любых условиях), ему следует посредничать, критикуя, выявляя и подчеркивая перед оппонентами, и, что еще более важно, перед сторонниками любые внутренние противоречия и тех и других. Сам Боббио выполнял этот труд с добросердечной беспощадностью, в частности — в ходе полемики с Бьянки Бандинелли, «часовым пролетариата».

Я процитировал работу Боббио 1951 года, в которой сказано, что задача интеллигентов — сеять сомнения, а не охотиться за истинами. Это кажется трюизмом теперь, когда я пишу, но Боббио провозгласил это в эпоху, когда прогрессивная интеллигенция требовала от ученых, чтобы те выдавали миру истины. Урок поведения Боббио, думаю, полезен и сегодня.

Прошло много лет, и меня пригласили на конгресс, организованный Миттераном и его помощниками в Париже. Тема конгресса была: роль интеллигента в кризисных условиях современного общества. Миттеран не был философом, хотя был начитанным человеком, так что простим ему наивность постановки вопроса, к тому же не исключая, что сама по себе эта формулировка — на совести распорядителя кон-

гресса, Аттали¹. В общем, мое выступление было суперкоротким и разочаровало всех, чем я не перестаю гордиться и по сегодня. Я сказал только одну фразу: «Интеллигенция не должна справляться с кризисами, интеллигенция должна устраивать кризисы».

Кому же интеллигенция должна устраивать эти кризисы? А вот, смотрите, какой еще один великий урок можно извлечь из учения Норберто Боббио.

Мне смешно, когда в разговорах о послевоенной Италии ссылаются на тогдашнюю «гегемонию левых сил», и причисляют Боббио к защитникам «Империи Зла»: это при том, что Боббио всю жизнь полемизировал именно, с левыми силами, претендовавшими на гегемонию. Это означает, что главным уроком Боббио, или по крайней мере главным уроком, который извлек лично я из учения Боббио в то время, было: интеллигент действительно обязан быть критиком, а не глашатаем, и он обязан прежде всего критиковать «своих». «Свои» не всегда означает «члены той же партии», потому что не всегда интеллигент — член партии. «Свои» — это те, кого интеллигент намерен идейно поддерживать. Именно им он и обязан устраивать, по моей идее, кризисы.

Если нужны цитаты — пожалуйста. Я нашел их немало, зато сочных. Например, Боббио говорил, что сколь угодно солидаризируясь с политическими силами, интеллигенты должны прежде всего критичес-

1 Жак Аттали (р. 1943) — французский писатель и журналист, советник Франсуа Миттерана.

ки выявлять любые натяжки и передержки (там же, с. 24), что «не будучи нейтральными, то есть предпочитая какую-то из многих политических сил, вполне можно соблюдать беспристрастность; беспристрастность — это не значит никому не отдавать предпочтения; быть беспристрастным — значит разумно судить, мыслить и признавать правоту то той, то этой стороны. Или не признавать правоту ни одной стороны, если неправы обе. Наконец, признавать правоту обеих, если права и та, и та» (там же, с. 117).

Боббио повторял, что «можно быть беспристрастными, не придерживаясь нейтралитета» (там же, с. 164) и что «превыше обязанности вступать в борьбу, для интеллигентного человека важно право не принимать правил борьбы в единожды данном виде, право подвергать эти правила обсуждению, критиковать их, подвергать критике разума», ибо «превыше обязанности участвовать — право узнавать» (там же, с. 5), и наконец «было бы крайне важно, если бы интеллигенты защищали автономию культуры внутри собственной партии или собственной политической силы, в сфере тех политических идей, которые они свободно себе избрали и для споспешествования которым они согласны приложить усилия. Усилия людей культуры» (там же, с. 33).

Этих цитат хватило, чтобы составить для меня, тогда еще молодого читателя, квинтэссенцию моих собственных воззрений на проблему участия интеллигенции в политике. Вследствие чего в 1968 году, когда меня, «вольного стрелка», пригласили высказаться на тему политической ангажированности

в ходе одного из партийных съездов, я заявил, что первейший долг интеллигента — критиковать единомышленников, даже под угрозой расстрела на месте. То есть из чтения работ Боббио я вынес твердое убеждение, что интеллеktуал означает наблюдатель и резонер. И, в общем, я до сих пор считаю, что эта позиция — единственно приемлемая.

В том давнем выступлении я использовал одну метафору, взятую, кстати, не у Боббио, а у Кальвино. Я сказал: интеллигент участвует в событиях, не слезая с дерева.

Имелась в виду книга Итало Кальвино «Вьющийся барон»¹. Роман Кальвино вышел в 1957 году, то есть через два года после публикации книги «Политика и культура». Роман Кальвино создавался в то пятилетие, когда печатались в прессе статьи Боббио, о которых мы сейчас говорим. Не помню, спросил ли я об этом самого Кальвино, не помню, подтвердил ли он мою догадку в разговоре, но я всегда придерживался мнения, что, создавая своего героя барона Козимо Пьоваско из Рондо, живущего на вершинах деревьев, Кальвино думал о Боббио, воспроизводил взгляд Боббио на роль интеллигента в обществе. Барон Козимо Пьоваско не устраняется от обязанностей, диктуемых временем, он участвует в крупных исторических событиях своей эпохи, но с критической дистанции (в отношении своих же собственных товарищей), то есть с высоты родного дерева. Ему незнакомо ощущение «твердой почвы под нога-

¹ Изд. на рус. яз.: Кальвино И. *Барон на дереве*. М.: Радуга, 1984. Пер. Л. Вершинина.

ми», зато какая широкая панорама открывается ему! Он переместился на дерево не чтоб уклониться от жизненных обязанностей, а чтоб не стать ополовиненным виконтом или несуществующим рыцарем¹.

Поэтому «Вьющийся барон» — это не фантазия и не сказка, а философская *conte*² как мало какая другая.

Но вернемся теперь к Боббио. Чтобы интеллигенту соблюсти себя в качестве наблюдателя и резонера, он должен быть довольно-таки выраженным пессимистом, пессимистом в намерениях и особенно в помыслах. Перечитаем заключительную часть «Назначения ученого», посмотрим, в чем же Боббио так сильно не совпадает с Фихте. Фихте, которому претит руссоистский пессимизм, завершает свое обра-

- ¹ У итальянского писателя Итало Кальвино (1923-1985) в трилогии «Наши предки» («Ополовиненный виконт» — *Il visconte dimezzato*, 1952; «Вьющийся барон» — *Il barone rampante*, 1957; «Несуществующий рыцарь» — *Il cavaliere inestistente*, 1959) действует молодой барон Козимо Пьоваско, который отправляется жить на дерево, чтоб спастись от гнева отца и не есть улиток на ужин, и проводит там всю жизнь.
- ² Под «contes» Ё. Эко имеет в виду прежде всего «Философские повести» Вольтера: «Задиг, или Судьба» (*Zadig ou la Destinée*, 1747), «Микромегас» (*Micromégas*, 1752), «Кандид, или Оптимизм» (*Candide, ou l'Optimisme*, 1759) и др. Их жанр — соединение традиционной философской повести (традиция Монтескье и Джонатана Свифта) с пародией на романы о приключениях. Как писал Пушкин, «Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых философия заговорила общепонятным и шутивым языком» (*О ничтожестве литературы русской*, 1834).

шение к студентам декларацией исторического диалектического оптимизма:

Чем благороднее и лучше вы сами, тем болезненнее будет для вас предстоящий вам опыт; но не давайте этой боли себя одолеть, но преодолевайте ее делами. На него рассчитываю, он также учтен в плане улучшения рода человеческого. Стоять и жаловаться на человеческое падение, не двинув рукою для его уменьшения, — значит поступать по-женски. Карать и злобно издеваться, не сказав людям, как им стать лучше, — не по-дружески. Действовать! действовать! — вот для чего мы существуем. Должны ли мы сердиться на то, что другие не так совершенны, как мы, если мы только совершеннее; не является ли этим большим совершенством обращенный к нам призыв с указанием, что это мы должны работать для совершенствования других? Будемте радоваться при виде обширного поля, которое мы должны обрабатывать! Будемте радоваться тому, что мы чувствуем в себе силы и что наша задача бесконечна!

А вот концовка Боббио-

Я просветитель-пессимист. Если угодно, просветитель, многое перенявший у Гоббса, у де Местра, у Макиавелли¹

¹ Граф Жозеф Мари де Местр (1753-1821) — французский публицист, политический деятель и философ, мечтавший провести в жизнь новый религиозный миропорядок; идеолог консервативной революции и возврата к средневековой монархии и теократии. Никколо Макиавелли (1469-1527) — итальянский политический деятель, автор трактата «Государь», в котором он призывает использовать любые средства для укрепления неограниченной власти монарха — это, по его мнению, единственная гарантия успеха для государства.

и у Маркса. В принципе я убежден, что пессимистическое мировоззрение приличествует человеку разумному больше, чем оптимистическое. Оптимизм предполагает восторженность, человеку разумному восторженность не свойственна. Оптимисты и те, кто считает историю драмой, но драмой со счастливым концом. Я знаю только, что история — драма, но мне неизвестно, счастливый ли у нее конец. Оптимисты — это другие, это такие люди как Габриэль Пери¹, который, умирая со славой, писал: «Готовлю поющие завтра». Завтра наступили, но песен мы не слышим. Озираюсь: какие песни! Одно рычание.

Я пессимист, но я не отвергаю мир. Я исповедую здоровое воздержание, оргии оптимизма кончились. Теперь — спокойный отказ участвовать в пире риторов, в бесконечном праздновании. Жест пресыщения — не отвращения. Пессимизм не препятствует деятельности, напротив, придает ей сосредоточенность, придает цельность. Между оптимистом, лозунг которого: «Не будем беспокоиться, все само собой наладится» и пессимистом, чей ответ звучит: «Делай каждый день что ты должен, даже если все идет хуже и хуже», я выбираю пессимиста. (...) Я не говорю, что все оптимисты — пустобрехи, но все известные мне пустобрехи — оптимисты. Мне не удается отъединить в

¹ Габриэль Пери (1902-1941) — французский журналист, коммунист, расстрелянный немцами в декабре 1941 г. В своем предсмертном стихотворении он писал: «Je vais préparer tout à l'heure des lendemains qui chantent. Je me sens fort pour affronter la mort. Adieu et que vive la France». («Я готовлю поющие завтра. Я силен — достаточно, чтоб встретить смерть. Прощайте и да здравствует Франция.») Ему посвящено стихотворение Поля Элюара и очерк Луи Арагона.

сознании слепую веру в историческое или божественное провидение от суетности тех, кто считает себя центром мира и думает, будто все произойдет по его хотению. Я ценю и уважаю, напротив, тех, кто работает, не требуя никакого обещания от мира, никакой гарантии, что мир исправится, не ожидает не то что наград, но даже и подтверждений. Только славный пессимист способен действовать со свободным умом, с крепкой волей, себя не выпячивая, с предельной преданностью собственным обязанностям» (там же, с. 169-170).

Таково, и по мне, пересмотренное представление о назначении ученого.

Просвещение и здравый смысл¹

Вот мы тут спорим о Просвещении, и мне захотелось поспорить кое с чем конкретно. А именно — с тезисом Маффеттоне² (с которым я, должен сказать, соглашаюсь по остальным пунктам) насчет того, что хо-

- 1 «Illuminismo e senso comune». Выступление на дискуссии о Просвещении, организованной Эудженио Скальфари. «Република», январь 2001 г. Опубликовано в сборнике материалов «Актуальность Просвещения» (*Attualità de U'Uluiminsmo*. Bari: Laterza, 2001).
- 2 Себастьяно Маффеттоне (р.1948) — итальянский философ, председатель Итальянского общества политической философии. Близок к позициям левой светской либеральной философии (линия, идущая от Гобетти к Боббио). Эко имеет в виду статью в «Република» 30.12.2000 г.

та Эудженио Скальфари¹ всю жизнь занимается Просвещением, это якобы совсем не чувствуется теми, кто читает курируемые Скальфари литературный и научный разделы газеты «Република».

Ну зачем же так преувеличивать. Если не считать раннего периода (двадцать лет назад культурная страница «Републики» была зациклена на проблеме дисбаланса между Северной Италией и Южной, потому что в то время Скальфари, как и все остальные, был посткрочеанцем)², раздел культуры состоит в равных пропорциях из статей о Ницше и из рассуждений в духе литературных салонов XVIII века, так что определенная доза Просвещения там вполне наличествует. Коль уж на то пошло, это газету «Коррьере делла Сера» можно упрекнуть в некотором перекосе в сторону божественной тематики.

Но мы говорим не об этом.

- 1 Эудженио Скальфари (р. 1924) — итальянский журналист, в 1976 г. основал и до 1996 г. был главным редактором газеты «Република», которая является рупором леволиберальной интеллигенции и соперничает с «Коррьере делла Сера», находящейся на более консервативных позициях.
- 2 Крочеанцы — мыслители, отличавшиеся живым отношением к реальности, подобно Бенедетто Кроче. Б. Кроче в послевоенный период часто отходил от философских тем, предаваясь политическим размышлениям. Кроче живо интересовался так называемым «южным вопросом» (*questione meridionale*) — то есть проблемами, вставшими перед молодым объединенным государством: требовала осмысления и актуальных программ резкая экономическая диспропорция Севера (капиталистического и индустриализированного) и Юга (аграрного, отсталого). Фраза Эко о «посткрочеанцах», надо полагать, слегка иронична: имеется в виду политизированность образа мышления в ущерб философским обобщениям.

Лучше давайте определим, что значит быть последователем Просвещения в сегодняшние времена. Эпоха Просвещения ушла и, по мне, малопродуктивно переqualificироваться в столяров, как Дидро¹. Определим первостепенную посылку интеллектуальной этики просветительства — быть готовыми критически пересматривать не только любое верование, но и все то, что наука за столбила в качестве непререкаемых истин. Выделить некоторые обязательные условия, и при их наличии опираться не на «твердое основание» (по Гегелю), а на нормальный здравый смысл. Ибо основное наследие Просвещения к тому и сводится: есть на свете рассудительный способ рассуждать, и ведя себя разумно, всем бы следовало рассуждать, договариваться и соглашаться друг с другом. Философию тоже следовало бы подчинить здравому смыслу.

Значит, необходим здравый смысл — не столь всеохватный, как «голый разум» Бёрка², но все-таки очень полезный. Хотя, конечно, боже упаси воспринимать собственную разумность как нечто метафизическое и высокое. Просто-напросто, помните, у

1 Дени Дидро (1713-1784) — французский писатель и ученый, один из авторов «Энциклопедии». Как и другие деятели Просвещения, считал правильным сочетать умственный труд с общественно-полезным физическим трудом или ремеслом.

2 Эдмунд Бёрк (1729-1797) — ирландский государственный деятель и политический теоретик. «Голой разум» (naked reason) — выражение, использованное Бёрком в трактате «О вкусе» (ок. 1756). По мнению Берка, люди скорее приходят к согласию в эстетических суждениях, чем в теоретических вопросах «голового разума».

Лейбница¹? Хорошо, когда все садятся вокруг стола и говорят «посчитаем» («calculamus»).

Поэтому я думаю, что порядочный просветитель — это тот, кто имеет представление о том, «как устроен мир». Этот минималистски-реалистичный подход недавно было заново упрочен Серлем², который отнюдь не всегда прав, но иногда у него бывают дельные и резонные мысли. Говоря «мир устроен так-то», мы отнюдь не заявляем, будто познали мир или надеемся когда-то познать его. Но несмотря на то, что нам не суждено никогда познать мир, он все равно будет устроен так-то, и несколько не иначе. Даже те, кто полагает, будто мир сегодня устроен так, а завтра эдак: то есть, что мир странен, хаотичен и непостоянен, что законы мира меняются то и дело наперекор метафизикам и космологам, — даже они согласятся, что капризность и непостоянство мира грамматически описываются с помощью фразы «мир устроен так-то».

1 Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646-1716) — немецкий философ, математик и историк. Сформулировал основные положения математической логики, разработал методы математического анализа. Приглашение «посчитать» содержится в «Трактате об искусстве сочетаний» (*Dissertatio de Arte Combinatoria*).

2 Джон Роджерс Серль (р. 1932) — американский философ языка и автор концепции «интенции», создающей предпосылки для лингвистического акта. Серль ввел в теоретическую лингвистику практические эксперименты, в частности — проделал известный «эксперимент с китайской комнатой», доказывая, что искусственный разум (компьютерный), не имея «интенциональности» лингвистического акта, может расцениваться только как неосмысленный исполнитель полученных извне инструкций.

А следовательно, имеет смысл продолжать стараться и описывать как можно большее число вещей мира.

Когда-то я сказал Ваттимо, что верю в законы природы, то есть знаю: если скрестят кобеля с сукой, родится собака, а если скрестят кобеля с кошкой, или не родится ничего, или родится такое, что упаси нас господь увидеть в своей квартире. Ваттимо на это отвечал, что в нынешнюю эру генные инженеры уже научились менять характеристики видов. Ну да, парировал я: если для того, чтоб скрестить кошку с собакой, нужно привлекать инженеров (то есть искусство), это значит, что было первоначальное естество, природа, над которой впоследствии совершили неестественность, то есть природу извратили искусством. Выходит, что я большой просветитель, нежели Ваттимо, — думаю, он не огорчится, услышав эти слова.

Здравый смысл подсказывает: во многих случаях можно договориться о представлениях, как устроен мир. Говоря, что солнце встает на востоке и заходит на западе, мы соответствуем здравому смыслу, хотя в астрономическом отношении это условность. Но бессмысленно писать примечания, что это не солнце встает, это земля поворачивается. Кто знает, а может быть, вся галилеева космология заслуживает пересмотра? Мы видим, что солнце с одной стороны встает, на другую сторону заходит, об этом гласит наш здравый смысл, со здравым смыслом не поспоришь.

Во время работы над этой статьей я получил известие о смерти Куайна¹. Куайн был эмпиричнее всех остальных эмпириков, он даже позволял себе заявлять, что повторяющаяся интерпретация некоего слова вызывается стереотипным автоматизмом наших реакций на повторяющиеся стимулы. Однако тот же Куайн сказал, что никакое утверждение не бытует в одиночку, что утверждения способны бытовать только в контексте культурных условностей. Как примирить эту пару заявлений, с виду взаимопротиворечащих? Опыт сообщает нам, что на нас капает с неба вода, культурные условности подсказывают вывод, что, кажется, день дождливый.

Если еще до того как начинать спорить, что такое «дождь» в представлении метеорологов, собеседники способны согласиться, что на всех участников дискуссии с неба капает вода, — эти собеседники замечательные минималисты-просветители.

1 Виллард Ван Орман Куайн (1908-2001) — американский философ, теоретик философии языка и логик, крайне важный для формирования научных взглядов У. Эко. Противопоставил теории американского лингвиста Ноама Хомского (р. 1928) идею о недетерминированности концепции тотального перевода. В математике отрицал принципиальную разницу между аналитическими и синтетическими методами. Внес неопределимый вклад в онтологию научных теорий работами: «Новые основания математической логики» (1937); «Математическая логика» (1940); «Проблема значения» (1953); «Слово и объект» (1960); «Вещи и теории» (1981); «Quidditates» (1987). Пример с Гавагаем взят из книги «Слово и объект» (*Word and Object*, 1960. Рус. пер.: Практикс, 2000).

Мы помним чудесный пример у Куайна насчет Гавагая, который я перескажу в вольном и кратком виде¹.

Некий путешественник не знает ни слова туземного языка. Перед путешественником в густой траве пробегает кролик. Путешественник вопросительно глядит на туземца. Тот восклицает: «Гавагай!» Может, это значит, что на туземном языке «гавагай» означает «кролик»? Не обязательно. Может быть, «гавагай» значит «зверь» или «бегущее существо». Непонятно, но ничего страшного. Нужно просто повторить тот же опыт, когда пробежит собака, или когда путешественники и туземцы увидят неподвижного кролика. Однако что если туземец подразумевал под «гавагай» колыхание травы при пробеге быстрой твари? Или он хотел сказать, что изменяется положение предмета в пространстве и времени? Или что лично он любит жареных кроликов? Мораль: путешественник может только выстраивать предположения, он может создавать для себя свое собственное пособие по переводу, которое, возможно, ничем не лучше любого другого пособия. Важно, однако, чтобы внутри пособия соблюдалась определенная логика.

Порядочный просветитель, таким образом, подвергнет сомнению любое существующее пособие

¹ Пример из книги У. Эко «Dire quasi la stessa cosa» (рус. пер.: *Сказать почти то же самое*. СПб: Симпозиум, 2005. С. 43). «Jungle linguist» описан Куайном в его очерке «Значение и перевод» из книги «Слово и объект». Этим же примером вдохновлен образ Гавагая — одного из героев романа У. Эко «Baudolino» (2000. Рус. пер.: *Баудолино*. СПб: Симпозиум, 2004).

по переводу. Но он не станет отрицать, что туземец при виде бегущего в густой траве кролика вскричал «Гавагай!», а до той минуты, пока он любовался небом, он не кричал «Гавагай». Туземец сказал это слово только когда его взор обратился на место, где путешественник видел кролика.

Я уверен, что подобный подход уместен и при решении самых сложных вопросов. Прав ли Папа, утверждая, что эмбрионы — человеческие существа? Или прав Фома Аквинский¹, пишущий, что эмбрионам не суждено будет воскреснуть в Судный день? Это решается исходя из культурных контекстов. Однако необходим здоровый эмпиризм, чтобы все решающие одинаково признавали разницу между эмбрионом, плодом и новорожденным. Установим, о чем спор, и установим, что как называется — а уж потом *calculemus*.

Есть ли не трансцендентная этика, которую любовью уважающий себя мини-просветитель должен признавать? Думаю, да. В принципе, любое человеческое существо желает обладать любой вещью, которая нравится. Дабы обладать, существо должно отобрать эту вещь у другого существа, которому она тоже нравится. Лучшее решение — убить другого. *Homo homini lupus*, побеждает сильнейший. Но этот

¹ Фома Аквинский (1225-1274) получил титулы «универсального доктора» и «ангелического доктора». Автор сочинений «Сумма богословия» (*Summa Theologiae*) и «Сумма против язычников» (*Summa contra gentiles*), в которых излагался и логически обосновывался (следуя принципам Аристотеля) весь свод католического учения. См. очерк «О душе зародышей».

закон не может быть тотальным, ибо кто перебьет всех, тот останется в одиночестве, а человек — общественное животное. Адаму нужна как минимум Ева — не столько для удовлетворения сексуального чувства (обошелся бы козой), сколько для воспроизведения генотипа. Если Адам убьет Еву, Каина и Авеля, он станет одиноким животным.

Поэтому людям приходится договариваться о добрососедстве и взаимном уважении. То есть они вынуждены подписывать общественный договор. Когда Иисус говорит, что любит ближнего, когда нас призывают не делать ближним того, что мы не хотим, чтобы делали нам они, Иисус — отменный просветитель (и вообще он всегда на просветительских позициях, за исключением заявления, будто сам является сыном Бога — потому что это заявление не может подтвердить никто, кроме самого Иисуса, а следовательно, оно бездоказательно, а следовательно, оно основывается на вере, а не на здравом смысле).

Просветитель думает, что можно выработать этику, даже очень сложную, и даже геройскую (допустим, что уместно пойти на смерть, дабы спасти жизнь своих детей), основываясь на принципах разумных договоренностей.

Наконец, просветителю известно, что у людей есть пять первостепенных потребностей. В данный момент я сумел подобрать именно пять. Это питание, сон, любовь (в том числе половая, хотя в принципе это всякая привязанность — в том числе к домашним

животным), игра (то есть когда занимаются чем-то просто для удовольствия), и установление причин явлений.

Я выстроил потребности по степени их жизненной насущности, но убежден, что даже маленький ребенок, после того как он накормлен, поспал, поиграл, научился узнавать маму и папу, — неизбежно захочет понять, по какой причине что-то как-то устроено. Первые четыре потребности присущи всякому животному, пятая типична для людей и предполагает пользование языком.

Основная причина, которую люди хотят объяснить, — это причина существования вещей. Философ хочет понять, почему существует бытие и не существует «ничто», но этот вопрос несколько не крупнее вопроса обычного человека, гадающего, по какой причине сотворился мир и что было в мире до сотворения. Пытаясь найти причину, человек создает пантеон богов (или познает их, неважно — не хочу вдаваться в богословские тонкости).

Следовательно, просветитель, кроме всего прочего, знает, что, когда человек нарекает богов, он занят совсем не пустым делом. Просветитель знает еще, что вид и характер пантеона — это культурная условность, и о ее формах позволительно дискутировать, но сама по себе потребность в пантеоне есть природная потребность, поэтому она не обсуждается.

Ну вот, я определил, что такое в наше время «просветители». Если всех устраивает это определение, я причислю к ним самого себя.

От игры к карнавалу¹

Почему-то из дискуссии о Просвещении родилась дискуссия об игре. Честно сказать, это вызвало у меня раздражение. Мне привелось в предыдущем очерке высказать достаточно ординарную мысль: что одной из основных человеческих потребностей, наряду с пищей, сном, любовью и познанием, является игра. И вдруг эту мысль мне возвращают в качестве (как сказано в заголовке газеты «Республика» от 6 января) «эпохального высказывания Эко». Да, уж куда эпохальнее! Как это, никто до тех пор не обращал внимания, что дети, котята и щенята самовыражаются посредством игр? Что наряду с определением «человек — мыслящее животное» спокон веков бытует определение «человек играющий» (*homo ludens*)²?

Средства массовой информации раз за разом открывают Америку через форточку. Хотя, поразмыслив, понимаешь, что открывать Америку через форточку — их основная миссия. Газета не может вот так, с бухты-барахты, призвать народ читать Данте. Газета должна дожидаться, пока подготовят и выпустят какое-нибудь новое издание Данте и тогда, пожалуйста, верстай заголовки хоть на четыре полосы: «Интеллектуальная бомба. Алигьери опять

1 «Dal gioco al Carnevale». «Республика», январь 2001 г.

2 Человек играющий (*Homo Ludens, лат.*) — трактат, опубликованный в 1938 г. голландским историком и культурологом Йоханом Хёйзингой (1872-1945). Сочинение посвящено всеобъемлющей сущности феномена игры и универсальному значению игры для человеческой цивилизации.

рядом с нами». И это можно исключительно приветствовать, поскольку среди читателей есть и те, кто давно закончил школу (они о существовании Данте и думать забыли), и те, кто принадлежит к молодому поколению (они о Данте сроду не слыхивали, даже от своих учителей в школе). Равно как и Америка по представлениям этих людей находится на соседней улице. Время от времени невредно напоминать им, что до Америки бог знает сколько часов надо лететь, а в старые времена приходилось плавать на кораблике.

Ну ладно, возвращаемся к игре. Прочитав тот номер газеты от корки до корки, я нашел в большинстве статей сведения, указывающие на глубинное изменение людской природы на данном этапе развития человечества. Игра в качестве незаинтересованного опыта, полезного для тела и, как утверждали богословы, изгоняющего уныние, вызванное работой, опыта, несомненно изошряющего наш ум, такая игра всегда присутствовала в быту и в жизни, но как исключение. Игра была перерывом в изнурительном дневном старательстве, будь то тяжкий физический труд или философская беседа Сократа с Кебетом¹.

Одна из положительных сторон «*felix culpa*»¹ состоит в том, что если бы Адам не согрешил, он бы

1 Кебет — оппонент Сократа в диалоге Платона «Федон». Как говорит о нем другой собеседник, Симмий, «нет на свете человека более упорного и недоверчивого» (пер. С. Маркиша).

1 *Felix culpa (лат.)* — счастливая вина, грех Адама, для искупления которого в мир пришел Иисус Христос.

впоследствии не оказался вынужден зарабатывать в поте лица своего хлеб свой, — то есть, слоняясь круглыми днями по Эдему, он так и остался бы великовозрастным обалдуюем. Думаю, следует сказать спасибо змею.

Во всех обществах несколько дней в году отводится под сплошные игры. Это период, когда все позволено; в нашей культуре он зовется карнавалом, а в других культурах он называется или назывался иначе. Во время карнавала все развлекаются безостановочно, но чтобы занятие это не превратилось в обузу, оно должно быть недолгим. Написав эти слова, умоляю газету «Республика» не начинать на этом месте новую долгую дискуссию об «эпохальном высказывании Эко», ибо литература по вопросам карнавала совершенно необозрима.

Так вот, одна из новых характеристик общества, в котором мы живем, — стопроцентная карнавализация жизни. Не то чтобы работать начали как-то сильно меньше, не то чтобы многие виды труда как-то уж очень передоверили машинам (стимулирование досуга и планирование свободного времени были священной заботой и при диктатурах, и при либерал-реформаторских правительствах). Дело в другом. Карнавализация в нашу эпоху *охватила и всю сферу рабочего времени.*

Мало того, что видно при самом поверхностном наблюдении — сколько часов проводит средний гражданин перед экраном телевизора. А телевидение, за исключением краткого времени, отведенного информации, у нас полностью развлекательное,

причем среди всех возможных развлечений на телевидении предпочитают те, которые представляют нашу жизнь как сплошной карнавал, где шуты и прекраснейшие девицы швыряются не бумажными ленточками, а миллионами евро, и всякий может заработать в игре все эти миллионы! (А мы потом удивляемся, с какой стати албанцы, соблазнившись именно этим изображением Италии, лезут к нам через границу всеми доступными способами — лишь бы протыриться в этот круглосуточный луна-парк).

Мало того, сколько времени и денег отводится массовому туризму — сказочные острова по скидочным ценам, добро пожаловать в Венецию на карнавальный уикэнд, чтобы в лагуне остались банки, скомканные обертки, огрызки хот-догов, кляксы горчицы, как и положено в конце всякого порядочного карнавала.

Но не сразу заметно, что уже целиком карнавализован и процесс работы. Полиморфные орудия, услужливые роботы, выполняя за человека его труд, создают такую атмосферу, как будто все время работы — это время игры.

Карнавальной стала жизнь клерка, в чьем компьютере, по секрету от начальства, кишат ролевые игры и фотографии из «Плейбоя». Карнавально вождение машины, с той поры как она научилась разговаривать, выбирать маршрут и доводить нас до аварий, приглашая давить на разные кнопки в поисках информации о температуре, запасе бензина, средней скорости и средней продолжительности избранного маршрута.

Переносные телефоны, эти «обереги» третьего тысячелетия, должны были бы быть орудием работы тех, чья профессия требует немедленного реагирования — врачей и водопроводчиков. Лицам иных профессий следовало бы звонить по мобильникам лишь при экстремальных обстоятельствах, когда вне дома они вступают в срочнейший контакт, к примеру оповещая об опоздании, о том, что поезд налетел на столб, или случился потоп. Если бы подход был именно такой, то у всех, кроме самых кошмарных неудачников, мобильный телефон представлял бы собой предмет, действующий никак не более двух раз в день. А вместо этого 99% тех, кого мы видим с притиснутыми к уху «предметами обожания», играют. Ублюдок, который с соседнего с вами сиденья в поезде визгливо проводит по телефону банковские платежи — дикарь, токующий среди своих собратьев в разноцветном плюмаже и с яркими кольцами на пенисе.

Игрой пронизано все наше время, проводимое в супермаркетах и в ресторанах на скоростных шоссе, где выложены радужные россыпи абсолютно ненужных вещей. Заскочив за пачкой кофе, мы блуждаем не менее часа и после кассы обнаруживаем, что приобрели в нагрузку четыре коробки собачьего печенья... собаки, разумеется, у нас нет. Но если бы она имелась, это был бы зашибенный Лабрадор, наимоднейшая порода, которая сторожить не может, охотиться или искать трюфели не может, обцеловывает бандита, вонзающего в нас кинжал, но являет собой потрясный статус-символ, особенно в плавающем виде.

Я помню, как в семидесятые годы прозвучало революционное предложение группы «Потере Операйо»¹ — отказываться от работы, поскольку совсем уж скоро триумфальное внедрение роботов приведет к отмиранию суровой необходимости вкалывать. Тогда, я помню, звучали возражения, что если рабочий класс и впрямь откажется от работы, то кто же будет внедрять автоматы? В определенном смысле революционная группа «Потере Операйо» была права. Автоматы, как мы видим, повнедрялись сами собою. Беда только, что результат получился не такой, как утопически сулил нам Карл Маркс (облагораживание рабочего класса и возможность для каждого волшебным образом преобразиться в рыбака, охотника и т.д.). Напротив, на рабочий класс хищно спикировала карнавальная индустрия, превратив рабочего в среднестатистического потребителя. Рабочему сегодня есть чего лишаться, кроме цепей. Сегодня (если бы случилась революция и вырубил свет) рабочему предстояло бы лишиться очередного выпуска передачи «Большой брат»². Поэтому рабочий обязательно будет голосовать за тех, кто света ему не вырубит и «Большой брат» ему покажет. Рабочий вполне согласен работать и приносить прибавочную стоимость тем, от кого поступают развлечения.

- 1 «Potere Operaio» — вторая по численности в Италии группа внепарламентских левых, основанная в 1967 г.
- 2 «Большой брат» — реалити-шоу, созданное в Нидерландах в 1999 году и вдохновленное образом тотальной слежки из романа «1984» (1949) английского писателя Джорджа Оруэлла (Эрик Блэр, 1903-1950). Русская локализованная версия — программа «За стеклом».

Когда вдруг из новостной десятиминутки обнаруживается, что в некоторых частях земного шара и развлечений маловато, и дети умирают с голоду, наши лжеугрызения быстро утоляются крупномасштабным зрелищем (карнавальным!) благотворительного марафона с целью сбора средств на черных детей, парализованных, скелетоподобных.

Карнавализуется спорт. Как? Спорт — игра по определению. Можно ли карнавализовать игру? Выясняется, можно — превратив игру из редкого удовольствия (когда-то показывали раз в неделю матч и раз в четыре года — Олимпиаду) в повседневное зрелище. При подобной карнавализации спорт становится уже не зрелищем — индустрией. В спорте уже не имеет значения игра играющих (ставшая вдобавок настолько нагруженной, что ее не выполнишь без наркотиков), а имеет значение карнавальная колготня перед соревнованиями, за кулисами соревнований, после соревнований. По-настоящему играет не тот, кто играет, а тот, кто днем и ночью с утра понедельника до вечера воскресенья безостановочно пялится на играющих.

Карнавализовалась политика, к которой теперь постоянно применяется определение «политика-зрелище». Все больше дискредитируется парламент. Все чаще политика вершится в телестудиях, подобно гладиаторскому бою. Чтобы упрочить реноме премьер-министра, его приглашают на телевстречу с Мисс Италией. Мисс Италия вдобавок приходит не в одежде нормальной женщины (хотя говорят, что она вполне нормальная девушка, и даже достаточно

смышленная, по впечатлению довольно многих зрителей), — она приходит переодетая в Мисс Италию. Скоро ради повышения престижа премьер-министра мы будем требовать, чтоб его переодевали премьер-министром.

Карнавализована религия. Когда-то мы улыбались, наблюдая в фильмах, как цветные люди в цветном убранстве отплясывают чечетку с выкриками: «Oh yes, oh Jesus!» Атруды, труды-то где? — недоумевали мы, католически воспитанные, видя эти пост-протестантские карнавалы приплясывающих вер. Сегодня, *absit iniuria*¹, многие шествия Юбилея 2000 года под музыку рок страшно напомнили мне дискотеку.

Гомосексуалисты настаивают: в порядке сатисфакции за тысячелетия гонений они имеют право на карнавальную парад «Gay Pride». В контексте этого парада гомосексуалистов допустили в общество, потому что общество в периоды карнавалов допускает все что угодно. Допускается даже голый пуп у певицы, выступающей перед Иоанном Павлом II (не притворяйтесь, будто вы уже забыли. Эта сцена действительно имела место, причем лишь немногие из зрителей сочувствовали страдающему благородному старцу).

Будучи по определению существами игрового плана, потеряв всякую меру в играх, мы тонем в тотальной карнавализации. Но и у человеческого рода много резервов. Можно предположить, что человечество мутирует и сумеет даже извлечь из этого непривычного положения кое-какие духовные преимуще-

1 Absit iniuria (лат.) — без намерения обидеть.

ства. Может, и хорошо, что в наши времена работа перестала быть проклятием, что можно не посвящать все дни жизни упражнению в «доброй смерти» и что рабочий класс наконец-то пойдет в рай¹, улыбаясь и хохоча. Возликуем же!

Вероятно, со всем остальным разберется История. Одна приличная мировая война с положенными причиндалами типа обедненного урана, одна хорошая озоновая дыра, и карнавалу — каюк. Характерно, в частности, что тотальная карнавализация никого не насыщает, а только разжигает аппетит. Доказательство — дискотечный синдром: наплясавшись и наслушавшись диких децибел на танцплощадках, выходя после ночи утром, ненасытные разгоняют машину и устраивают на скоростных дорогах опьяняющие гонки смерти.

Полная карнавализация, глядишь, доведет нас до анекдота. Помните древнюю хохму о том, как знакомятся с барышней: «Девушка, а сегодня после оргии вы чего делаете вечером?»

Утраченная укромность частной жизни²

Первое, что утратилось по милости Интернета, из-за глобализации средств связи — это понятие границ

1 «Рабочий класс идет в рай»(1971)—фильм италийского режиссера Элио Петри.

2 «La perdita della privatezza». Выступление в Венеции на конгрессе, организованном Стефано Родота на тему «privacy», сентябрь 2000 г.

Представление о границах так же исконно, как людской род — более того, оно присуще и животным. Этологи обнаружили, что каждое животное отводит для себя и для себе подобных защищенное пространство, территорию, внутри которой зверь себя чувствует уверенно и считает своим врагом всякого, кто проникнет на охраняемую территорию. Культурная антропология продемонстрировала, как это буферное пространство от культуры к культуре меняется, у одних народов расстояние между собеседниками должно быть как можно меньшим, и это знак доверия, а другие соблюдают дистанцию — у них в культурах чрезмерная близость говорящего воспринимается как знак агрессивности.

На социальном уровне индивид отождествляет эту защищенную зону с собственной общиной. Границы города, области, царства обычно воспринимаются населением как сумма индивидуальных защищенных пространств. В представлениях древних римлян царило понятие о границе: идея границы даже легла в основу мифа об основании государства. Ромул провел границу и убил брата Рема, осмелившегося ее нарушить. Юлий Цезарь, перед тем как перейти Рубикон, волновался, наверное, не меньше Рема. Цезарь знал, что, переходя через реку, совершает вооруженное нападение на римскую территорию. Остановился ли после того он в Римини (сперва остановился!) или двинулся штурмовать Рим, уже *еще* меняет дела: святотатство свершилось в минуту Нересечения границы, оно необратимо. «Жребий брошен!» Греки знали, где пролегли границы поли-

са, при переходе из местности в местность переменился язык. Варвары начинались там, где грекоговорящие кончались.

Нередко идея политической границы воздействовала на умы до того капитально, что ставился забор поперек живого города, и одни оказывались по сю сторону, другие — по ту. Попытка перелезть через забор, по крайней мере для восточных немцев, кончалась столь же нерадостно, как и затея легендарного Рема. Берлинская стена — квинтэссенция границы. Любая граница защищает сообщество не только от внешнего нападения, но и от заглядывания извне. Стена и языковой барьер помогают деспотическому режиму держать в узде население, не ведающее, что происходит во внешнем мире, однако при этом гарантируется также и населению, что никакие чужеземцы не смогут выведать местные обычаи, местные богатства, местные изобретения, местные способы обработки почвы. Великая китайская стена не только оберегала население Поднебесной империи от набегов, но и гарантировала сохранность тайны шелка.

А население Поднебесной расплачивалось за эту внешнюю неприкосновенность утратой укромности в частной жизни. Светская и религиозная инквизиция имела право интересоваться и поведением и сплошь и рядом даже мышлением подданных, не говоря о бесконечных таможенных и налоговых проверках, поскольку в Китае всегда считалось нормой, что личное богатство любого жителя должно быть подконтрольно государственным органам.

Сегодня Интернет пронизал весь мир, и по этой причине скоро и идея национального государства подвергнется пересмотру. Интернет не только позволяет организовывать международные и многоязычные «чат-линии». Любой городок в Померании деожет брататься с районным центром в Эстремадуре, у них найдутся общие интересы и темы, они организуют коммерцию, не ощущая потребности ни в каких дорогах, и следовательно, не нуждаясь в позролении пересекать какие бы то ни было границы. Ныне, в эпоху массовых миграций, мусульманская община Рима мгновенно связывается с мусульманской общиной Берлина.

Однако падение границ приводит к возникновению двух противоположных явлений. С одной стороны, ни одно национальное образование не в состоянии запретить своим членам знать, что происходит в других странах, и скоро ни одна диктатура не сможет отгородить своих подданных от мира. С другой стороны, централизованный надзор государств за деятельностью граждан с некоторых пор отошел к иным могущественным инстанциям, которые технически оснащены (хотя и не всегда законно уполномочены) и всегда умудряются знать, кому мы писали, что купили, где побывали, чем интересуемся и даже какой вид секса предпочитаем. Даже унылый педофил, который в деревенской тиши хранит в секрете противоестественную страсть, испытывает искушение — а не открыться ли миру, не обнажить ли

постыдные тайны своей души он-лайн. На нашу сегодняшнюю частную жизнь, которую мы желаем предохранить от поругания, посягают даже не хакеры (они — явление такое же нечастое, как и разбойники с большой дороги; флибустьеры бывали во все времена); нет, на нее посягают всевозможные cookies¹ и прочая технологическая чертовщина, позволяющая собирать какую угодно информацию о нас.

По телевизору показывают «Большой брат». Узкая группа людей по собственной свободной воле позволяет весьма многочисленной массе людей глазеть на собственную жизнь днем и ночью. И те глазят с азартом. Но Оруэлл описывал совсем иного Большого Брата. Большой Брат у Оруэлла — это узкая группа номенклатуры, которая отслеживала приватные действия членов огромного общества, шпионила за любым человеком вопреки его воле. У Оруэлла описано действие, обратное телевизионному; а в телевизоре миллионы наблюдателей смотрят на одного эксгибициониста. Это что-то вроде panopticon у Бентама², где многочисленные сторожа

- 1 Cookies (англ.) — «печенье», в Интернете — небольшой фрагмент данных о предыстории обращений данного пользователя к данному серверу, автоматически создаваемый сервером на машине пользователя; позволяет определить уникального пользователя; в частности, позволяет предотвратить показ одного и того же рекламного баннера дважды одному посетителю.
- 2 Джереми Бентам (1748-1832) — английский публицист и философ, юрист, интересовавшийся правом не в практическом, а в философском преломлении. В 1784 г. приехал в Россию навестить брата Сэмюэла, работавшего в имении графа Потемкина над проектом воссоздания британской цивилиза-

наблюдает, скрытые, скрытные, за одним приговоренным. У Оруэлла Большой Брат являлся аллегорией фигуры «отца»-Сталина. В наше время Большой Брат, наблюдающий за нами, лишен лица. Он не единоличен. Большой Брат — это глобализованная экономика. Так Власть у Фуко¹ являет собой нечто неопознаваемое — комплекс центров, вступающих в игру и поддерживающих друг друга. Так и в реальной жизни уполномоченные подобных властных центров шпионят за людьми, делающими в супермаркете покупки, а потом и сами становятся объектами наблюдения, как только соберутся заплатить кредитной карточкой за гостиницу. Эта власть неопознаваема, она не имеет лица — то есть, она непобеди-

ции в Белоруссии. Во время пребывания у брата Джереми Бентам написал свой знаменитый «Паноптикон» (*Panopticon, or the Inspection House*. Лондон. 1791 • 3т.), в котором разрабатывал проект идеальной тюрьмы, построенной на началах обязательной работы арестантских артелей, под строгим, хотя и невидимым надзором тюремной администрации. Для своего фантастического проекта тюрьмы Бентам воспользовался «наработками» брата Сэмюэла, пытавшегося построить в Кричеве, в имении Потемкина, фаланстер.

- 1 Мишель Фуко (1926-1984) — французский философ и историк, исследовал механизмы, которые власть применяет для управления личностью. Эти вопросы изучаются в «Истории безумия в классическую эпоху» (*Histoire de la folie à l'âge classique*, 1960), в работе «Рождение клиники» (*Naissance de la clinique*, 1963) и, в особенности, — в книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (*Surveiller et Punir: Naissance de la prison*, 1975). В более поздних работах Фуко проследживает, как личность, не всецело подчиняясь власти, входит во власть и может, хотя бы теоретически, воздействовать на власть и изменять ее.

ма. По крайней мере, подобную власть очень трудно контролировать.

Теперь о сути понятия «privacy». В моем родном городе каждый год разыгрывают комедию о Джелиндо. Это религиозно-комические спектакли, действие происходит в Вифлееме, действуют пастухи, все разворачивается во время рождества Спасителя, но в то же время обстановка действия — область, где я родился, окрестности Александрии, в комедии выведены обычные пьемонтские крестьяне. Играют ее на диалекте, на диалекте строится весь комизм, герои переходят бродом Танаро (это река в моих краях) — и при этом ругают царя Ирода за дурацкие и вредные постановления нашего нынешнего правительства. Что до характеров и ситуаций, с туповатой красочностью комедия представляет характеры пьемонтцев, которые, как известно, замкнуты и ревниво относятся к укромности своей частной жизни и личных чувств.

Появляются, как положено, волхвы, встречают некоего пастуха Маффео, просят показать путь в Вифлеем. Этот пастух, староватый и глуповатый, говорит, что не знает пути, и предлагает расспросить своего хозяина Джелиндо, который вот-вот придет. Джелиндо действительно приходит, видит волхвов, они задают вопрос — он ли Джелиндо. Следует не слишком интересный диалог Джелиндо с волхвами. Интереснее следующее: Джелиндо спрашивает у пастуха, откуда иностранцу стало известно его имя.

Маффео признается, что имя сообщил он. Джелиндо свирепеет и обещает отколотить Маффео, потому что негоже-де имени гулять по свету как разменному пятаку. Имя является личным достоянием. Обнародовав чье-то имя, причиняют ущерб его носителю, отнимая у него часть privacy. Джелиндо, конечно, термин privacy неизвестен, но именно эту укромность неприкосновенной частной жизни он столь решительно защищает. Владей Джелиндо более интеллигентной лексикой, он сказал бы, что стремится к конфиденциальности, к отъединенности, или что защищает личное пространство.

Отметим, что тяга к анонимности — совсем не только архаический обычай. В 1968 году бунтующие студенты представлялись на митингах как Паодо, Марчелло, Ивано — без фамилии. Стремление укрыть фамилию порою шло от страха политических репрессий: везде могли быть информаторы полиции. Но по большей части у студентов это был политический шик, стремление подражать партизанам, у которых не было имен, а были прозвища (партизаны оберегали свои семьи). Смутное нежелание предавать свое имя гласности чувствуется у всех, кто звонит в прямой эфир радио- и телепередач, порою для того чтобы высказать нечто абсолютно невинное, или поучаствовать в отгадках. Но интуитивная стыдливость (и вместе с тем, может быть, привычка к навязываемой в передачах модели общения) побуждает их представляться как «Марчелла из Павии», «Агата из Рима», «Спиридион из Термоли».

Иногда отмежевывание своего пространства связано с боязливостью, с нежеланием отвечать за свои действия. Поневоле завидуешь тем государствам, в которых принято, выступая на публике, сразу четко заявлять свои имя и фамилию. Хотя если утаивание паспортного имени может выглядеть и странноватым и в ряде случаев необъяснимым, желание отгородить от публики свой личный мир мне кажется, в общем-то, закономерным. По старой традиции сор не выметают из избы. Вполне естественно стремление засекретить информацию о собственном возрасте, о здоровье или о доходах — в пределах, разумеется, не нарушающих компетенции закона или полицейского дознания.

Кто должен заботиться о защите конфиденциальности? Ну конечно, все те, кому желательно не обнародовать коммерческие транзакции, те, кто защищает свою личную переписку, кто сохраняет до поры до времени в секрете результаты научных опытов. Все это естественно, и существуют на свете законы, защищающие тех, кто взыскует конфиденциальности. Но много ли их, тех, кто действительно желает конфиденциальности? У меня рождается чувство, что один из главных абсурдов массового общества, общества, основанного на засилье прессы, телевидения и Интернета, — это добровольный отказ от privacy. В своей крайней форме отказ от privacy (а значит, и от сдержанности, вплоть до потери стыда) граничит с патологией, с эксгибиционизмом.

Так вот, мне кажется парадоксальным, что кто-то пытается сохранить укромность в обществе эксгибиционистов.

Социальная язва нашего времени — это утрата ценнейшего универсального клапана, во многом — благотворного средства разрядки, каким выступала в прежние времена *сплетня*.

Добрая старая сплетня, деревенские пересуды, болтовня консьержки, треп клиентов в баре — вот что было клеем любого общества. Не сплетничали же люди о том, что кто-то здоров, благополучен и весел. Сплетничали о недостатках, о немощах, о неприятных ситуациях в жизни. Тем самым срабатывали механизмы эмоциональной причастности (поскольку не все сплетни презрительны, сплетни бывают и сочувственны). Разговоры должны были вестись в отсутствие обсуждаемого. Вообще, естественно, требовалось, чтоб обсуждаемые не знали о гласности сведений. Тогда они могли сохранять лицо, притворяясь, будто продолжают не знать. Если же до обсуждаемого доходил сам факт сплетни, начиналась потасовка («сволочь такая, думаешь, мне не известно, ты же брешешь, будто бы у меня...»). Вследствие потасовки сведения официально становились гласными. Жертва превращалась в посмешище, подвергалась порицанию, и терзателям становилось нечего обсуждать.

Поэтому пока в обществе действовали такие мощные клапаны, как сплетни, все — терзатели и терзаемые — оберегали конфиденциальность.

Но потом появились сплетни нового типа. Их породило развитие прессы. Дотоле существовали специализированные издания, посвященные сплетням о таких личностях, которые по роду своей работы (актеры, актрисы, певцы, монархи в изгнании, плей-бои) охотно выставляют себя напоказ фотоаппаратам и хроникерам. Все было шито настолько белыми нитками, что даже и читатели превосходно понимали, что если такой-то актер был замечен в ресторане с такой-то актрисой, это не обязательно значит, что между ними вдруг вспыхнула какая-то особенно сердечная склонность. Скорее всего, их встреча организована пресс-секретарями. Но читатели подобных изданий не искали истины, они искали именно развлечения и ничего более.

Чтоб одолеть, во-первых, конкурирующее телевидение, и во-вторых, чтоб заполнить немалое количество страниц, а значит, получить больше рекламных заказов, даже так называемая серьезная пресса, в том числе ежедневная, все больше уделяла внимания социальной жизни и очеркам нравов, и светской хронике, и сплетням. Когда сенсаций не было, журналистам приходилось их выдумывать. Выдумывать сенсацию — не означает говорить, будто было то, чего не было. Просто можно преподнести как сенсацию простую вещь, сенсацией не являющуюся. Фразу, ляпнутую политиком в отпуске. Мелкие факты из жизни актеров. Сплетня, таким образом, становится материалом тотальной информации и рас-

пространяется в такие среды, которые прежде были наглухо отгорожены от репортеров. Сплетни начинают затрагивать частную жизнь царствующих особ, политических и религиозных знаменитостей, президентов, научных деятелей.

При подобной трансформации общественных нравов сплетня из шепота превращается в крик, достигая всех обсуждающих и даже всех обсуждаемых и даже тех, кому эта сплетня вообще неинтересна. Сплетня теряет все обаяние, всю силу секрета. Зато она создает новый образ обсуждаемой жертвы. Эта жертва новой формации совершенно не вызывает сочувствия. Она вызывает зависть. Ведь предметами массового обсуждения бывают только знаменитости. Значит, стать предметом сплетни (публичной) — это признак высокого общественного статуса.

Тут-то и совершился переход на следующий уровень утраты privacy. Телевидение стало делать передачи, где уже не терзатели позорили имена терзаемых, а сами терзаемые сладострастно позорили собственные имена, веря, будто получают за это такое же общественное признание, как известные актеры или политики. В эфире не злословят по адресу тех, кого в передаче нет. Оскверняемый сидит тут же вместе со всеми и сам оскверняет себя, демонстрирует свое грязное белье. Герои сплетни первыми узнают о наличии сплетни, а окружающие знают, что предметам сплетни все известно. Ни о ком не перешептываются за глаза, за спиной. Тайны нет. Невоз-

можно ни поизмываться над обсуждаемыми (ибо они сами измываются над собой, выставляя напоказ свои слабости), ни посочувствовать жертвам — ведь жертвы заработали немалый профит от самобичевания, они заработали известность. Сплетня потеряла характер клапана для выпуска пара. Сплетня свелась к демонстрации малоинтересных фактов, и только.

Это началось еще до передачи «Большой брат», в которой многочисленные вуайеристы сутками разглядывают подопытных людей, расписавшихся в своей потребности срочно показаться психиатру. Это началось уже не менее двух десятков лет назад. Люди, о которых поначалу никто не тревожился и психически нестабильными их не считал, начали приходить в телестудии и ссориться с мужьями и женами из-за наставленных рогов, поливать грязью свекровей, умолять вернуться зазною и хлестать друг друга при всем народе по мордасам. Они доходили до развода, беззастенчиво обвиняя супругов и женихов в импотенции. Если в прошедшие времена частная жизнь была до того тайной, что тайное тайных, по общему мнению, сообщалось одним лишь исповедникам, ныне «исповедниками» зовут телеведущих в передачах типа «Большой брат».

Но нет пределов худшему. Рядовые мужчины и рядовые женщины привыкли обнажать постыдные тайны интимной жизни, чтобы потешить публику и чтобы удовлетворить свой эксгибиционизм: следуя их примеру, на общее обозрение выставился и тот, кого в традиционных культурах именовали де-

ревенским дурачком, а ныне, деликатнее и политкорректнее, я предлагаю назвать Деревенским Недоумком.

Деревенский Недоумок в былинные времена, будучи обделен матерью природой как физически, так и умственно, подвизался при местной рюмочной, где завсегда и его подпаивали и подстрекали на разные выходки, все сплошь непристойные и потешные. Предположительно, в этих ситуациях Деревенский Недоумок догадывался, что с ним обходятся как с недоумком, но принимал эту игру, ее условия. Он принимал их, потому что за это ему подносили выпить, и потому, что склонность к эксгибиционизму входила в набор качеств такого человека.

Сегодняшний Глобально-Деревенский Недоумок, живущий уже в не реальной деревне, а в виртуальной Global Village, — это уже не среднестатистический муж, вылезавший на экран, чтоб опозорить неверную жену. Недоумок — это уже пещерный уровень, это низко даже для телевизионного стандарта. Его приглашают в разговорные программы и в телевизионные викторины именно как Недоумка. Недоумка, но не обязательно дебила. Он может быть просто психом (нашедшим обломки Ковчега Завета; изобретателем вечного двигателя), который многие года и совершенно безнадежно обивает пороги журналов и газет, патентных бюро... а тут вот, надо же, его наконец приняли всерьез! Он может быть Дилетантом-писателем, выгнанным изо всех редак-

ций, который понял наконец, что незачем стараться писать шедевр: достаточно пойти на студию и прилюдно спустить штаны, наговорить ругательств в дискуссии на тему о культуре. Это может быть и провинциальная зануда, «синий чулок», обретшая наконец слушателей и место, где она может старательно выговаривать трудные слова и рассказывать о своих экстрасенсорных переживаниях.

В прежние времена, когда кабацкие мужики переходили разумные пределы в издевательствах над деревенскими недоумками и подстрекали тех на слишком уж дикие бравады, вмешивались мэр, аптекарь, друг семьи, которые обнимали недоумка за плечи, выводили из кабака, возвращали домой. А нынешнего телевизионного глупца никто домой не отводит. Никто не защищает его от всенародного глумления. Отведенная ему роль напоминает роль гладиатора, идущего на смерть для развлечения толпы. Общество, отговаривающее самоубийц от их трагических намерений, ограждающее наркоманов от их пагубных страстей, не пытается спасти бедных телевизионных шутов. Напротив, общество подзуживает их, как некогда оно подзуживало карликов и бородатых женщин, которых показывали на ярмарках.

Несомненно, что перед нами преступный факт. Но не о защите погранных интересов Недоумка хлопочу я ныне (хотя этим вопросом следовало бы заняться компетентным органам, поскольку налицо злоупотребление правами недееспособного). Меня беспокоит другое. Восславленный своим явлением

на экране, телевизионный Недоумок становится эталоном жизни. Если позвали его, значит, могут позвать любого. Выставление напоказ ничтожества убеждает публику, что никакое, даже самое постыдное невезение не обречено оставаться тайной личной биографии, и что обнародование этого стыдного будет вознаграждено. Чем шире круг любопытных зрителей, тем становится Недоумок знаменитее. Его слава измеряется рекламными заказами от фирм, приглашениями на конференции, на праздники, а также предложениями сексуальных отношений (как мы помним из Виктора Гюго¹, некоторым дамам нравился Человек, который смеется). В результате выходит, что искажается само по себе понятие искажения. Все становится красивым, даже уродство, если оно вынесено на телеэкраны.

Помните в Библии? И сказал Безумец в сердце своем: нет Бога².

Телевизионный Недоумок горделиво утверждает: есмь Я.

Аналогичная ситуация отмечается сейчас в Интернете. Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнародование своей малоинтересной нормальности, или, хуже того, малоинтересной ненормальности.

1 Виктор Гюго (1802-1885) — французский писатель. Герой его романа «Человек, который смеется» (*L'homme qui rit*, 1869) получил приглашение на свидание от молодой аристократки именно благодаря своему изуродованному лицу.

2 Пс. 52:2.

Я набрел на страницу одного такого субъекта, который публиковал в Интернете, да может быть, публикует и до сих пор, фото своего зада. Как известно, существует такой анализ — его делают в больничных условиях, — когда в задний проход суют зонд с телекамерой и пациенту показывают снимки его внутреннего пространства, исследуемого через задние ворота. После этого исследования вам на руки выдаются медицинская выписка и цветные фотографии прямой кишки.

Интересно, что прямые кишки у всех на свете людей (кроме случаев рака в запущенной стадии) в общем и целом одинаковые. Поэтому если даже собственная кишка кого-то может интересовать, то почти обязательно чужая кишка любого оставит равнодушным. А вот владелец того сайта, о котором я говорю, потрудился и открыл в Интернете домашнюю страницу для демонстрации своей прямой кишки. Думаю, это человек, которого жизнь жестоко обделила, у кого нет наследников, которым он передаст свое имя, нет друзей, кому можно показать фотографии, снятые во время отпуска, так что все его надежды — на эту последнюю и отчаянную попытку хотя бы где-то утвердить свое бытие. В этом, равно как и во многих других случаях добровольного отказа от конфиденциальности, я вижу океан отчаяния, и перед зрелищем этой трагедии нам следовало бы прибегнуть к сострадательной невнимательности. Но эксгибиционист (в этом его драма) не позволяет отворачиваться от его стыдного страдания.

Я мог бы продолжить перечень случаев, в которых мы наблюдаем радостный отказ от частной обособленности. Тысячи людей, идущих по улице, едущих в поездах, сидящих в ресторанах, говорят по мобильным телефонам о самых деликатных личных делах. На спутниковых каналах разыгрываются настоящие любовные драмы. Дело даже не в срочности передачи каких-либо сведений (если бы звонок делали вынужденно, по срочной надобе, люди ворковали бы в трубку, прикрывая ее ладонью, чтобы охранить секрет). Нет, они как раз намерены оповестить всех окружающих, что заведуют отделом на холодильничковской фабрике, покупают и продают на бирже акции, Организуют конференции, что их оставила невеста. Они заплатили за этот мобильный телефон, им стоит кучу денег телефонная карточка, цель их — обнародовать пред лицом всех окружающих факты своего частного существования.

Неспроста я посвятил страницу перечню этих уродств, моральных и физических. Я просто убежден, что обязанность властей, ограждающих нас от нападений извне, — защищать и тех, кто не в состоянии справиться с самими собой. Более того, я хочу сказать, что как раз эксгибиционисты демонстрируют, до какой степени попрание конфиденциальности стало уже не преступлением, а раковой болезнью общества. Начать следует с детей. Именно их с младенчества нужно так настраивать, чтоб они оборонялись от тлетворного влияния родителей.

Создается, однако, порочный круг. Исчезает конфиденциальность — значит, мир привыкает к ее ис-

чезновению. Многие у нас уже поняли: лучший способ засекретить сведения — это их обнародовать, поэтому пишутся электронные письма, или звучат тексты по телефону, в которых открьпым текстом говорится все, что велено передать, и говорящие при этом думают: прослушивателям, поди, безразлично то, чего мы совершенно не скрываем. Понемногу эскибиционизм проникает во всех. Все равно ничего не скроешь. А уж если ничего не скроешь, вряд ли что-то может оказаться постыдным. Потихоньку те, кто рушит нашу конфиденциальность, убеждаются, что имеется согласие жертв. Коли так, их уже не удерживают никакие масштабы скандала.

Я хотел вот что сказать. Защита конфиденциальности — проблема не только юридическая, но и моральная, и антропологически-культурная. Нам следует учиться вырабатывать, распространять, воспитывать новое представление о сдержанности по отношению к себе и к другим. Пример уважения к чужой *privacy* — лучший пример из известных — это у Мандзони¹. Когда наконец ему пришлось сообщить читателю, что Монахиня из Монцы уступила ухаживаниям коварного Эджидио, и следовательно, шагнула в бездну разнузданности и беспутства, тут писатель, не желая обнародовать интимную жизнь не-

1 Алессандро Мандзони (1775-1863) — итальянский писатель. Исторический роман «Обрученные» (*promessi sposi*) в первом издании вышел в 1827 г. (окончательная редакция: 1842 г.). Мандзони вывел в образе Гертруды, несчастной и жестокой «Монцской монахини», реальное лицо — Марианну де Лейва (1575-1650), в монашестве — «сестру Вирджинию».

счастной, ограничился словами «Злополучная отвечала». На его месте более игривый сочинитель употребил бы множество страниц, чтоб описать, как вуайерист, что же наделала злосчастливая Гертруда. Истинный пример христианской милостыни! А также вполне светского уважения к частной жизни другого.

Что до уважения к собственной частной жизни, помните, какие слова содержала предсмертная записка Чезаре Павезе?¹ «И пусть сплетничают поменьше...»

О политкорректности²

Я считаю, что выражение «политическая корректность» в наше время употребляется политически некорректно: лингвистические новаторства привели к появлению лингвистических двусмысленностей. Прочитайте статью, посвященную в онлайн-ой энциклопедии «Википедия» (Wikipedia) феномену PC (эта моднейшая сегодня пара букв не означает ни «персональный компьютер», ни «партия коммунист-

1 Чезаре Павезе (1908-1950) — итальянский писатель, переводчик американской литературы. Во времена фашизма пережил преследования и ссылку. Создал издательство левой интеллигенции «Эйнауди». Автор романов «Прекрасное лето» (*La bella estate*, 1949); «Луна и маяки» (*La luna e ifalbi*, 1950). Покончил с собой, не выдержав депрессии и «mal de vivre».

2 «Sul politically correct». «Республика», октябрь 2004 г.

тов»). В энциклопедии приводится также и история, как родилось это выражение. Якобы в 1793 году в США было заявлено на суде (так называемое дело «Чизхолма против Джорджии»), что слишком часто говорят «государство» в значении «народ», ради чего блага государство создано и существует. Предлагалось осудить кого-то публично произнесшего речь, где «политически некорректно» употреблялось выражение «Соединенные Штаты» вместо выражения «народ Соединенных Штатов»¹.

Движение за политкорректность развилось в университетских кругах США в 80-е годы прошлого века в качестве (снова цитирую по «Википедии») установки на корректную речь, не содержащую несправедливых дискриминаций (реальных или мнимых) и не обижающую никого. Речь, где найдены эвфемистические замены лингвистическим дефинициям, затрагивающим расу, пол, сексуальную ориентацию, физические увечья, религию и политические убеждения.

Все мы знаем, что первое сражение за политкорректность развернулось вокруг именовании людей с

¹ «Чизхолм против Джорджии» — дело в Верховном суде США, решение по которому (1793) стало определяющим в доктрине о правах штатов. Два гражданина Южной Каролины выступили с иском против Джорджии, власти которой отказались от судебной защиты, заявив, что частное лицо не имеет право возбуждать иск против штата. Верховный суд не поддержал штат, но законодательное собрание штата отказалось выполнять решение суда. В результате была принята Одиннадцатая поправка к Конституции США (1795), закрепившая иммунитет штата от судебного преследования гражданином другого штата или иностранцем.

небелым цветом кожи. Не только против таких выражений как «грязный ниггер», но даже против слова «негр», которое в английском языке выговаривается [if ɪŋdʒɪ], звучит как заимствование из испанского и напоминает рабовладельческое прошлое. Поэтому общество переключилось на слово black — «черный», которое потом подкорректировали в «African American».

Эта история с подкорректированием политкорректности выявляет одну важную характеристику ПК. Главное не в том, чтобы придумать, какими словами «мы» (говорящие) собираемся называть других. Главное в том, чтобы знать, как эти другие сами желают именоваться. А если подкорректированный термин почему-то им опять-таки покажется неудачным, «мы» должны быть готовы принять предложенный «ими» третий вариант.

Это правильно. Не испытав определенных комплексов, нелегко понять, какое слово уязвит и обидит тех, кто его примет на свой счет. Поэтому самое разумное — считаться с «их» предложениями. Типичный случай — слово «слабовидящий», употребляемое у нас вместо «слепой». Ничего такого обидного в слове «слепой» не заложено и его употребление не уменьшает, более того — увеличивает и уважение, и заботу, положенную всем, кто принадлежит к этой категории (принято же звать Гомера «великий слепец»). Но если тем, кто входит в эту группу, угоднее именоваться «слабовидящими», уважим их волю.

Профессия «дворник» неблагозвучна для тех, кто выполняет эту достойную работу? Ну хорошо, если того просят дворники, давайте звать их «экологическими операторами». Из чистой страсти к парадоксам в тот день, когда и адвокатам придет в голову обидеться на свое имя (может статься, под влиянием разных дразнилок вроде «адвокатишка» или «адвокат пропащих кляуз»), нам придется их звать «правовыми операторами».

Однако думаю, что адвокатам переменять свое имя не захочется (вы могли бы представить себе, как Джанни Аньелли¹ просил бы обращаться к нему «правовой оператор Аньелли»?). Потому что, во-первых, адвокат — профессия престижная, а во-вторых — замечательно оплачиваемая. Получается, дело в том, что порой употребляют ПК, чтобы уладить социальные проблемы, действующие на нервы. Вместо того чтоб совершенствовать общество, совершенствуют лексику. Когда общество принимается звать неходячих не «инвалидами», а «альтернативно развитыми» (*diversamente abili*), вместо того чтобы строить для них пандусы, понятно: лицемерно расправившись с прежним термином, провели косметический ремонт в языке, но не ремонт лестницы.

Будем звать безработных «незатребованными на неоговоренный срок». Уволенных — «пребывающими в ожидании перемены рода занятий». Возьмите

¹ Джанни (Джованни) Аньелли (1921-2003) — итальянский промышленник, лицо-символ автозавода «ФИАТ». В газетах его называли «Адвокат Аньелли», иногда хватало и одного слова «Адвокат».

книгу Эдоардо Кризафулли «Гигиена языка. Политкорректность и лингвистическая свобода»¹, в которой выявлены многие противоречия и высказано много соображений как за, так и против этой тенденции.

Теперь нам ясно, почему какая-либо категория ругает за первую смену имени, а получив новое имя и видя, что в реальной жизни ничто не переменилось, требует второй смены имени? Этот бег на месте рискует или не кончиться никогда, или продлиться до тех пор пока, вдобавок к имени, не переменится и еще что-нибудь. Бывают даже откаты назад, когда какая-то категория добивается ввода нового определения, однако в своем частном узусе продолжает использовать старое определение или возвращается к нему даже с каким-то вызовом (в «Википедии» говорится, что молодые афро-американцы то и дело используют, в применении сами к себе, слово «нигер». Однако боже упаси назвать таким образом их в лицо). Ну, так же дело обстоит, как мы знаем, с еврейскими анекдотами, а также с анекдотами о шотландцах или об обитателях области Кунео: их имеют право рассказывать только сами евреи, или же шотландцы, или жители Кунео.

Трудно поверить, но от политкорректности только шаг до подспудного расизма. Я помню, как после войны многие итальянцы, недоверчиво относясь к евреям, но не желая прослыть антисемитами, гово-

¹ Crisafulli E. *Igiene verbale. Il politicamente corretto e la liberta linguistica*. Vallecchi, 2004.

рили о евреях, поколебавшись в выборе пристойного слова, что те — «Сыны Израиля». Им было неведомо, что для евреев приемлее слово «еврей», пусть даже использовавшееся за несколько лет до того в контексте вражды и ненависти.

Еще один занимательный случай касается лесбиянок. Довольно долго те из говорящих, кто заботился о декоруме, ни в коем случае не говорили «лесбиянка», так же как и остерегались произносить презрительные клички гомосексуалистов. Они робко выговаривали: «последовательницы Сафо». Потом, когда получше разобрались в гомосексуалистах, выяснилось, что для мужчин предпочтительнее всего слово *gay*, в то время как для женщин — слово «лесбиянка»: в частности, благодаря культурным коннотатам лексемы «Лесбос». Оказывается, лесбиянок надо было звать лесбиянками.

Периодически политкорректность меняет, мне кажется — в общем и целом безболезненно — сам строй языка. Все чаще и чаще, когда приводятся общие примеры, люди стараются избегать слов в мужском роде. Мои американские коллеги, преподаватели университетов, вместо «когда я руковожу студентами», говорят «студентами и студентками»; всем известно, что председательствующего (*chairman*) в наше время именуют или *chairperson*, или *chair* (то есть «стул»). Из разряда шуток о политкорректности: предлагается переименовать почтальона (*mail man*), на *person person*, потому что не только *man* — мужчина, но и *mail* (почта) тоже произносится как *male* (мужчина).

В подобных прибаутках высмеивается тот факт, что войдя в набор обязательных демократических и «либеральных» принципов, незамедлительно приобретая коннотацию «левости» (как минимум в Америке), политкорректность сразу же дошла до абсурда. Начали говорить, что «*mankind*» (человечество) — некорректно, поскольку содержит корень *man*, и «исключает из человеческого рода женщин. По безграмотности было решено заменить его на *humanity*» принявшие это решение не ведали, что и *humanity* происходит от *homo* (и уж никак не от *mulier*¹!). В духе полнейшего озорства, и в силу той же этимологической неподготовленности, некоторые феминистские фракции решили не упоминать больше об истории как о *history* (ведь *his* — местоимение мужского рода) а говорить впредь о *herstory*.

При завозе положений политкорректности в другие культуры начинались новые корчи и судороги. И все мы знаем, сколько копий переломали у нас в Италии, решая, называть ли адвоката-женщину адвокатессой. А в одном пришедшем из Америки тексте я увидел, что поэтессой женщину разрешается звать Шлько если она супруга поэта. Думаю, действовать следует исходя из узуса. В Италии, скажем, «поэтесса» принято не менее чем «догаресса»², а вот «банкаресса» (служащая банка) прозвучало бы довольно дико.

Случай затруднительного переноса — как раз процитированный выше случай переукрашивания

- 1 *Homo* (лат?) — человек, мужчина. *Mulier* (лат.) — женщина.
- 2 Догаресса — женадожа.

негра в «черного». В Америке переход от слова negro к слову black был революцией в языке, а в итальянском от negro перешли к пего и это выглядит какой-то натяжкой. Тем более что термин negro имел свою вполне законную историю, укорененную во множестве литературных источников: все мы помним, как в переводах из Гомера, которые мы читали по-латыни в школе, звучало гордое «черное вино» «negro vino», и мы помним, что африканские литераторы, писавшие по-французски, предложили миру докторину «негритюд».

В Америке при дальнейшем развитии политкорректности, нередко убудочном, появилось дикое множество пародийных, страшно смешных словарей и справочников, в которых поди разбери относительно предложенных словарных форм, взаправду ли их хотят укоренить в языке или это попросту розыгрыш. Рядом с теми обиходными словами и обиняковыми выражениями, которые всем известны, мы находим варианты «сегрегированный от общества» для арестованного, «оператор по быкоуправлению» для ковбоя, «геокоррекция» (землетрясение), «субъект гибкого расселения» (бродяга), «эрекционно ограниченный» (импотент), «горизонтально легкодоступная» (девица легкого поведения), «фолликулярная регрессия» (облысение) и даже, подумайте, «меланиново недоукомплектованный» (для людей белой расы).

В Интернете есть сайт организации S.T.U.P.I.D. (Scientific and Technical University for Politically Intelligent Development — Научно-технический уни-

верситет политически разумного развития), где общается: в кампусе этого учебного заведения размещены «знаки дорожного движения на пяти языках, и вытисненные для ощупывания, по Брайлю», и что там читают лекции о вкладе австралийских аборигенов и алеутских индейцев в квантовую механику; там изучают вопросы, как может влиять малый рост (тех, кто vertically challenged — «вертикально озадачен») на способность людей к научным открытиям, на примерах Ньютона, Галилея и Эйнштейна, а также исследуют феминистскую космологию, противопоставившую маскулинной и эякуляторной концепции Большого Взрыва (Big Bang) теорию длительного вынашивания (Gentle Nurturing) нашей с вами Вселенной (пожалуйста, называйте ее в женском роде, очень просим не говорить «универс» или «космос»).

В Интернете можно найти политкорректные варианты историй Красной шапочки и Белоснежки. Не видел, правда, как там описываются гномы — без упоминания росточка? Я читал и долгую дискуссию на тему о том, как надо правильно переформулировать «пожарник приставил лестницу к дереву, залез и достал кота». Не говоря уж о явнейшей очевидности, что пожарника можно называть только менеджером противопожарного подразделения, необходимо урегулировать вопрос, что делать, если этим менеджером работает женщина? Не выступает ли пожарник (-ица) как гаситель (-ница) свободного самоопределения этого кота, который, может быть, желал быть оставленным на дереве? Имел ли право

пожарник посягать на благоденствие дерева, на которое он напер со своею лестницей? Ведь пожарный оскорбил кота, обойдясь с котом, словно он — бесправная собственность посылающих его хозяев! А проворно забравшись на лестницу, он создал психологический дискомфорт для всех физически несамодостаточных лиц, чье движение по причине каких-либо увечий ограничено! И так далее, и так далее, и так далее.

Политкорректность, с ее неотъемлемыми комическими и пародийными обертонами, с самого начала вызвала дикое раздражение консерваторов, приписывавших ей политическую окраску и видевших в политкорректное™ «идеологию левых сил», даже «лицемерие левых сил» и посягательство на нормальную свободу слова и самовыражения. Часто припоминают, ругая политкорректность, новояз Оруэлла, еще чаще — новояз эпохи сталинизма. Многие из этих реакций, в свою очередь, лицемерны. Будьте уверены, что существует и политкорректность правого лагеря, не в меньшей степени враждебная к лексике левых. Вспомним, что началось, когда кто-то из наших журналистов посмел высказаться об «иракском сопротивлении».

И все же следует понимать, где кончается моральный императив и где начинаются юридические преследования. Одно дело, что этически недостойно называть гомосексуалистов «пидорасами». Но это проблема чисто этическая. И даже когда так высказывается министр, даже на гербовой бумаге министерства, мы имеем дело только с мерзостной

пошлостью¹. От этого все-таки далеко до подсудности (если только этот министр не обозвал пидорасом другого, за что другой имеет право подать на *то-т&ясуд*). Так что никакой закон не даст вам столько лет или месяцев тюрьмы за «дворника» вместо «экологического оператора». Политкорректность — это на личную ответственность. На усмотрение каждого, в меру его хорошего вкуса и уважения к окружающим.

Известны, однако, такие случаи, когда за непolitкорректные высказывания телевизионные программы подвергаются санкциям, у них отзывают рекламу, или даже закрывают их. Мне известны скандалы в университетах, когда профессорам объявляли бойкот за некорректные высказывания. И должен добавить, что стычки возникают не только между либералами и консерваторами. Раздел проходит во многих случаях по достаточно нечетким демаркационным линиям.

Не так давно газета «Лос Анджелес Тайме» избрала для себя новый принцип издательской политики:

1. Имеется в виду итальянский министр Мирко Тремалья (р. 1926), депутат от неофашистов («Национального Союза», AN), министр последних двух правительств Берлускони, занимавшийся правами итальянцев за рубежом. 12 октября 2004 г. Тремалья грубо откомментировал (в личной записке на гербовой бумаге) международный неуспех министра Рокко Буттильоне, выступившего в Брюсселе с тезисом «гомосексуализм — грех», но не получившего поддержки. В то же время депутат Алессандра Муссолини, внучка дуче, написала «Лучше быть фашистом, чем педерастом» — это было оскорбление в адрес Владимира Луксуриа, коммунистического депутата-трансвестита.

использовать термин «anti-abortion» вместо «в защиту жизни» (pro-life). В термине «pro-life» действительно изначально заложена какая-то идейная предвзятость. Так вот, при редактировании статьи какого-то журналиста о каком-то театральном спектакле, сотрудник газеты нашел выражение «pro-life», использованное, однако, в совершенно ином смысле. Тем не менее он это выражение исправил на «anti-abortion», полностью исказив смысл газетной заметки. Все это вызвало скандал, и газета извинилась, опубликовав имя виновного. Но на этой почве произошел второй скандал, потому что согласно канону privacy газета не имела права публиковать имя сотрудника, работа которого состояла в редактировании чужих заметок.

Так что постепенно, и в особенности — в Америке, наблюдается сползание с чисто лингвистической проблематики (звать ли других именно так, как им желательно зваться) к проблемам прав меньшинств. Естественно, в университетах иностранные студенты хотели бы слушать курсы лекций о собственных культурных и религиозных традициях и о своей литературе. Но не так уж естественно, если, например, студенты африканского происхождения требуют заменить курсы по Шекспиру курсами по африканскому фольклору,

Нельзя забывать, что школа вовсе не должна учить студентов только тому, что им самим желательно, она должна довольно часто их учить как раз тому, что им вовсе не желательно или не сразу воспринимается как желательное. Иначе бы в началь-

ных и средних школах, забросив математику, грамматику и латынь, стали бы преподавать только компьютерные игры. По политкорректной логике, пожарник должен бы оставить в покое кота, и пусть тот бежит себе по шоссе, пока на него не наедет какая-нибудь машина, — ведь кот реализует таким образом свою естественную свободу.

Так мы подходим к последнему положению моей речи. Все чаще считается политкорректным (РС) любой политический подход, который способствует взаимопониманию между различными расами и религиями, а порой даже попыткам войти в положение идейного противника.

Одна из самых характерных в этом отношении историй имела место не так давно на американском телевидении, когда ведущий Билл Маэр не согласился с президентом Бушем, назвавшим «трусливыми» террористов, которые взорвали ВТЦ. Маэр париловал, что камикадзе можно обвинить в чем угодно, но не в недостатке храбрости. Что началось! Была мгновенно отозвана вся реклама, проданная в эту программу, да и программа после этого закрыли. Случай Билла Маэра не имел отношения к политкорректности ни с точки зрения левых, ни с точки зрения правых. Маэр высказал только свое собственное мнение. Его можно было упрекнуть за то, что он высказался таким образом перед широкой публикой, которая все еще с болью реагировала на все, что касалось 11 сентября. Можно было возразить ему (и кто-то возразил, помнится) что есть различие между трусостью физической и трусостью нравственной. Можно

было сказать в ответ, что камикадзе до такой степени одурманен собственным фанатизмом, что к нему не применимы категории «смелости» или «трусливости». И все же высказывание Маэра, отражавшее его личное мнение, не содержало никакой не-политкорректности.

У нас иногда подтрунивают над перебором политкорректности у тех, кто симпатизирует палестинцам, ругает за вывод наших войск из Ирака или слишком уж лоялен к наводняющим страну нелегальным иммигрантам. Между тем все эти случаи не имеют к политкорректности отношения. Речь идет об идейных и политических убеждениях, спорных сколько угодно, но все же беспорочных в плане лексики и выражения.

Однако консервативные политические силы до такой степени доспекулировались с этими разговорами о политкорректности, что в результате обвинение кого-либо в неполиткорректности стало казаться просто приемом, нацеленным на затыкание рта. Так что «РС» становится довольно противным словом, как это уже произошло с термином «пацифизм».

Как видите, ситуация трудная. Остается сделать вывод, что политкорректно использовать некоторые термины, в том числе «политкорректность», в их конкретном значении, и задействовать при этом здравый смысл. Наверно, не следует именовать Берлускони *вертикально ограниченным субъектом в*

стадии волосяной регрессии. А следует помнить о главном и фундаментальном принципе — гуманности и цивилизности, и не допускать в своем речевом обиходе высказываний, способных уязвить других людей, таких же как мы.

О частных школах¹

Питигрилли² каждое утро читал статью, сочиненную главным редактором, чтобы знать, что ему следует думать. Я этому принципу не сильно слеую, по крайней мере — не каждое утро. Тем не менее и впрямь, чтобы узнать, что же мне следует думать, я читаю статью — собственную, которую для этого и пишу.

Вот я решил написать несколько слов в русле полемики, которая сейчас идет в газетах насчет вопроса о частном школьном образовании. Постараюсь избежать слишком конкретных ссылок на ситуацию в итальянском парламенте и вообще как можно меньше вдаваться в технические частности.

Спросим кого-либо: правильно ли, если в демократической стране будет существовать частное образование (наряду с государственным), и правильно ли, если каждая семья будет иметь возможность выбирать для детей образование, которое она со-

1 «Che cos'è una scuola privata». «Република», август 2001 г.

2 Питигрилли (Дино Сегре, 1893-1975) — итальянский журналист, во времена фашизма политэмигрант, мастер остроты и парадокса.

чет наиболее уместным? Ответ будет несомненно: правильно, иначе какая же это демократия?

Теперь поставим вопрос иначе. Предположим, человек купил «феррари» за 250 000 евро. Что ж — он имеет право ехать на автодороге со скоростью 200 км/ч? Сожалею о потраченных им тысячах, но ответ будет: не имеет. А если я купил дом на берегу моря, имею ли я право гонять всех и каждого с пляжа, чтоб никто не шумел и не кидал там обертки и пивные жестянки? Ответ опять-таки будет: нет, не имею. Я должен признать, что берег принадлежит всем. Самое большее — я могу позвонить в полицию и нажаловаться на кидающих

Штука в том, что демократия дает возможность всем и каждому пользоваться любыми свободами — при условии, что эти личные свободы не ущемляют свобод других людей. Я даже думаю, например, что всякий человек имеет право на самоубийство — но при условии, чтобы этих самоубийств не становилось неприемлемо много. Если число самоубийств дорастет до эпидемии, государству придется вмешаться в это и постараться предотвращать самоубийства, ибо в конце концов вполне возможен серьезный ущерб благосостоянию целого общества.

Каким же образом все это касается частного обучения? Возьмем пример такой страны, как США, где государство ограничивается лишь тем, что гарантирует всем своим гражданам любую воображимую свободу, включая и разрешение на владение любым оружием (хотя кое-кто, похоже, там уже сомневается, не составляет ли эта свобода угрозу для свободы прочих

граждан). В США вы можете выбирать, идти ли вам в государственную или в частную школу. Мои друзья, неверующие и евреи, за немалые деньги отправили дочку к католическим монахиням, потому что у монахинь история начинается с Юлия Цезаря, а в нормальной школе — с Джорджа Вашингтона. Естественно, поучившись в этой хорошей школе, девочка поступила потом в Гарвард. А учившиеся в простых школах в Гарвард не поступили, потому что программа простых школ составлялась для пуэрториканцев, которые и по-английски толком говорить не умеют.

Поэтому положение в США можно описать так. У кого есть деньги, тот имеет возможность купить для детей приличное образование. У кого денег нет, дети его будут неграмотными. Следовательно, американское государство не предоставляет своим гражданам равные возможности. Если университеты, государственные и частные, в большинстве своем великолепны, — это оттого что они конкурируют на основании рыночных механизмов. Так что и многие государственные вузы тянутся изо всех сил, чтобы держать высокую планку.

Но ведь такая же конкурентность университетов есть и в Италии, особенно после новых законов об университетской автономии? Государство ограничивается только тем, что ратифицирует некоторые дипломы частных вузов, да составляет комиссии для конкурсов на заведующих кафедрами. Если ты закончил Боккони¹, тебе одна дорога, а если закончил

1 Частный платный университет Б о к к о н и в Милане относится к числу сравнительно новых (основанных в 1960-70-х гг.) учебных заведений, готовящих кадры для бизнес-структур.

какой-нибудь не слишком именитый университет, дорога другая, пока рыночная конкуренция, конечно, не откорректирует твой реальный уровень, или пока этот уровень не выяснится на конкурсе на место в суде, на место в прокуратуре, на место преподавателя или еще на какое-нибудь место.

Применительно же к детсадам, к начальным и средним школам — нет в наличии ни рыночной конкуренции, ни публичных конкурсов. Один получит крайне приблизительные знания и никогда не осознает этого (именно потому что его уровень крайне приблизителен), а другой получит высококлассные знания и вследствие этого — высококлассную работу. Это, по-вашему, демократия?

Решение. Государство должно признать право частных детских садов, начальных и средних школ обучать кого угодно, но должно выдать бонусы всем гражданам, дабы католики посылали детей к монахам-сколопам¹, а безбожники — в государственные учебные заведения. При демократии родители должны иметь право выбирать образование детей. Тогда

1 Сколопы (Бедные Регулярные Клирики Богоматери, создатели Добрых Школ) — католическая церковная конгрегация, основанная переселившимся в Рим из Испании святым Джузеппе Каласанцио (Хосе де Каласанц, 1557-1648). Сколопы понимают свою миссию как воспитательную работу, большей частью — с проблемными подростками. Церковь сколопов екуменична, она открыта для евреев и лиц, исповедующих иные виды единобожия. К трем главным обетам монашества (целомудрия, бедности и послушания) у сколопов добавлен обет преподавания. Открытая святым Каласанцио в 1597 г. в Трастевере (Рим) первая в Европе бесплатная народная школа при церкви святой Доротеи существует и сегодня под именем Коллегии народных школ Назарено.

пусть частные школы не требуют оплаты выше этого государственного бонуса и не норовят для привлечения состоятельной и культурной публики переграживать доступ эмигрантам или детям безработных, неспособным даже толком говорить по-итальянски.

Но реально ли заставить частную школу принимать чернокожих и культурно непродвинутых учеников? Если частной школе придется учитывать уровень этого контингента, чье присутствие будет оплачено государством, как она соблюдет свою элитную специфику?

Даже если будут исполняться законы демократического равенства, нам превосходно известно, что одни частные школы предлагают обучение высочайшего уровня, а другие специализируются на изготовлении по-быстрому дипломов для лоботрясов, за которых кто-то платит. В мои времена государство осуществляло за такими школами наистрожайший надзор. Помню, как обливались потом выпускники таких частных школ на обязательном государственном экзамене. А раз так, если этот контроль действительно должен быть — надо, чтобы выпускные экзамены были построже и посложнее. Помнится, у нас сдача выпускных экзаменов проходила так: была внешняя комиссия, в которую допускался только один преподаватель из нашей собственной школы, и сдавали полностью весь материал по всем предметам за три года. До сих пор мне снятся страшные сны о том экзамене. В ином же случае перспектива — несколько поколений недоучек. Часть их

выйдет из государственных школ, отведенных для люмпенов, а другая часть — из платных школ, где свидетельство об окончании просто-напросто покупается.

И это еще не вся беда. Предположим, что эти дефекты общества будут исправлены неким законом, который защитит права неимущих классов и поможет юному сенегальцу, родившемуся в Италии, посещать самую эксклюзивную из частных школ по стипендии государства. Но тогда в целях соблюдения равенства всех граждан, защиты всех религий и защиты всех мнений, вероятно, все на свете автоматически приобретут право открыть собственную частную школу и принимать в оплату государственные бонусы? Ну, монахи-склопы, это уж само собой. Ну, монахи-иезуиты. Но ведь захотят и вальденсы¹. Захотят и неверующие открывать такие частные школы, где учащимся будет прививаться здравый рационализм и преподаваться понемножку любой религии: по чуть-чуть Корана, понемножечку Библии, с довеском буддийских текстов, а история Италии будет интерпретирована исключительно антицерковно. Захотят и интеллектуалы от компартии пооткрывать лицеи (имени Фейербаха), нацеленные на борьбу с религиозными предрассудками.

1 Религиозная секта вальденсов состояла из последователей лионского купца Петра Вальдеса, жившего во второй половине XII века. Он призвал восстановить первобытную чистоту христианских нравов. Так родилась ересь «лионских нищих». Вальденсов отлучили от церкви в 1184 г. С тех пор они существуют в качестве секты, с собственными церквями и церковно-приходскими школами.

Масоны откроют Институт Хирама¹, образующий юношество согласно духовным и моральным принципам вольных каменщиков. Платит-то за все государство; каждое учебное заведение (с помощью, как знать, может — и частных спонсоров) сумеет и сравнять, и вывести в актив свой баланс.

Как же запретить (у нас же демократия) преподающему Муну с преподобным Милинго² открывать свои центры обучения? Существуют же штейнерианские³ школы? А мусульманам — тоже можно ведь?

1 Людвиг Фейербах (1804-1872) — немецкий философ-материалист, которого К. Маркс признавал своим учителем. Хирам — легендарный строитель Храма Соломона, покровитель масонов.

2 «Церковь объединения», основанная в Сеуле в 1954 г. американско-корейским проповедником Сан Мюн Муном (р. 1920), принадлежит к числу тоталитарных сект. Проживавший с 1971 г. в США преподобный Мун обвинялся в уклонении от налогов, шпионаже в пользу Северной Кореи, сексуальных домогательствах. Используя своих адептов во всем мире, создал экономическую империю с активным финансовым участием в транснациональных автомобилестроительных компаниях. Монсиньор Эммануэль Милинго (р. 1930) — католический архиепископ родом из Лусаки (Замбия), прославившийся своими сомнительными достижениями в области врачевания и изгнания бесов. В 2001 г. официально перешел в секту преподобного Муна и в мае того же года сочетался браком с сектанткой Марией Сунг. Был лишен сана, что не помешало ему претендовать на совершение таинств, а в 2006 г. монсиньор Милинго даже произвел в епископы четырех священников, к тому же — женатых.

3 Штейнерианские школы работают по методу немецкого философа и педагога, основателя антропософии Рудольфа Штейнера (1861-1925). Другое их имя — «Вальдорфские школы», по имени штуртартской фабрики «Вальдорф Астория». Обучение Штейнера первоначально разрабатывалось для детей рабочих этой фабрики.

И последователям вуду, и прочих культов афро-бразильского синкретизма?

Кто им не позволит? Ватикан, быть может, обратится к правительству с просьбой провести госконтроль... Начинать все заново? Да если даже представить себе, что технически осуществимы стопроцентная государственная проверка и государственный допуск, можем ли мы не дать допуска такой школе, которая прививает ученикам абсолютный скептицизм относительно всех религий, или запретить школу, построенную по принципам Корана, если эти школы по базовым программам (итальянский язык, история, география) будут соответствовать государственным критериям?

А если мы предоставим все эти допуски, то в результате получим страну разрозненных индивидов, сгруппированных по этносам, по идейным убеждениям, у каждого свой тип образования, и эти типы несовместимы между собой. Это нельзя назвать решением в духе здоровой поликультурности. Поликультурное общество должно воспитывать своих граждан в духе познания, признания и приятия различий, а не в духе незнания различий.

Иногда приводят в пример зарубежные страны, где торжествуют права на свободное образование. Есть, однако, Франция — образец баснословной не-свободы в образовании. Если вы француз и собираетесь сделаться крупным государственным чиновником, вам следует отучиться в ЭНС («Ecole Normale

Supérieure»¹) на улице Ульм, а чтобы поступить в «Эколь Нормаль Сюперьер», вы прежде должны пройти через один из важных государственных лицеев, вроде «Людовика Святого» или «Декарта» или «Генриха IV». В этих лицеех государство обучает своих граждан тому, что у них именуется «Республикой», а именно набору таких сведений и ценностей, которые должны уравнивать, по крайней мере теоретически, студента, родившегося в Алжире, и того, кто родился на севере Нормандии. Может, идеология этой «Республики» и жестковата, но ее нельзя корректировать от противного: не должно быть, чтоб католики шли только за католиками, протестанты за протестантами, мусульмане за мусульманами, атеисты за атеистами, а свидетели Иеговы за свидетелями.

Я признаю, что если все оставить в том виде, как предписала нынешняя Конституция, нам не уйти от несправедливости: богатые будут по-прежнему учить своих детей где им желательно, а очень часто им желательно учить их за рубежом (глупейшие из богатых родителей норовят заслать своих отпрысков в американскую «high school»²). А бедным будут, как обычно, светить бесплатные государственные школы. Но демократия всегда вмещает в себя терпимую долю несправедливости. С ней следует мириться.

- 1 «Ecole Normale Supérieure» (фр.) — Высшая нормальная школа — одно из старейших и престижнейших учебных заведений Франции.
- 2 High school (англ.) — старшие классы средней школы, в Америке часто отделенные от младших и средних.

ся, чтобы всему нашему обществу избежать несправедливости нестерпимой.

Вот какие я вижу проблемы, вытекающие из заявления, казалось бы, простого и необидного, будто всем должна быть доступна та школа, которая им нравится. И если мы с вами загодя об этих проблемах не подумаем, дискуссия выродится в банальную драку между католиками-фанатиками и безбожниками-антиклерикалами. А нужна ли нам эта драка, скажите мне?

Наука, технология и магия¹

Мы считаем, будто живем в эпоху, которую, отождествляя весь период с его началом, Исайя Берлин² нарек Веком Просвещения. Рассеялась средневековая тьма, явилась возрожденческая критическая мысль и с нею само понятие научной мысли, и всем нам свойственно думать, будто ныне у нас тут наступила эра, когда наука стала главной силой и царит повсеместно.

Честно сказать, эта идея абсолютной всезначности научного подхода, идея, которую в простоте душевной провозгласил Кардуччи³ в «Гимне Сата-

- 1 «Scienza, tecnologia e magia». Выступление на международной конференции по вопросам научной информации под председательством Умберто Веронези, Рим, ноябрь 2002 г. Впервые напечатано тогда же в газете «Республика».
- 2 Исайя Берлин (1909-1997) — английский политолог и писатель российского происхождения.
- 3 Джозуэ Кардуччи (1835-1907) — лирик, первый итальянский лауреат Нобелевской премии, автор исторических и гражданских од, «поэт нации».

не», та же, что — в заостренном виде — была основой «Коммунистического манифеста» 1848 года, — эту идею проповедуют, в большинстве, реакционеры, спиритуалы¹, *laudatores temporis acti*², а не ученые.

Реакционеры, а не ученые развертывают перед нами устрашающие картины, похожие на научную фантастику: картины мира, который, отринув все остальные ценности, предался и поклонился вере в научные истины, в мощь технологии. Модель эпохи, подчиненной науке, в глазах противников — именно та, триумф которой изображал Джозуэ Кардуччи в «Гимне Сатане»:

Оставь свой ладан, поп, упрячь кадило!
 Нет, не отступит дьявольская сила!
 Восслався, Сатана, врагов сразив —
 Ты, Разума великомощный взрыв!
 <...>Внимай, Сатан, молитвенному зову —
 Ты победил поповского Иегову!

Те, кто внимательно читает этот текст 1863 года, шидят, что там приведены в качестве сатанинских героев, поборающих засилие религии, ведьмы и алхимики, великие еретики и реформаторы, от Гуса до

- 1 Спиритуалы — философское течение 2-й половины XIX в. во Франции и Италии, противопоставлявшее преобладающим направлениям мысли — материализму и позитивизму — свою метафизику, выросшую из традиционного католицизма.
- 2 *Laudatores temporis acti* (лат.) — хвалебщики прошлого.

Савонаролы и до Мартина Лютера¹, но нет ни одного ученого, нет даже нашего соотечественника Галилея, которому полагалось бы просто очаровать антиклерикальную и республиканскую душу Кардуччи. У Кардуччи на месте Галилея иной идеальный герой, иное воплощение победы разума над верой — этот герой паровоз:

Дивновидно, страховолюдно, чудище играет,
 Рассекает океаны, землю обегает,
 Вихри, дымы изрыгая, подобно вулкану,
 Преодолеват горы, равнину пространну;
 Пропасты перелетает — и внезапно в горы
 Утекает, проницая их тайные норы,
 И опять, пройдя глубины, людям и природе
 Зычным зовом возвещает о своем приходе.

То есть даже Джозуэ Кардуччи, ценивший классику, но подверженный страстям в духе свежей романтической моды, видел торжество разума в технике, а не в научной идее. Это интересно, и отсюда мыведем мысль о противопоставлении между наукой и технологией.

Люди сегодняшнего дня не только ожидают от технологии непомерных достижений, но прямо тре-

1 Ян Гус (1371-1415) — чешский религиозный деятель, идеолог чешской Реформации. Джироламо Савонарола (1452-1498) — итальянский монах, проповедник, попытавшийся превратить Флоренцию в «Град Божий». Казнен по приговору Папского суда. Мартин Лютер (1483-1546) — немецкий религиозный деятель, основоположник Реформации, автор первого перевода Священного Писания на новые европейские языки (на немецкий: 1533).

буют их, при этом — не отграничивая разрушительную технологию от технологии созидательной. Дети воспитываются компьютерными играми, полагают наушники природным отростком евстахиевых труб¹ и дружат по Интернету. Они живут в технологии, они не в состоянии представить себе, как мог бы существовать иной мир, мир без компьютеров и даже без телефонов.

Но с наукой такой близости не выходит. Средства массовой информации сами путают науку с технологией и, к сожалению, запутывают публику, та начинает считать наукой все, что имеет отношение к технологии, и при этом не ведает, в чем содержание науки, и не знает, что технология — только придаток, только следствие, но никак не первостепенность.

Технология — это когда предлагается все и сразу. А наука движется постепенно.

Поль Вирильо² так описал нашу эпоху: всех захватила (я бы выразился — загипнотизировала) скорость. Главный знак нашего мира — скорость, это угадали с опережением футуристы. Мы желаем тратить не больше четырех часов на перелеты из Старого Света в Новый. Головная боль от «джет-лэга» ликвидируется лекарствами с мелатонином. Это мелкие

1 Перекличка со словами Ж. Бодрийяра в его эссе «Ксерокс и бесконечность»: «Видео, телевидение, компьютер, "минигель" — эти контактные линзы общения, эти прозрачные протезы — составляют единое целое с телом, вплоть до того, что становятся генетически его частью» (М.: Добросвет, 2000. С. 144. Пер. Л. Любарской, Е. Марковской).

2 Поль Вирильо (р. 1932) — французский архитектурный критик и философ, основоположник *дромшюгии* (науки о скорости, с 1980 года).

погрешности нашей чудной жизни в скорый век. Мы так привыкли к быстроте, что досадуем, когда медленно грузится электронное письмо или запаздывает самолет.

Однако эта технологичность жизни несколько не эквивалентна научности. Она тождественна, если угодно, магичности.

Что же такое магия, чем она была на протяжении столетий и чем является сегодня, пускай в закамouflированном виде?

Магия означает веру, будто можно перескочить в быстром темпе с причины на результат, опустив промежуточный процесс. Ткнуть булавкой в изображение врага — и враг погибнет. Произнести заветную формулу — железо станет золотом. Воззвать к ангелам и через ангелов направить важную информацию. Бенедиктинский аббат Тритемий (XV век) выступил провозвестником современных шифровальных машин, разрабатывая системы секретного кодирования для передачи посланий от правителей военачальникам. Все схемы Тритемия в наше время запросто взламываются на компьютере, но для его собственного времени они были достаточно гениальны. Так вот, чтобы схемы смотрелись поаппетитнее, автор изображал свою технику как волхвование, включающее в себя созыв ангелов, которые озабочены перенести подальше и поконфиденциальнее нашу зашифрованную информацию.

Магия — это когда не показывают длинную цепь следствий и причин и в особенности когда не пытаются проверить эту цепь методом повторяемых экс-

периментов. Чудо совершается сразу, в том-то красота магии. От первобытных культур до нашего просветленного Возрождения и далее до сегодняшнего дня, до мириадок оккультных сект и групп, кишаших в Интернете — вера в магию, надежда на магию отнюдь не угасла по воцарении опытной науки.

Страсть к стремительным перескокам от причин к результатам олицетворилась в технологии, которая воспринимается как дочь науки. А сколько пришлось попытаться, чтобы от первых компьютеров Пентагона, от «Элеа» фирмы «Оливетти» размером с целую комнату (помнится, потребовались месяцы программистам из Ивреи¹, чтобы заставить своего мастодонта сыграть марш из фильма «Мост через реку Квай»², к неимоверному их счастью и гордости) дойти до нашего с вами «лэптопа», где имеется все и сразу? Технология из кожи вон лезет, чтоб затушевать порядок причин и следствий, сделать вид, что причин не существует, что все вершится само собой, волшебным.

Первые компьютерщики писали программы на Бейсике, который был не машинным языком, а язы-

- 1 В городе Иврея (близ Турина) инженер Камилло Оливетти в 1908 г. основал легендарную компанию «Оливетти», производившую печатные машинки, а позднее — калькуляторы и компьютеры. Фирма внедрила в свой быт многие виды социальных забот о работниках и гордилась почти нулевой текучестью кадров. В 1950-е гг. компания «Оливетти» начинает разработки вычислительной техники вместе с некоторыми лабораториями США (Коннектикут) и создает «Elea 9003» — первый компьютер итальянской конструкции.
- 2 Удостоенный «Оскара» саундтрек Малколма Арнолда (1921–2005) из фильма английского режиссера Дэвида Лина «The Bridge on the River Kwai» (1957).

ком почти мистическим (мы — первые компьютерные пользователи — не знали язык машины, но понимали, что дабы вынудить машинные чипы связаться в определенную цепочку, им обязательно следует дать мучительно сложные инструкции на хитром бинарном языке). Впоследствии система Windows закультивировала это программирование на языке Бейсик, потребитель нажимает на кнопку и переворачивает перспективу, связывается с заморским корреспондентом, получает результат астрономического расчета; потребитель остается в полном неведении, каким же путем он дошел до этого (а путь-то был). Компьютерный пользователь воспринимает компьютерную технологию как магию.

Наверное, покажется странным, что эта магическая ментальность живуча в наше время, но стоит посмотреть вокруг, и мы убедимся, что магия популярна повсеместно. Повсюду правят бал сатанинские секты, под боком у нас исполняются синкретические обряды — те самые, за которыми совсем недавно антропологи уезжали в далекую Бразилию, а сегодня монсеньор Милинго устраивает свои рэдены в Риме, хотя Рим — отнюдь не Баия.

И даже традиционные религии все чаще отступают, дрожа, под натиском многообразных чужих ритуалов, и, дабы подманить публику, ныне перестают обсуждать публично и такую тематику, как таинство Троицы (хотя вообще-то богословские диспуты, хоть и подчинены особым критериям, все-таки методологически ближе к науке, нежели к магии, уж хотя бы по одному тому, что они развиваются поэтап-

но, ступень за ступенью, шаг за шагом), — и предпочитают преподносить сошествие Святого Духа как мгновенное чудо.

Разбирая проблему Троицы, богословская мысль продвигалась по правилам логики, поэтапным методом, выкладывая аргумент за аргументом для доказательства, что эта тайна постижна (или что она непостижима). А мысль магическая выводит на первый план сакральность, таинственность, трансцендентность, которая исходит от харизматической инстанции, и именно этой таинственной харизматичностью (отнюдь не трудными богословскими силлогизмами) завораживает широкие массы.

СМИ при первой возможности живописуют нам науку как магию, а эта первая возможность представляется как только наука начинает обещать какую-то потрясающую технологичность.

Сам собою возникает «низкий сговор» (*pactum sceleris*) между ученым и масс-медиа, потому что ученый не способен устоять перед соблазном, он даже считает своим долгом рассказывать о своем исследовании. Иногда это полезно для привлечения спонсоров (*fund-raising*), иногда исследование просто приятнее предъявить миру в качестве открытия еще до неизбежно грядущего разочарования, когда обнаружится, что обещанного результата вовсе нету на золотом блюдечке.

Мы все помним подобные эпизоды, от явно преждевременно разрекламированного «секрета хо-

лодного термоядерного синтеза» до постоянно обещаемого лекарства от рака. Это триумф веры в магию, в мгновенность. Трудно объяснить публике, что научная работа — это гипотезы, опыты, ошибки и разборы ошибок. Когда спорят, что достовернее — официальная медицина или знахарство, вопрос по сути стоит так: к чему ждать три года обещанного наукой, если можно получить моментальный результат от альтернативной медицины?

Недавно Гараттини в журнале *CICAP*¹ снова написал, что если больной принял лекарство и вскорости выздоровел, это еще не доказательство, что именно лекарство сработало. Существуют, по крайней мере, еще два объяснения: во-первых, могла иметь место природная ремиссия и лекарство подействовало только как плацебо; или, во-вторых, природная ремиссия могла быть уже на подступах и раньше, а лекарство только отдалило ее. Но вы только попробуйте предъявить широкой публике два этих последних рассуждения. Не будет вам ни малейшей веры, поскольку для магической ментальности всего важнее быстрый процесс, победный механизм связи между предполагаемой причиной и желанным результатом.

1 Сильвио Гараттини (р. 1928) — итальянский фармаколог, с 1963 г. — основатель и директор Института фармакологических исследований «Марио Негри» в Милане. *CICAP* (Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Rapagomale, Итальянский комитет по проверке сигналов о паранормальном) существует с 1989 г. и объединяет интеллектуалов, телевизионных журналистов и даже несколько нобелевских лауреатов. Гараттини — активный член рабочей группы и сотрудник выпускаемого Комитетом раз в два месяца журнала.

В связи с этим может произойти, да и действительно происходит странная вещь: урезаются средства, отводимые на науку, а общественность совершенно не возмущается урезанием. Общественность возмущалась бы, если бы закрыли больницу или повысили цены на лекарства, однако она остается невозмутимой, когда прикрывают долгие и медленные научные исследования. Ну самое большее, возникает неуютное чувство, что какие-нибудь ядерщики того и жди эмигрируют в Америку (хотя что скажешь, атомная бомба-то все равно у американцев). Никто не сознает, что именно этот срыв долгого исследования ставит под вопрос новое лекарство от гриппа или ввод в эксплуатацию нового автомобиля на электрическом ходу. Никто не связывает научные эксперименты, с одной стороны, и лечение полиомиелитного мальчика, с другой, потому что цепь последствий и причин в этом случае длинная, опосредованная, не «раз-два-три», как полагается по правилам волшебства.

Все мы помним выпуск сериала «Скорая помощь», в котором доктор Грин оглашает перед длинной очередью пациентов великую научную новость: тем, кто заболел гриппом, не будут прописывать антибиотики, потому что при гриппе антибиотики не помогают. Этот эпизод довел публику до такого накала, что зазвучали даже упреки в расовой дискриминации. Пациенты верили в волшебную связь антибиотиков с выздоровлением. Все СМИ убеждали их, что антибиотики спасают. В этой коротенькой цепочке главнейшая истина. Таблетка антибиотика — техногенный продукт и опознается как таковой. А разбор

причин и способов борьбы с эпидемией гриппа — забота всяких НИИ.

Я изобразил тут неприятную и разочаровывающую картину еще и потому, что в довершение всех зол даже некоторые правители (которые, если верить официальным сообщениям Белого дома, советуются с магами и астрологами) иногда в своих позициях ближе к человеку с улицы, чем к человеку из лаборатории. Я изобразил эту картину, но не могу порекомендовать, что же с ней делать. Нельзя уговорить масс-медиа отменить мистический подход. Масс-медиа обречены на мистицизм не только в погоне за «аудиторией», но и потому, что их обязанность — каждый день прорабатывать связи между причинами и следствиями, и связи эти описываются сплошь и рядом как магические. Существуют и всегда существовали, я согласен, серьезные популяризаторы — упомяну хотя бы моего друга Джованни Мария Паче¹, совсем недавно умершего. Но и для его серьезных статей газеты обычно находили такие крикливые, такие скандальные заголовки, что эти заголовки обычно искажали содержание статьи. Осторожный рассказ о том, что начинает разрабатываться вакцина против гриппа, неизбежно становился фанфарным провозвестием: грипп на земле

1 Джованни Мария Паче (1938-2002) — итальянский журналист и писатель, штатный сотрудник сперва журнала «Эспрессо», впоследствии газеты «Республика», автор статей о генетических манипуляциях с продуктами питания, здравоохранении, экспедициях в Антарктику, военных корреспонденциях (Балканы, Афганистан, война в Персидском заливе), статей о роботах, созданных для разминирования минных полей, работ на темы философии и биоэтики (эвтаназия).

скоро исчезнет без следа. (Думаете, благодаря *наше*? Нет, благодаря триумфу технологии, сумевшей внедрить в ассортимент новую пилюлю.)

Кж должен реагировать ученый на назойливый запрос газетчиков, которые ждут от него ежедневных волшебных обещаний? Ученый должен реагировать осторожно. Но и осторожность порою, как только что мы наблюдали, не помогает. Ученому не пристало, с другой стороны, и покрывать завесой тайны всякую научную новость, поскольку наука по естеству своему — принадлежит общественности.

Думаю, нам следует вернуться за парты начальной школы. Именно школа и все учебные центры наряду со школой — включая наиболее серьезные интернет-сайты — должны постепенно приучать молодых людей к правильному представлению о научных процессах. Это самая нелегкая часть обучения, потому что и школе очень свойственно впахивать в память учащихся отрывочные данные, связь между которыми непостижима и магична. Мадам Кюри¹ приходит вечером домой, глядит — на бумаге пятно, и открывает радиоактивность. Доктор Флеминг² кидает задумчивый взор на плесень и понимает: пенициллин. Галлилей по колебанию пламени в лампе осознает, что Земля-то обращается. Мы настолько прекрасно за-

1 Мария Склодовская-Кюри (1867-1934) — французский физик, дважды лауреат Нобелевской премии, исследовала явление радиоактивности и открыла радий и полоний.

2 Александер Флеминг (1881-1955) — английский бактериолог, лауреат Нобелевской премии, обнаружил способность содержащегося в плесени пенициллина уничтожать патогенные микроорганизмы.

помнили, какую трепку получил Галилей за свою научную смелость, что забыли: Галилей понятия не имел, по какой орбите земля обращается.

Как можно ожидать от школы корректной научной информации, когда еще до сих пор во многих учебниках и во многих хрестоматиях можно прочесть, что до Христофора Колумба люди считали землю плоской? Ведь это извращение истории. Уже древним грекам прекрасно было известно, что земля круглая, и это знали и саламанкские мудрецы, тормозившие экспедицию Колумба именно потому, что они точнее, чем Колумб, все рассчитали и хорошо представляли себе настоящий масштаб нашей с вами планеты.

И все же одно из назначений интеллигента — кроме жесткой и суровой критики — это просвещенная популяризация. Все мы превосходно понимаем, что в Италии более чем где бы то ни было научный работник считает занятие популяризацией делом компрометирующим. Между тем великими популяризаторами были и Эйнштейн, и Гейзенберг, и мой покойный друг Стивен Джей Гулд¹. И ес-

1 Вернер Карл Гейзенберг (1901-1976) — немецкий физик, создатель квантовой механики, лауреат Нобелевской премии 1932 г., автор принципа неопределенности. Его популярные лекции собраны в сборнике «Физика и философия» (1958) и в книге «Часть и целое» (1969), посвященной жизни автора, дружбе с Нильсом Бором, многим проблемам науки. Стивен Джей Гулд (1941-2002) — американский палеонтолог и зоолог, автор теории «прерывистого равновесия» (punctuated equilibrium, *лат.*), предполагающей, что некоторые виды в силу чисто случайных причин совершали скачки в биологическом развитии.

ли все-таки ждать откуда-то не-волшебного описания ситуации в науке, то его ждать можно отнюдь не от журналов и газет, а от самих исследователей и ученых. Именно они должны потихоньку трансформировать общественное сознание, влияя на молодых.

Полемическое резюме этого моего выступления: пиетет в отношении науки в наше время основан на ошибочных предпосылках и, как бы то ни было, извращен совместным влиянием двух магических подходов — веры в волшебное колдовство и веры в колдовство технологическое. Эти подходы до сих пор царят и в душах наших слушателей, и в их головах, и в их сердцах.

Если не стремиться выйти из порочного круга лжеобещаний и обмануемых мечт, науке — несдобровать.

В пору раннего средневековья Исидор Севильский¹ (между нами, зарекомендовавший себя перед лицом истории в качестве простяги и легковера, способного всерьез полагать, будто *lucus* происходит от поп *lucendo*, а *cadaver* — от *caro data vermibus*²), все же сумел — хоть и на основании неверных сведений, восходивших к незапамятным временам, к Эратосфену³,

1 Исидор Севильский (570—636) — испанский епископ и доктор католической церкви, составитель компендиума «*Etymologiae*» в двадцати книгах.

2 *Lucus* (*лат.*?) — густой лес. *Non lucendo* (*лат.*) — без света. *Cadaver* (*лат.*) — труп. *Caro data vermibus* (*лат.*) — мясо, данное червям.

3 Эратосфен Киренский (ок.276 — ок. 194гг. до н.э.) — греческий математик, астроном, географ, первым рассчитавший с большой точностью окружность земного шара.

почти что правильно и в любом случае без всякого волшебства вычислить длину экватора. Но по экватору гуляли единороги и лесные чуды-юды, и хотя ученые не сомневались, что земля сферична, художники по своим уважительным причинам представляли ее не только плебеям, но даже господам в качестве плоского диска с Иерусалимом в середине, или расплющивали шар для пушей символичности и для удобства демонстрации (как до сих пор Землю расплющивают в школьном атласе). Расплющивали не очень сильно, но все-таки достаточно, чтоб все кругом переставали понимать, какая же форма на самом деле у земного шара.

Вот так, пройдя через три века Просвещения, мы все еще похожи на Исидора: когда газеты повествуют о наших научных симпозиумах, симпозиумы неотвратимо выглядят волхвованием.

Чему тут удивляться? Мы и сейчас, как в Средние века, деремся и пышем неудержимым фундаментализмом, упрямым фанатизмом. Ратуем за крестовые походы, целые континенты вымирают от голода и СПИДа, а телевидение при этом показывает (волшебно преображая) нас с вами в качестве блаженных богатейших людей, привлекая на наши побережья баркасы, нагруженные нелегалами из Африки и Албании. Эмигранты хотят попасть к нам, как в старину все хотели попасть на Эльдorado. Как не понять, что простакам до сих пор неизвестно, что есть наука, и они склонны принимать за науку даже ренессансную магию? И что для них волшебство — возможность послать сообщение в Австралию

по цене внутригородского звонка и со скоростью молнии?

Чтоб успешно продолжать работу, каждый из нас в своей области должен хорошо сознавать, в каком мире он живет, делать выводы, быть хитроумным как змея и если не чистым как голубка, то хотя бы великодушным как пеликан¹, и всегда стараться преподнести от себя нечто людям, которые о нас никакого понятия не имеют.

Как бы то ни было, следовало бы ученым остеречься тех, кто чересчур их боготворит и считает, будто ученые — это жрецы истины в последней инстанции. Ученого легко возвышают до статуса мага. Но стоит ученому замешкаться с выдачей проверяемого результата, он будет объявлен шарлатаном, в то время как колдуньи, выдавая результаты не проверяемые, но эффективные, получают приглашения на ток-шоу. Так что ученым на ток-шоу ходить не надо, чтоб их не перепутывали с колдуньями.

¹ Пеликан, отрывающий собственное мясо с груди, чтобы накормить детей (так интерпретировали издавна зрелище раздачи птенцам полупережеванной отрыгнутой пищи) — воплощение милосердия и Христовой жертвы, изображался в церквах и на эмблемах в качестве символа Христа. Имя пеликана носят масонские ложи и благотворительные учреждения (в особенности по призрению детей).